

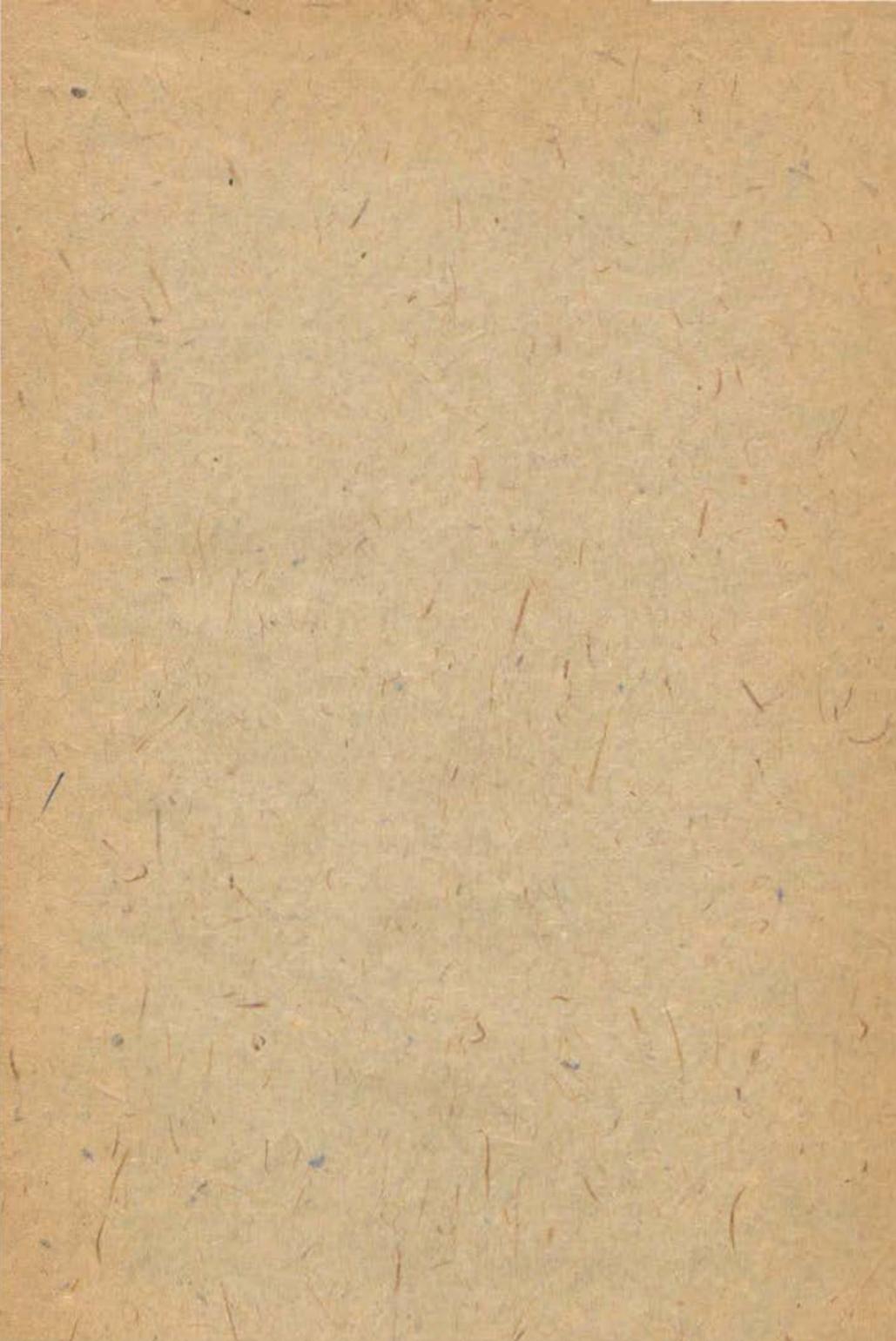
T

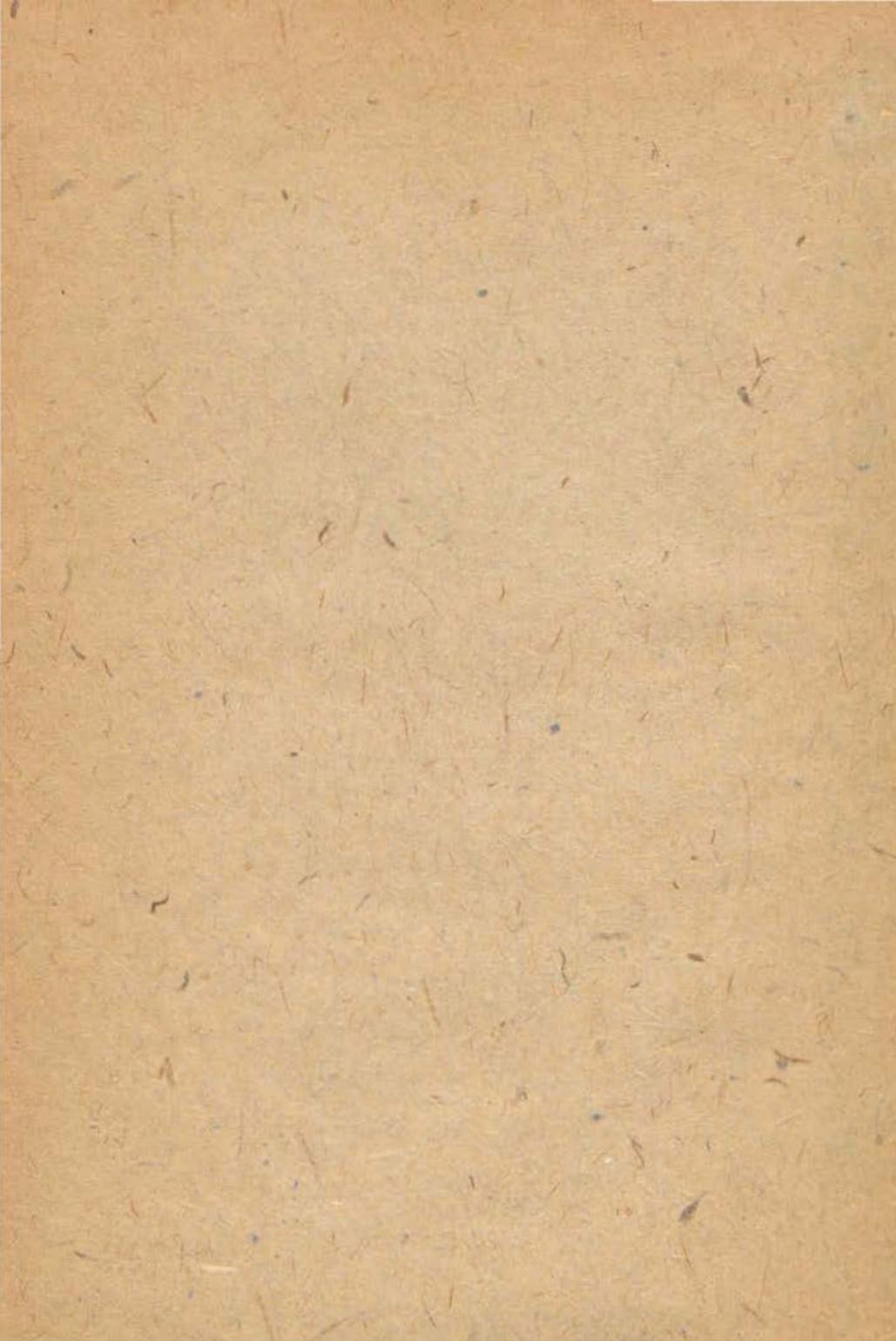
13
283

T

13
283

~~13~~
283

015
0123
КАКОВА ЖЕ

Н

А

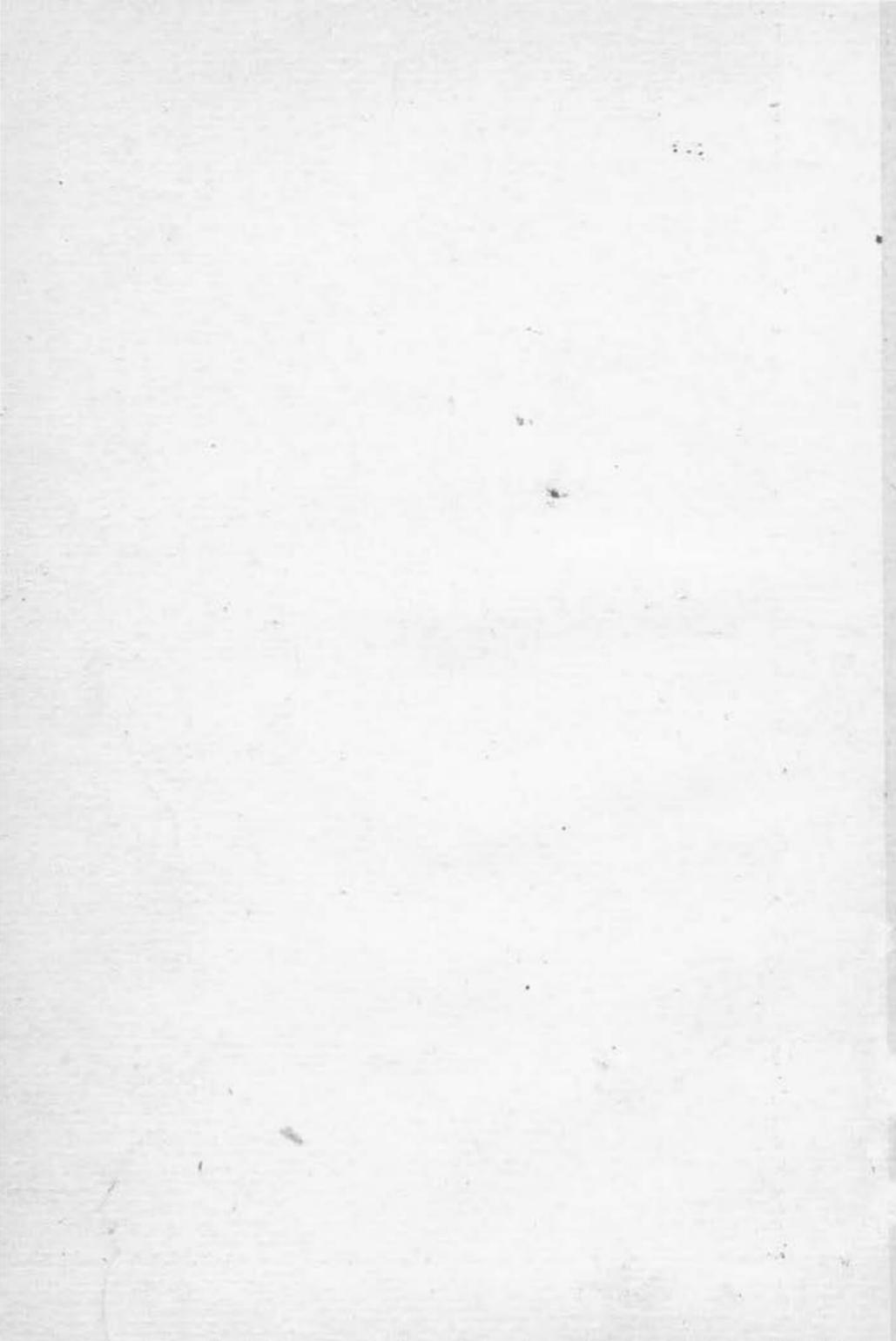
Ш

А

МОЛОДЕЖЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

95-2

13
283

156

фрб

13
Т 283

50 157 85 2000 500 111

КАКОВА ЖЕ НАША МОЛОДЕЖЬ?

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. И. ГУСЕВА

XVII-31535

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Обложка Б. Б.
Титова.

ОТПЕЧАТАНО

в 1-й Образцовой типографии
Госиздата.

Москва, Пятницкая, 71.
Главлит 88533. Гиз 29564.

Тираж 7000 экз.

Зак. № 2744.

2010517388

КАКОВА ЖЕ НАША МОЛОДЕЖЬ?

I.

Почему наша молодежь интересуется половыми вопросами.

Вошедшие в настоящий сборник статьи охватывают те вопросы, которые скопились вокруг рассказов С. Малашкина («Луна с правой стороны»), П. Романова («Без черемухи» и «Суд над пионером») и Л. Гумилевского («Собачий переулок»).

Вот уже несколько лет, как этого рода вопросы, с легкой руки т. Коллонтай, волнуют в той или иной форме, в той или иной постановке, в той или иной степени нашу молодежь. Интерес к этим вопросам то угасает, то вспыхивает вновь и разгорается ярким пламенем, становясь в центре внимания молодежи.

Последняя очередная вспышка у молодежи интереса к проблеме пола связана с перечисленными нами рассказами, которые появились за короткий промежуток времени один вслед за другим. По поводу этих рассказов кипят шумные споры, устраиваются диспуты, выносятся резолюции, и в литературе вокруг них идет горячая полемика. Нередко трудно сказать, что вызывает большее волнение, более сильные страсти: проблема пола или китайская революция.

С несомненностью, однако, теперь же можно установить, что, во-первых, вопросы, накопившиеся вокруг рассказов Малашкина, Романова и Гумилевского, занимают неподобающее им, чрезмерно большое место и, во-вторых, что чем дольше идут споры, тем дело все больше запутывается, тем все более усиливается разногласия.

В настоящем сборнике помещена выдержка из доклада т. Ярославского, читанного в Политехническом музее 14 апреля 1926 г., — выдержка, в которой три четверти занимает цитата из воспоминаний т. Клары Цеткин о ее разговоре с т. Лениным по поводу половой проблемы.

Как ставит вопрос Ленин? Он старается вскрыть те естественные причины, которые в наше время нередко выдвигают половую проблему на самый первый план.

«В области брака и половых отношений, — говорит он, — близится революция, созвучная пролетарской революции».

«Новые идеологические ценности выкристаллизовываются медленно, с борьбой... Это — медленный и часто болезненный процесс исчезновения и зарождения. Все это касается и области половых отношений, брака, семьи».

В результате этой приближающейся революции в области брака и половых отношений возникает та «неурядица» в области половых отношений, от которой сильно страдают и женщины и молодежь.

Таковы естественные причины обостренного интереса у нашей молодежи к половым вопросам.

Несмотря, однако, на их естественность, Ленин неоднократно предостерегает нашу молодежь от тех опасностей, которые несут с собой чрезмерное увлечение

половой проблемой и неурядица в области половых отношений.

«Вопросы пола и брака не воспринимаются как части главного социального вопроса. Наоборот, большой общественный вопрос начинает сам казаться частью, придатком проблемы пола. Самое главное отступает на задний план как второстепенное».

Это — первая, весьма серьезная опасность. В момент, когда международное положение все более осложняется, когда над первым в мире рабочим государством нависает угроза новой интервенции, в момент, когда, преодолев разруху, вызванную семью годами империалистической и гражданской войны, наше молодое рабочее государство напрягает все усилия для решения основных вопросов социалистического строительства (индустриализация, кооперирование крестьянства и культурная революция), — не опасным ли, не вредным ли является в такой момент концентрирование внимания молодежи на половых вопросах?

Вторая опасность, на которую указывает Ленин, это — «расточение сил и здоровья юности» в связи с неурядицей в области половых отношений.

«Это безобразие, — говорит он, — особенно вредно для юношеского движения, особенно опасно... Оно очень легко может способствовать чрезмерному возбуждению и подогреванию половой жизни у отдельных лиц и повести к расточению здоровья и сил юности».

Разговор Ленина с Кларой Цеткиной относится приблизительно к 1919—1920 г. С тех пор много воды утекло, многое изменилось. И естественно, возникает вопрос: не миновали ли уже те времена, когда указанные г. Лениным опасности грозили нашему юношескому движению?

Не произошла ли уже у нас та революция в области брака и половых отношений, о которой говорил Ленин? На изжита ли уже у нас та неурядица в области половых отношений, на которую указывал Ленин?

Последний вопрос и есть тот основной вопрос, на который должен быть дан ясный, простой, точный, недвусмысленный ответ.

Существует ли у нашей молодежи неурядица в области половых отношений или не существует? Вот на что нужно ответить прежде, чем пускаться в споры и разговоры о повестях Малашкина, Романова и Гумилевского.

II.

О половой неурядице у нашей молодежи.

1. Три точки зрения.

Уже априори, исходя из того, что говорил Ленин насчет революции в области брака и половых отношений, «созвучной с пролетарской революцией», можно утверждать, что неурядицы в области половых отношений у молодежи не может не быть. Эта революция у нас уже началась, но конца ее еще не видно. Всякая революция несет с собой ломку старых отношений, нарождение новых. Это относится и к половым отношениям. Но в буржуазной революции ломка средневековых половых отношений была неполной. Пролетарская же революция ведет к коренной ломке половых отношений и создает в силу этого большую, чем в буржуазной, неурядицу в этой области. Особенно сильна эта неурядица в странах отсталых, с преобладающим крестьянским населением. Здесь строительство социализма, и в частности установление новых половых отношений, встречает огромные трудности и протекает

в обстановке неурядицы, во всех областях гораздо большей, чем это будет в странах с преобладающим пролетарским населением.

Поэтому неурядица в области половых отношений не только не может не быть, не только она есть налицо, но она и будет, ибо она не может быть в короткий срок изжита. Не следует себе строить на этот счет никаких иллюзий.

Но именно в этом вопросе — в вопросе о факте существования половой неурядицы у молодежи — царит наибольшая разногласица, путаница, неразбериха, противоречия.

С одной стороны, вы видите т. П. Ионову, который весьма решительно заявляет, основываясь на рассказах Романова («Без черемухи») и Малашкина («Луна с правой стороны»): «В области половых сношений — царство голой физиологии, распущенности и разврат». Это очень решительная, последовательная постановка вопроса, что не мешает ей быть весьма неправильной.

С другой стороны, перед вами т. Корабельников, который почти начисто отрицает факт половой неурядицы у пролетарской молодежи и все явления этого рода переваливает на «разложение гибнущих под натиском растущего социализма чуждых революции классов».

Вот что пишет т. Корабельников: «В области половой жизни неизбежны отклонения от половых норм, отдельные (курсив везде наш. С. Г.) вывихи и извращения, случаи беспорядочной половой жизни и шаткость половой морали. Эти явления имеют место и в быту пролетарского студенчества и, может быть, в большей мере, чем в быту рабоче-крестьянской молодежи, потому что студенчество на время учебы порывает с ранее установившимся бытом, принуждено 4-5 лет проживать в специфической обстановке».

«Типичные явления распада мещанства, — говорит т. Корабельников в другом месте своей статьи, — Малашкин перенес в обстановку пролетарского студенчества и комсомола, совершенно сам не заметив того, что герои, описанные им в повести, являются типичнейшими представителями мещанства и ни в коей мере не имеют ничего общего с пролетарским студенчеством».

«Чужая болезнь выдана за нашу боль, — восклицает т. Корабельников, — чужие гноящиеся язвы показаны на пролетарском теле».

Нельзя отказать точке зрения т. Корабельникова в определенной последовательности. Но и она далеко не верна.

Наконец, третья точка зрения представлена т. В. Полянским. Эту точку зрения нельзя назвать иначе, как путаной, эклектической.

С одной стороны, т. Полянский пишет: «Имел ли С. Малашкин социальные, психологические и логические основания к тому, чтобы взятые им элементы, которые, быть может, в отдельности и существуют, объединить в то целое, которое он нам преподнес?».

Значит, только «в отдельности» и только, «быть может», существуют в жизни.

С другой же стороны, основываясь на анкете среди свердловцев, он заявляет: «Половой распущенностью страдает достаточный (?) процент студентов пролетарского и крестьянского происхождения».

И тут же т. Полянский торопится добавить, в противоположность т. Корабельникову, который валит все на «мелкобуржуазный элемент»: «Нельзя говорить, что это исключительно свойство мелкобуржуазной стихии».

Итак, с одной стороны, нельзя не сознаться, а с другой — надо признаться, — такова «установка» т. Полянского, в которой уже никакой последовательности не уловишь.

Точка зрения т. Полянского является наиболее распространенной. Огромное большинство товарищей, писавших и говоривших о половой проблеме в студенческих кругах, не сводят концов с концами и повторяют формулу т. Полянского.

Странная история! По вопросу о факте существования или несуществования половой неурядицы и половой распущенности у молодежи — такие противоречивые взгляды. Говорят, что факты — упрямая вещь. Но упрямство факта в данном случае, видимо, сводится к тому, что этот факт упрямо не поддается установлению.

И самое странное в этой странной истории то, что доказательства-то в пользу существования или несуществования факта почти никаких не приводится. У т. Ионова — ссылка на рассказ Малашкина («Луна с правой стороны») и рассказ Романова («Без черемухи»), у т. Полянского — путаница, не разберешь — «то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет», и единственная ссылка на анкету среди свердловцев. У т. Корабельникова единственное фактическое доказательство — это та же самая анкета среди свердловцев, из которой он делает вывод, прямо противоположный выводам т. Полянского.

Разберемся же в этом единственном доказательстве — в свердловской анкете.

Тов. Корабельников цитирует из «Записок Коммунистического университета им. Свердлова» (т. I, январь 1923 г.) следующий вывод: «Идеалом подавляющего большинства коммунистического студенчества является

длительное половое общение, за которое высказались 85,7% мужчин и 73,9% женщин».

В дополнение к этой анкете т. Корабельников приводит цифры такой же анкеты, произведенной в МГУ, где преобладают беспартийные, — анкеты, показывающей, что из 1 200 студентов «за длительные любовные отношения» — 72,2%, а из 302 женщин — 81,6%.

Достаточны ли эти доказательства? И доказывают ли они, что хочет доказать т. Корабельников?

Нет, недостаточны и не доказывают.

Во-первых, до 100% в свердловской анкете не хватает 14,3% мужчин и 26,1% женщин. Соответствующие цифры по МГУ — 27,8% и 19,4%. Процент, как говорит т. Полянский, «достаточный», по поводу которого никак нельзя говорить: «отдельные вывихи и извращения, случаи».

Во-вторых, обе анкеты говорят только об «идеалах» студенчества в области половой жизни. А как обстоит дело не в идеале, а в действительности? Вот на этот вопрос следовало бы дать ответ.

2. Какова действительность?

Так как на этот счет статистических данных не имеется, то призовем спокойного и вдумчивого свидетеля, т. Ек. Троценко, статья которой обращает на себя внимание простым деловым подходом к вопросу.

Вот что она пишет:

«Материальное положение студенчества таково, что жениться студенту до окончания вуза — это значит «загубить свою жизнь молодую». Здесь, в этом пункте любопытнейшим образом пролезает старинное буржуазное установление: до тех пор, пока молодой человек не окажется в состоянии содержать сам семью, же-

нитьба представляется невозможной. И так как время приобретения такой самостоятельности почти никогда не совпадает с наступлением возраста, когда половая жизнь ставится в порядок дня, то в промежутке юноша «пробавляется», как придется» (курсив наш. С. Г.).

«Пробавляется», как придется, — это и есть неурядица в области половых отношений, которая в общем потоке половой неурядицы усиливается у учащейся молодежи особыми причинами, описанными т. Троценко и подтверждаемыми т. Корабельниковым:

«Еще года два тому назад, — продолжает т. Троценко, — у нас было колоссальное количество ранних браков. Но за последние годы учащаяся молодежь (у рабочей молодежи другое положение) стала значительно осторожнее. Или учиться, или жениться. На 25 рублей и самому-то прожить трудно, где уж тут семье».

«Есть и среди нынешней молодежи, — говорит т. Троценко несколько дальше, — юноши, которые, по выражению одного студента, «проявляют полную индифферентность в отношении женщин», — одиночки, «книжные черви». На них смотрят как на чудаков, подтрунивают; в большинстве же парень 19—20 лет уже жил половой жизнью, и так как условия не позволяют ему даже и думать о женитьбе, то и отношение к женщине у него строится отнюдь не в плане длительной связи на основе глубокого чувства. Больше того, в его психике возникает нечто вроде торможения по отношению к глубокому чувству, как только оно начинает назревать».

Таким образом, «идеал» — «длительное половое общение», а действительность — «отнюдь не в плане длительной связи на основе глубокого чувства», «торможение по отношению к глубокому чувству».

Как же разрешается «половая проблема» среди учащейся молодежи?

Вот что на этот счет говорит тов. Троценко:

«Чаще всего это — непродолжительные романы, возникающие по взаимному влечению. Объект обычно находится в своей же студенческой среде. Окончившийся роман совсем не обязательно влечет за собой немедленно другой, бывают большие перерывы. Совсем не обязательна в каждом романе половая связь, и далеко не всегда роман кончается после того, как парень добился половой связи. Несмотря на то, что условия как будто толкают молодежь к беспорядочной половой жизни, — все это никак нельзя представлять себе в виде охоты за женщиной, которой наша молодежь предается будто бы в стенах вузов и общежитий. Есть, конечно, отдельные парни, выступающие в роли покорителей, свои местные дон-жуаны. Это — единичные личности с ярко выраженным эротическим темпераментом, для которых, действительно, незротическое общение с женщиной невысказано. Эти ребята вызывают к себе со стороны окружающих такое же шутливое, насмешливое отношение, как и «книжные черви». Но с легким оттенком восхищения... Это восхищение очень показательное: в нем прорывается все же «охотничье» отношение к женщине, элементы которого, несомненно, есть у нашей мужской молодежи».

Итак отдельные настоящие «охотники» («достаточный» процент т. Полянского), элементы «охотничьего» отношения к женщине у остальных, которые, как говорится, при случае в грязь лицом не ударят.

Приведем еще мнение одного постороннего свидетеля, т. И. Бобрышева из «Комсомольской правды» (1 марта 1927 г.).

«Никто не отрицает наличия половой распущенности,—она есть»,—заявляет он, говоря о студенчестве.

Показание т. Бобрышева, у которого, как почти у всех, писавших по этому вопросу, концы не сведены с концами, интересно потому, что по поводу чубаровцев у него имеется одно меткое замечание: «Поскольку чубаровцев, как таковых, так сказать, «стопроцентных»,—единицы,—говорит он,—это не так опасно. Опаснее другое: отдельные элементы чубаровщины (водка, отношение к женщине и т. д.) распространены более широко» (курсив т. Бобрышева).

Тов. Бобрышев понимает, видит то, чего не понял и не увидел т. Полянский: то, что отдельно существующие элементы могут соединяться не только в фантазии писателя, но и в жизни в нечто целое, хотя бы это целое и было представлено единицами или отдельными небольшими группами.

Наконец, еще один свидетель по разбираемому нами вопросу: процент венерических заболеваний у молодежи, который, по авторитетным отзывам, хотя и не дает основания к панике, но все же серьезен.

3. О половой «пирамиде».

Мне думается, что мы уже теперь можем сделать некоторые выводы по вопросу о «проблеме пола» среди учащейся молодежи (да и только ли среди учащейся и только ли среди молодежи?). Наличие половой неурядицы, как общего явления, несомненна. На «базисе» неурядицы в области половых отношений в качестве «надстройки» вырастает половая распущенность (в «достаточном» проценте), которую не следует смешивать с неурядицей, а надстройку половой распущенности

«увенчивают» в качестве вершины надстройки уродливые явления, вроде тех, которые описаны Малашкиным, Романовым и Гумилевским.

Еще одно общее соображение подтверждает, на мой взгляд, правильность этих выводов, которые не могут быть иллюстрированы данными статистики, за отсутствием таковых.

У нас налицо не только половая неурядица и «достаточный» процент половой распущенности, но уже существуют особые теории, изображающие половую распущенность как нечто не только естественное, но и сугубо революционное. А теории всегда вырастают из практики. Ленин едко высмеивает все этого рода теории, в частности «коммунистическую» теорию «стакана воды». Теория, известная теперь под названием «без черемухи», представляет собой только применение «коммунистической» теории «стакана воды» к переходному от капитализма к социализму периоду, который мы переживаем.

Теорию «без черемухи» П. Романов не выдумал. Сошлюсь на статью т. Ипполита¹⁾, в которой он вполне правильно критикует теорию любви тт. Стратоницкого и Шкутова, сводящуюся к положению, что «любви нет, а есть физиологическое явление природы». Это и есть — «без черемухи».

Мы совершенно не останавливаемся на количественной стороне явлений, связанной с неурядицей в области половых отношений и с половой распущенностью. Для нас важно, во-первых, установление самого факта и, во-вторых, выяснение соотношения между отдельными частями «пирамиды», состоящей из трех «этажей»: базиса (половая неурядица), надстройки (половая распущенность) и вершины (уродливости). Между всеми этими

¹⁾ «Юный коммунист» № 3 — 1927 г.

частями существует тесная органическая связь, ибо они вместе составляют нечто целое, единое. По базису мы можем судить, какова надстройка и какова вершина. И наоборот, идя сверху вниз, мы, видя вершину, можем сказать, какова надстройка и на каком базисе эта надстройка покоится.

Совершенно неправилен взгляд на уродливости, как на исключения, хотя бы эти уродливости были единичными. Эти единичные уродливости являются концентратом, сгустком половой распущенности, соединением в единое целое отдельных элементов половой распущенности. В свою очередь половая распущенность есть концентрат, сгусток половой неурядицы, или половая неурядица в «спрессованном» виде. Если говорить в философских терминах, то мы имеем здесь переход количества в качество: на известной ступени половая неурядица переходит в половую распущенность, а половая распущенность в свою очередь на известной ступени переходит в уродливости или извращения.

В чем общая ошибка гг. Ионов, Полянского и Корабельникова, которых мы взяли как представителей трех основных точек зрения? В том, что они не видят всей «пирамиды» в целом или же не понимают отношения между ее частями. Тов. Ионов видит и вершину и надстройку и частично понимает отношение между ними. «Малашкин, — говорит он, — описывает те же бытовые отношения, что и Романов, но только на следующей, так сказать, высшей ступени их развития». Но г. Ионов не видит базиса или, вернее, принимает надстройку за базис. Тов. Корабельников видит только вершину, но не видит ни надстройки, ни базиса. Тов. Полянский видит как будто и вершину и надстройку, но не видит базиса, причем соотношение между вершиной и надстройкой им изображается неправильно, как противо-

речивое. На деле же между ними никакого противоречия нет и не может быть.

Поэтому-то и получается, что т. Ионов «констатирует» факт, который в действительности не существует; т. Корабельников отрицает в действительности существующий факт, а т. Полянский путается в вопросе о констатации факта.

Поэтому-то у т. Ионова и получается сплошная уродливость, мрачная, глубоко пессимистическая картина.

Поэтому-то у т. Корабельникова и получается казенный оптимизм, как он от него ни отрещивается. «Страсти-мордасти» разлагающегося обывательского быта, — говорит он, — могут заразить и заражают некоторые малоустойчивые элементы и отдельные единицы в комсомоле. Было бы казенным оптимизмом замазывать и замалчивать такого рода отрицательные явления. Ничего, кроме вреда, это не принесло бы».

Вот, видите, на словах решительное выступление против казенного оптимизма, а на деле — доподлинный казенный оптимизм.

4. Мелкобуржуазный распад и пролетарская революционная ломка.

Чтобы покончить с вопросом о неурядице в области половых отношений, о половой распущенности и о возникающих на почве последних уродливостях, нам необходимо еще остановиться на вопросе о продуктах распада гибнущих или обреченных на гибель чуждых и враждебных социализму классов (городской мелкой буржуазии, «недорезанных» буржуев и новой буржуазии). Продукты распада этих классов, поскольку речь идет сейчас о половых отношениях, чрезвычайно сходны

с теми явлениями, которые мы наблюдаем в процессе и в результате ломки старых половых отношений и зарождения новых у пролетариата. Более того, они часто совмещаются, взаимно переплетаются, иногда соединяются в едином русле.

О ломке половых отношений у крестьянства (средняцкого и бедняцкого) мы сейчас не говорим. Это — особая проблема, подлежащая особому исследованию. (Поэтому, кстати сказать, не правы те товарищи, которые в связи с проблемой пола рассматривают комсомол как единое целое. Это делает и т. Корабельников.) Для нас несомненно, что, как и в строительстве социализма, крестьянство пойдет и в области ломки половых отношений иным путем, чем пролетариат, и будет идти по этому пути медленнее.

Несмотря на чрезвычайное внешнее сходство, с одной стороны, явлений, вырастающих на гниющих продуктах распада городского мещанства и новой буржуазии, а с другой — явлений, возникающих на основе ломки прежних половых отношений у пролетариата, крупнейшей ошибкой было бы их смешивать.

Нужно ли доказывать, что эти два рода явлений — совершенно различного порядка, хотя между ними и существует известное взаимодействие? Нужно ли доказывать, что между этими двумя родами явлений существует глубокое принципиальное, классовое различие? Не ясно ли, что гибель старых классов дает в области половых отношений только распад, только гниение, на которых ничего нового вырасти не может? Не ясно ли, с другой стороны, что ломка пролетариатом прежних половых отношений ведет к созданию новых, здоровых, социалистических половых отношений, которые полностью устраняют и половую неурядицу, и половую распущенность, и половые уродливости?

А между тем у нас частенько смешивают эти два рода явлений совершенно различной классовой природы, не отделяют их один от другого или же видят один род явлений, обнаруживая дальтонизм по отношению к другому роду.

Тов. Ионов явно сваливает в одну кучу и мелкобуржуазный распад и пролетарскую ломку. Поэтому у него и получается паническая картина.

Тов. Полянский видит оба рода явлений, когда говорит, что «половой распущенностью страдает достаточный процент студентов пролетарского и крестьянского происхождения», и тут же добавляет: «Нельзя говорить, что это исключительно свойство мелкобуржуазной стихии». Но для него неясным остается принципиальная классовая разница между ними, глубокое различие в направлении их развития и в конечных результатах этого развития. И тут и там — половая распущенность, а разницы не видно.

Тов. Корабельников либо видит половую распущенность только у гибнущих классов, совершенно не замечая ее у пролетариата, либо, когда упрямые факты в эту схему не влезают, переваливает их целиком на счет мещанства, т. е. по существу совершает ту же ошибку, что и т. Ионов, что не мешает ему, однако, притти к диаметрально противоположным оптимистическим выводам.

Как мы видим, смешение двух родов явлений совершенно различного социального порядка ведет к крупнейшим ошибкам, — необоснованному пессимизму у т. Ионова, который, несомненно, очень вреден, необоснованному оптимизму у т. Корабельникова, не менее вредному, чем пессимизм т. Ионова, и оптимистическому пессимизму или пессимистическому оптимизму

у т. Полянского, что не менее вредно, чем пессимизм и оптимизм гг. Ионова и Корабельникова.

Ясное точное разграничение двух родов явлений различного социального происхождения — основное условие для правильной постановки вопроса, для правильной критики их, для правильной борьбы с ними.

Как бы количественно ни велика была половая неурядица и половая распущенность у учащейся пролетарской молодежи, мы в панику не впадем, ибо ясно видим, каковы классовые источники этих явлений, и в какую сторону направляется их развитие, каков будет конечный результат этого развития.

Но, с другой стороны, наша твердая уверенность, что из современной ломки половых отношений у пролетариата выростут новые, здоровые половые отношения, ни в коем случае не должна ублаживать наше внимание и делать нас пассивными. Дескать, обойдется само собой: пролетарское студенчество в основе здорово, комсомол в основе здоров. Пролетарское студенчество и комсомол, конечно, в основе здоровы. Но мы должны активно бороться против половой распущенности, вырастающей на почве, вызываемой естественными причинами неурядицы в области половых отношений, бороться в тех пределах, в которых половая распущенность существует, бороться прежде всего и больше всего потому, что, как не раз подчеркивал Ленин, половая распущенность вредна для дела социалистической революции, для дела социалистического строительства.

5. О современном упадочничестве.

Мы не можем закончить настоящую главу, не сказав несколько слов о современном упадочничестве. Нас обязывает к этому тесная связь, существующая между

упадочничеством и половой распущенностью, это — во-первых, а во-вторых, один «эпизод» в статье т. Полянского.

Те соображения, которые были только что развиты относительно различия классовых источников современной половой распущенности, относительно качественного различия половой распущенности у гибнущих классов и у пролетариата и относительно направления развития этих явлений, полностью применимы и к современному упадочничеству. Невозможно разобраться в современном упадочничестве, если прежде всего не распределить его проявления по основным классовым подразделениям. Если у гибнущих классов упадочничество вызывается их банкротством, их распадом, гибелью их надежд на падение советской власти, крушением иллюзий насчет буржуазного перерождения нашей партии, то упадочничество в пролетарских рядах, особенно среди молодежи, происходит из той неурядицы, которую несут с собой ломка старого и строительство нового строя отношений. Эта неурядица находит свое конкретное выражение в ряде самых разнообразных фактов в различных областях нашего строительства. Поэтому корни упадочничества среди пролетарской молодежи представляют сложную сеть разнообразнейших факторов. Тут и безработица, и сложная перегруппировка сил в процессе социалистического строительства, в результате которой часть прежнего актива остается не у дел (например, часть командиров Красной армии), и тяжелое материальное положение (особенно у учащейся молодежи), и невыносимые жилищные условия (особенно у молодежи, работающей на фабриках и заводах), и бюрократизм, и наше неумение вовлечь в общественную работу все свободные силы молодежи, и ряд других факторов, — всех не перечислишь.

Как и в деле борьбы с половой распущенностью, мы уверены, что упадочничество среди молодежи будет преодолено по мере успехов нашего социалистического строительства, но при условии, если мы теперь же начнем решительную борьбу по линии всех тех факторов, которые выше перечислены, ибо и упадочнические настроения являются значительным тормозом этого строительства.

Особняком надо остановиться на одной стороне вопроса — на влиянии в деле роста упадочничества среди пролетарской молодежи (особенно учащейся) со стороны гибнущих классов или обреченных на гибель классов. Есть основания утверждать, что в области «половой проблемы» влияние распада этих классов на пролетарскую молодежь значительно слабее, чем в области упадочничества. В первой области дело ограничивается по преимуществу порнографической литературой (вроде «Мощей» Каллиникова). Во второй области элементы распада и гниения гибнущих классов просачиваются через весь обширный фронт идеологической борьбы. Тут не только пресловутая есенищина. Тут и все разнообразные элементы мистицизма, скептицизма, неверия, пассивности, усталости, находящие себе пути и через философскую литературу, и через естественно-научные дисциплины, и в области социальных наук, и, наконец, в художественной литературе. Крайне характерно, что в этой последней, наряду с идеализацией уголовных элементов и хулиганов, за последнее время все более крупное место начинает занимать «проблема лишних в революции людей». Волна упадочничества начинает заливать наши журналы.

Это влияние на пролетариат по линии упадочных настроений со стороны гибнущих классов приобретает

настолько заметное значение, что на него следовало бы обратить серьезное внимание. У нас у самих есть предостаточное число трудностей, вызывающих упадочные настроения, для того чтобы допускать еще проникновение в наши ряды гнилого упадочничества со стороны.

6. Оппозиция и упадочничество.

На закуску (как выражаются французы) обещанный «эпизод» из статьи т. Полянского.

Вот, что пишет т. Полянский:

«В падении девушки (речь идет о Тане Аристарховой, героине повести «Луна с правой стороны». С. Г.), по словам Малашкина, как будто виноват, хотя бы и косвенно, и т. Троцкий. Но если т. Троцкий не прав в своей политической позиции, то, право же, нет оснований притягивать т. Троцкого к вопросу о разложении молодежи. Оказывается, половой распущенности поддалась та молодежь, которая во время первой дискуссии пошла за т. Троцким. Тов. Ионов в фельетоне «Правды» от 4 декабря 1926 г. так и констатировал: «В частности бытовые явления, отраженные в рассказах... С. Малашкина... впадают в общий поток капитулянтства и распада. Это прекрасно понимает автор «Луны с правой стороны», С. Малашкин, связывая упадочничество своих героев с общеполитическими тенденциями ликвидаторства и безверия».

Приведя эту цитату из статьи т. Ионова, т. Полянский продолжает:

«Нельзя же в самом деле всякое бытовое явление объяснять в конечном счете политическими ошибками оппозиции. Надо искать сущность явлений глубже, так как сама оппозиция есть явление производное,

вызванное определенной экономической действительностью. Из-за каждого угла выскакивает страшная физиономия т. Троцкого. Если бы спросить даже самых резких противников т. Троцкого, то никто никогда такого разлагающего влияния ему не приписал бы. Тов. Троцкий притянут совершенно искусственно».

Это верно, что т. Троцкий «притянут» совершенно искусственно, но не кем другим, как т. Полянским. У т. Ионова о т. Троцком ничего не говорится, а говорится об оппозиционном блоке, который образовался после XIV съезда.

Если уже обязательно нужно было «притягивать» лица, то почему т. Полянский «притянул» т. Троцкого, но не «притянул» т. Зиновьева или т. Каменева?

Нам думается, что притягивать лица вообще не следует. Не к чему важный общественно-политический вопрос заслонять вопросом о лицах. Это только затемняет дело.

По существу же вопроса прав, конечно, т. Ионов. «Упадочные настроения и пораженческая идеология в рядах одной части партии» (резолюция XV партконференции) не могут не иметь самого непосредственного влияния на развитие упадочных настроений среди молодежи. А цель, ведущая от упадочных настроений молодежи к мелкобуржуазной героине повести Малашкина, видна и без дальнейших разъяснений».

Боюсь огорчить т. Полянского. Но все же должен сообщить, что разгром и развал оппозиционного блока в свою очередь влияет на рост упадочных настроений, на сей раз, однако, не в рядах нашей партии и не в рядах пролетарской молодежи.

III.

О пасквилях, поклепах, клевете и контр-революции.

1. «Клевета на молодежь».

Казалось бы, что после вскрытия социальных корней неурядицы в области половых отношений у нашей молодежи и возникающих на основе этой неурядицы распущенности, уродливости и извращений перечисленные в заголовке настоящей статьи эпитеты не должны бы были иметь решительного и безоговорочного применения по отношению к повестям Малашкина («Луна с правой стороны»), Романова («Без черемухи») и Гумилевского («Собачий переулочок»).

Дело, однако, разрешается далеко не так просто. Необходим более детальный разбор этого вопроса, особенно потому, что, несмотря на серьезные расхождения по вопросу о факте существования половой распущенности у молодежи (вспомните хотя бы резко противоположную оценку т. Корабельникова и т. Полянского свердловской анкеты по половому вопросу), несмотря на большую разногласию в оценке произведений, о которых у нас идет речь, все, за ничтожными единичными исключениями, именно вышеперечисленными «лестными» эпитетами аттестуют рассказы Малашкина, Романова и Гумилевского.

Вот что, напр., говорится в передовой статье «Комсомольской правды» от 1 марта 1927 г., так и озаглавленной: «О клевете на молодежь»: «То, что вышло из-под пера Гумилевского и Романова, — не портрет новой молодежи и не ее художественное воплощение, а карикатура и клевета на молодежь».

Тов. Полянский дважды в своей статье обвиняет т. Малашкина в клевете и в подкрепление приводит оценку его рассказа, сделанную т. С. Н. Смидович

на диспуте в Академии коммунистического воспитания: «Я бы сказала, что это — клевета на молодежь, что так описывать интеллигентскую часть нашей молодежи все-таки нельзя».

Т. Корабельников выражается еще определеннее: «Клеветнический выпад против комсомола, партии, против пролетарского студенчества, против нашей молодежи». (В скобках, мимоходом, поставим т. Корабельникову такой вопрос: одна из основных целей статьи т. Корабельникова — доказать, что Таня Аристархова — героиня рассказа Малашкина — «мелкобуржуазный элемент», и его и сам Малашкин не скрывает, ибо он ее выводит, как дочь деревенского кулака. Кого же «оклеветал» Малашкин? Не мелкобуржуазный элемент?)

Тов. Корабельников идет еще дальше. Малашкин, по его мнению, «может быть, сам того не сознавая, выполнил «социальный заказ» чуждого и враждебного нам класса».

Это уже форменная контр-революция, хотя бы и бессознательная. Впрочем клевета против партии, комсомола, пролетарского студенчества тоже весьма недалеко ушла от контр-революции.

Если к этим эпитетам прибавить еще «неправдоподобную выдумку», «поклеп», «пасквиль», которые встречаются в других статьях, а также в некоторых резолюциях, то получится основательный, хотя, вероятно, далеко не полный, список обвинений, предъявленных Малашкину, Романову и Гумилевскому.

2. Клевета индивидуальная и социальная.

Возьмем в качестве отправного пункта для дальнейшего разбора вопроса о клевете и контр-революции выражение т. Полянского: «элементы социальной клеветы».

Чем отличается индивидуальная клевета от социальной? Тем, что индивидуальная клевета вовсе не обязательно должна исходить от членов или представителей другого, враждебного класса. Такие случаи, конечно, возможны. Рабочий, например, может оклеветать буржуя, заявив, что данный буржуй — картежник, шулер, когда тот отроду карт в руки не брал. Буржуй может оклеветать другого буржуя, рабочий может оклеветать другого рабочего или группу рабочих, член партии может оклеветать другого члена партии (заявив, напр., что он служил в царской охранке). Но во всех этих случаях нет элементов классовой борьбы, и потому такого рода клевета не может быть социальной клеветой.

Социальная клевета именно тем и отличается от индивидуальной, что она идет по линии классовой, политической борьбы. Социальная клевета может исходить только от представителей одного класса и может быть направлена только против представителей другого, враждебного класса. Возможны случаи, когда член одного класса сознательно или бессознательно переходит полностью или частично всерьез и надолго или на короткий промежуток на точку зрения другого класса и начинает клеветать на свой собственный класс.

В применении к разбираемому нами вопросу о половой распущенности индивидуальная клевета выразилась бы в том, что студент такой-то, имя рек, был бы обвинен в том, что он — развратник, пакастник и пр.; в то время как он на деле «проявляет полную индифферентность к женщинам», одиночка, «книжный червь». Социальная же клевета будет заключаться в том, что обвинение в половой распущенности будет исходить от представителей враждебного пролетариату класса и будет направлено против всего или части пролетарского

студенчества. Необязательно, чтобы социальная клевета направлялась против группы. Она может быть направлена и против одного лица, отчего она вовсе не становится индивидуальной клеветой. Например, обвинение Ленина в том, что он — «германский шпион», было самой доподлинной социальной клеветой, исходившей от представителей русской буржуазии.

Практически различие между индивидуальной клеветой и социальной выражается в том, что дела, касающиеся клеветы первого рода, могут быть разрешены и разрешаются в суде, а для социальной клеветы суда нет и не может быть, ибо всякий суд (если не считать суда истории) есть суд классовый, и дело разрешается только классовой борьбой.

Как же обстоит дело с рассказами Малашкина, Романова и Гумилевского?

Совершенно ясно, что если это — клеветнические произведения, то речь в данном случае может идти только о социальной клевете. А если это так, то тогда надо поставить вопрос: не являются ли Малашкин, Романов и Гумилевский в своих рассказах представителями враждебного пролетариату класса?

Тов. Корабельников, наиболее последовательный из всех писавших насчет этих рассказов, вопрос так и ставит: Малашкин, «может быть, сам того не сознавая (а может быть, и сознавая? С. Г.), выполнил «социальный заказ» чуждого и враждебного нам класса».

3. «Искусство трудно, а критика легка?».

Для ответа на поставленный нами вопрос: содержатся ли элементы социальной клеветы в рассказах Малашкина, Романова и Гумилевского, нам придется обратиться к вопросу о пределах критики в пережи-

ваемую нами эпоху социалистического строительства и мировой революции.

Кажется, общепризнанным является, что мы должны сами беспощадно вскрывать наши недостатки, — а у нас их превеликое множество, — что мы должны, не считаясь с лицами (или с группами лиц), вскрывать и разоблачать их недостатки и болезни, которыми они страдают. Это тысячи раз повторено за последний год. Тысячи раз разжевано, что без такой беспощадной самокритики мы крайне затормозим наше социалистическое строительство и развертывание мировой революции.

Не менее общепризнанным является тот факт, что наша пресса, основной орган разоблачения и критики, совершенно еще не справляется с этой задачей, что при попытках поставить решительную критику она встречает сильнейшее сопротивление со стороны заинтересованных лиц, учреждений, групп, корпораций и т. д.

Говорят, что искусство трудно, а критика легка. По отношению к нашей критике надо прямо сказать, что в условиях монополии, охватывающей все проявления нашей политической и хозяйственной жизни (в частности монополии печати), монополии, от которой мы отказаться не можем, не рискуя подорвать пролетарскую диктатуру, — что в таких условиях критика исключительно трудна. Прежде всего потому, что эта критика есть самокритика.

Все, вероятно, помнят еще, какие невероятные трудности пришлось одолеть т. Сосновскому, работавшему при поддержке ЦК и ЦКК, для того чтобы разоблачить Дымовку.

А многое ли с этих пор изменилось в смысле облегчения разоблачительной работы? Не очень многое.

Вот один свежий пример. В одном крупном южном городе недавно была помещена разоблачительная заметка о беспорядках на одной фабрике. Знаете вы, как была принята, как была оценена, как была квалифицирована эта заметка, в которой не было ничего неверного, со стороны партийного актива?

«Контр-революция», — зашумели в рядах парт-актива.

В том же городе за другую разоблачительную заметку в газете коммунист избил сотрудника газеты.

Вот еще, кстати, иллюстрация к вопросу о соотношении между уродливостью (избиение сотрудника газеты) и почвой, на которой уродливость вырастает (неправильное отношение парторганизации к разоблачительной работе).

Нельзя сказать, чтобы некоторые наши газеты в некоторых случаях не пытались прорвать проволочные заграждения, которыми они окружены в своей разоблачительной и критической работе. Случалось, что при этих попытках они высказывали чересчур далеко, что они стреляли чересчур сильно, что они соскальзывали с классовой точки зрения пролетариата, что их критика приобретала демагогический характер натравливания рабочих и крестьян на то или иное учреждение, организацию и т. п., что вследствие этого их критика начинала отдавать меньшевистским духом. Конечно, такого рода критика приносит вред, и критиков такого рода надо одергивать, что и делается.

4. Развязать нашу критику.

Несмотря на отдельные «прорывы», наша пресса, однако, еще в большей степени «связана» в своей критической работе.

Один товарищ недавно очень метко определил «географические» пределы нашей газетной критики. Все, что ниже губернии (уезд, район, волость), критиковать разрешается. Ну, а как доходит дело до работников «губернского масштаба», — тут уже извините, — «не позволим». О работниках республиканского или союзного масштаба нечего и говорить.

С какой стороны нам в настоящий момент угрожает большая опасность: со стороны ли недостаточности, слабости, нерешительности, связанности, скованности нашей критики или со стороны ее демагогичности, ее соскальзывания с правильного пути, ее вывихов, заскоков, извращений?

Ответ ясен. Основная опасность заключается теперь в том, что мы еще не сумели поставить нашу критику на надлежащую высоту, что мы еще до сих пор не сумели достаточно развернуть смелую, беспощадную критику наших недостатков.

Вот где, вот в чем главный дефект нашей критики.

Вот почему, когда я слышу крики «клевета, контр-революция» по поводу рассказов Малашкина, Романова и Гумилевского, у меня зарождается беспокойная мысль: да нет ли в этих криках элементов — пусть извинят меня товарищи — неверия в наши собственные силы? Нет ли тут критикобоязни? Неужели же мы не окрепли настолько, чтобы позволить себе роскошь более смелой, более решительной, более беспощадной критики? Неужели нам нужно подымать такой невероятный шум по поводу этих рассказов, если даже в них есть элементы социальной клеветы? Неужели нам грозит серьезная опасность с этой стороны? Не повторяем ли мы попросту заученные слова вчерашнего дня (социальная клевета, контр-революция и т. п.), которые для сегодняшнего дня потеряли остроту своего значения, не

повторяем ли мы их в такой момент, когда острое значение приобретают другие слова?

Основная задача сейчас — развязать нашу критику. Критики, больше критики — вот главная задача сегодняшнего дня.

Это вовсе не значит дать свободу критики меньшевикам и эсерам.

Это также не значит дать свободу дискуссии для оппозиции.

Развязать критику — это значит в первую очередь шире и глубже поставить коммунистическую, большевистскую самокритику, притом поставить так, чтобы у нее не было меньшевистских искривлений и уклонов.

Развязать критику — это значит, во-вторых, все более и более привлекать к критике наших недостатков огромный беспартийный рабоче-крестьянский актив.

Развязать критику — это значит, в-третьих, уметь использовать критику, идущую из рядов оппозиции, уметь из навозной кучи паники, неверия, ликвидаторства, упадочничества выкопать жемчужное зерно, как бы мало оно ни было.

Развязать критику — это значит, в-четвертых, научиться использовать ту критику, которая идет из попутческих кругов, хотя бы эта критика далеко не всегда и далеко не во всем была правильна и последовательно выдержана в советском духе.

Развязать критику — это значит, в-пятых, научиться использовать иногда (не пугайтесь!) меньшевистскую и эсеровскую критику. Большевики иногда оказывали нам полезные услуги своей критикой, несмотря на ее безусловно враждебный и клеветнический характер. Помните, что меньшевик Далин чуть ли не первый в январе 1924 г., т. е. до грузинского восстания, обратил

в своих статьях в «Социалистическом Вестнике» наше внимание на пережитки военного коммунизма в деревне.

Именно потому, что самокритика в условиях монополии и бюрократических извращений невероятно трудна, нам необходимо чутко прислушиваться к критике, идущей со стороны. Критика со стороны входит как составной элемент в систему нашей самокритики в широком понимании этого слова.

5. Пресса — ближе к партии.

Было бы, однако, крупнейшей ошибкой понимать развязывание критики как какую-то независимость нашей прессы от партии или как противопоставление ее партии в качестве особой силы. Наша партия есть организованная коммунистическая критика, наиболее независимая от кого бы и чего бы то ни было. Поэтому максимальная независимость нашей прессы может явиться только в результате максимальной зависимости ее от партии. Это означает, что не только партия должна взять нашу прессу ближе в руки, но и сама пресса должна напрячь все усилия к тому, чтобы стать к партии ближе, чтобы теснее связаться с нею в своей практической работе на основе партийных решений.

Неправильные уклоны в вопросе о независимости нашей печати, понимаемой в духе насквозь фальшивой и лицемерной буржуазной теории независимости печати, у нас иногда встречаются. Поэтому эту сторону вопроса надо подчеркнуть особо.

6. Критика «со стороны».

Уместно ли, время ли теперь, когда важнейшая задача для ускорения нашего социалистического строительства — развязывание критики, в точном и определен-

ном значении, которое нами только что установлено, — уместно ли теперь всякую не вполне выдержанную, одностороннюю критику встречать штыковой атакой под возгласы: клевета, пасквиль, контр-революция?

Не значит ли это зажать рот той критике со стороны, которая при всех ее ошибках и извращениях является в настоящее время необходимым коррективом для нашей самокритики?

Можем ли мы требовать, чтобы эта идущая со стороны критика была выдержанной, на сто процентов коммунистической критикой, когда наши газеты, руководимые старыми коммунистами, срываются в своей критике с тона, впадают в демагогию, не умеют удержаться на все сто процентов на большевистской позиции?

Ведь несуразное это требование.

Ну, посудите сами, можно ли предъявлять попутчику П. Романову, который недавно только простился любовно с покойной Россией в своем романе «Русь», П. Романову, который мог бы избрать эпитафией к этому роману слова: «Я сжег все, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал», П. Романову, который теперь движется явно влево, — можно ли ему теперь предъявлять требование, чтобы он давал критику наших недостатков, у которой не было бы попутческих недостатков?

А Гумилевский? Он сказал не больше, чем Романов в своем рассказе «Без черемухи», и дал критику нашей молодежи того же типа, что и Малашкин.

Менее всего убедительным может быть нередко выдвигаемое указание на то, что белогвардейские газеты охотно перепечатают рассказы Малашкина, Рома-

нова и Гумилевского. Всякой нашей критике, всякой нашей самокритике они охотно дают место на страницах своих газет. Можно сказать больше, что они на девять десятых дышат нашей собственной самокритикой. Излюбленные ими наши газеты — это «Правда», «Известия», «Экономическая жизнь», «Рабочая газета», «Ленинградская правда», «Красная газета», т. е. те газеты, в которых критика и самокритика наших недостатков поставлены лучше и выше, чем в других газетах.

Понятно, белогвардейцы не ограничиваются простыми перепечатками, а преподносят их читателям со своими собственными комментариями и выводами. В их бесчестных руках наша самокритика превращается в социальную клевету против нас же.

Что же, факт систематической перепечатки в белогвардейской прессе нашей самокритики и обращения ее против нас же, — доказывает ли этот факт, что она контр-революционна?

Что же, должны мы отказываться от самокритики, чтобы белогвардейцы не использовали ее против нас?

Смешно даже ставить такие вопросы.

Пределы на сто процентов выдержанной коммунистической критики в условиях классовой борьбы определяются двумя общими признаками: во-первых, необходима не только критика недостатков, но и выявление достижений; во-вторых, эта критика не должна ни на один момент соскальзывать на классово-враждебную точку зрения. Только эти два признака отличают нашу критику от белогвардейской и меньшевистской.

Но не всякая критика, не соблюдающая полностью этих двух условий, тем самым становится контр-революционной критикой. Тут имеется ряд градаций: невыдержанная коммунистическая критика, беспартийная критика со стороны рабоче-крестьянского советского

актива, нередко страдающая ошибками, но имеющая в основе своей полную преданность советской власти, благожелательная критика, идущая из рядов попутчиков, не лишенная иногда крупных уклонов.

Должны ли мы считать всякую такую критику контр-революцией и социальной клеветой? Ни в коем случае. Это было бы грубой ошибкой. Контр-революционна та критика, которая направлена к тому, чтобы сорвать наше социалистическое строительство, дискредитировать диктатуру пролетариата и наше рабочее государство, воспрепятствовать развертыванию мировой революции. Критика, которая направлена к тому, чтобы помочь нашему строительству, хотя бы у нее и были срывы, заскоки, уклоны, вывихи и извращения, еще не контр-революционна.

7. Польза и вред.

В условиях классовой борьбы всякая самокритика, всякая благожелательная критика со стороны приносит не только пользу, но и известный вред. Поэтому если не принимать во внимание обоюдо-острого характера всякой критики в условиях классовой борьбы, если не считаться с конкретными условиями, можно всегда с одинаковым «правом» впасть в ту или другую крайность — либо признать ее целиком только полезной и полностью принять ее (как это случилось в нашем случае с т. Ионовым), либо признать ее целиком только вредной и объявить социальной клеветой и контр-революцией (как это сделал т. Корабельников). Это — метафизический подход к критике.

В условиях ожесточеннейшей классовой борьбы в эпоху пролетарской революции не может быть такой революционной самокритики, которая одновременно не была бы и контр-революционной, т. е. не была бы на

руку классовым врагам пролетариата. И вот почему: во-первых, в такую эпоху революционная самокритика наиболее остра и беспощадна, наиболее революционна; во-вторых, вследствие этого она дает огромное количество материалов буржуазии для бешеной контр-революционной клеветы на пролетариат и компартию; в-третьих, чем ближе классовая борьба подходит к вопросу о завоевании власти пролетариатом, тем настоятельнее перед буржуазией становится задача критики пролетарской революции, — задача, которая в мирную, неревolutionную эпоху отходила на задний план. Чем революционнее самокритика пролетариата, тем контр-революционнее ее использование буржуазией, и в этом смысле, чем самокритика революционней, тем она контр-революционней.

Нет такого критерия, который раз навсегда дал бы нам возможность сказать, что перевешивает в данной критике: польза или вред. Все зависит от конкретной обстановки.

Даже указанные нами пределы на сто процентов выдержанной коммунистической критики (выявление не только недостатков, но и достижений, выдержанная классовая линия) не имеют абсолютного значения.

Возьмите критику, развернувшуюся недавно в связи с задачей снижения цен, по поводу высоких прибылей и скрытого накопления в кооперации. Ведет ли такая критика к известному дискредитированию кооперации? Несомненно, ведет, даже если не учитывать вывихов и извращений, которые в ней нередко встречались.

Но что важнее: добиться во что бы то ни стало снижения цен со стороны кооперации, вопреки ее сопротивлению, которое продолжается до сих пор, или сохранить ее «престиж»?

И уместно ли в этот момент, когда требуется приложить огромные усилия, чтобы добиться к 1 июня снижения цен на 10 процентов, выявлять и подчеркивать достижения кооперации? Да это было бы чудовищной политической глупостью! Сейчас надо бить и бить кооператоров, разоблачать все приемы, к которым они прибегают, чтобы не допустить снижения цен или же превратить его в фикцию.

Таким образом, критика кооперации сейчас односторонняя: выявляются ее недостатки, молчат о достижениях.

Всякому овощу свое время. В иной конкретной обстановке может оказаться политически необходимым односторонне выдвигать ее достижения.

Первое общее условие стопроцентной коммунистической критики (не только недостатки, но и достижения) не соблюдено. Имеется перегиб в одну сторону. И все же в своей основе, несмотря на однобокость, такая критика остается, при существующей конкретной обстановке, единственно политически правильной, на сто процентов коммунистической. При определенной конкретной обстановке такие односторонние перегибы в критике становятся политически необходимыми.

Второе условие стопроцентной коммунистической критики также не имеет абсолютного значения, — в том смысле, что оно существует лишь до тех пор, пока существует классовая борьба.

8. Критикобязнь.

Наряду со слабостью, нерешительностью, ограниченностью, связанностью нашей самокритики мы страдаем от невероятной критикобязни. Я уже сказал выше, что за критикобязнью скрываются элементы неверия

в наши силы и что критикобоязнь благовидно прикрывается криками о социальной клевете и контр-революции (припомните приведенный мною пример относительно одного южного города).

Но этим не исчерпывается дело. В этой критикобоязни скрываются еще элементы групповой, корпоративной, ведомственной ограниченности, приобретающей ярко выраженный бюрократический характер. Эта ограниченность выражается в том, что в глазах группы, корпорации, ведомства их групповые, корпоративные, ведомственные «интересы» нередко заслоняют основные задачи нашего строительства. И в таких случаях направленная против них критика неминуемо воспринимается как социальная клевета, как контр-революция, особенно ежели эта критика идет со стороны (а не от партии или советской власти), да еще к тому же носит односторонний характер.

Попытаемся иллюстрировать эту сторону вопроса не примером кооперации, которая воспринимает направленную против нее в настоящее время критику как травлю, и не примером пролетарского студенчества и комсомола, которые в рассказах Малашкина, Романова и Гумилевского ничего, кроме голой клеветы, не усмотрели, ибо эти примеры чересчур близки и не убедительны для заинтересованных групп и корпораций и поэтому в исторической перспективе не могут быть поняты. Поэтому возьмемте для этой цели исторический пример, который никаких страстей вызвать не может, памятуя при этом, что всякая историческая аналогия всегда имеет весьма ограниченное значение.

Этот пример — «Ревизор» Гоголя, который больно ударил по тогдашним дворянам, купцам и чиновникам.

Посмотрите, какую критику встретил «Ревизор» со стороны той прессы, которая интересы дворян, купцов и чиновников охраняла.

По свидетельству «Молвы» (1836 г., стр. 252), «Фаддей Булгарин и г. проф. Осип Иванович Сеньковский, уцепясь за «Ревизора» с первого явления... печатно и письменно... уверяли, что создание допотопное, нелепое, баснословное (курсив везде наш. С. Г.).

«Северная пчела» (1836 г., № 97) поддерживает взгляд Булгарина и Сеньковского насчет выдуманности и неправдоподобности «Ревизора». Автор «Ревизора», — пишет она, — основал свою пьесу не на сходстве или правдоподобии, но на невероятности и небыточности».

«Библиотека для чтения» (1836 г., XVI, стр. 42) расценивает «Ревизор» как «анекдот о том, как в маленьком провинциальном городишке, где по обыкновению всех веков и народов кроются мелкие административные беспорядки и злоупотребления, чиновники по ошибке приняли кого-то за важное лицо, едущее к ним из столицы».

Инспектор репертуара русской труппы (существовал и такой тип, игравший тогда роль нашего Главреперткома), некий А. И. Храповицкий, писал в своем дневнике после первого представления «Ревизора», что эта «пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество» («Русская старина», 1879 г., II, стр. 348).

Анненков в своих «Воспоминаниях и критических очерках» (1877 г., стр. 193) сообщает, что «общий голос, слышавшийся по всем сторонам избранной публики, был: «это — невозможность, клевета и фарс».

«Уже после первого представления Гоголь слышал вокруг себя возгласы явно проницательных «старичков»: «либерал», «революционер» (Д. Тальников, Новая ревизия «Ревизора», «Красная новь», 1927 г., март, стр. 206).

С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях о Гоголе («Русский архив», 1890 г., VIII, стр. 38) рассказывает следующее: «Я сам слышал, как известный граф Толстой — американец — говорил при многолюдном собрании в доме Перфильевских, которые были горячими поклонниками Гоголя, что он «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь». В Петербурге было гораздо более таких особ, которые разделяли мнение графа Толстого».

Итак, неправдоподобность, анекдот, нестерпимое ругательство, фарс, клевета, либерализм, революция (в других отзывах о «Ревизоре» встречаются еще: поклеп, карикатура, цинизм). Совсем как у нас. И в довершение сходства упрек Гоголю в том, что им не выведен ни один «положительный» тип: «Все действующие лица — плуты и дураки, оно и не могло быть иначе, — анекдот выдуман только на плутов и дураков, и для честных людей в нем нет даже места» («Библиотека для чтения»).

Повторяем, что историческая аналогия имеет лишь весьма ограниченное значение, но развернутая нами историческая страничка, писанная 90 лет назад, помогает нам уяснить некоторые теперешние явления в области корпоративной критикобоязни.

Заметьте, что в приведенной нами критике «Ревизора» не все неверно. Указания критиков на неправдоподобие, невероятность, невозможность «Ревизора» весьма основательны. «Искусство Гоголя, — вполне правильно замечает по этому поводу Д. Тальников («Крас-

ная новь», 1927 г., III, стр. 210), — не обычное «зеркало», а «кривое», отражающее не «натуру», а уродства ее. Ап. Григорьев замечательно верно в свое время (в 1852 г.) определил это своеобразное свойство гоголевского «гиперболического реализма» (В. Гишпиус): верность «не действительности, а общему смыслу действительности в противоречии с идеалом».

9. Недостатки наших критиков.

В применении к нашей советской действительности, если бы кто-нибудь написал теперь советского «Ревизора», направленного против нашего бюрократизма (воображаю, какой бы шум вы подняли, друзья-бюрократы, — куда уж бюрократам гоголевских времен!), мы бы сказали, что такая сатира, как и всякая сатира, отражающая действительность в «кривом зеркале» и «уродующая» «натуру», верна не действительности, а общему смыслу действительности в противоречии с нашим социалистическим идеалом, т. е. что эта сатира критикует нашу действительность с точки зрения задач социалистического строительства и вскрывает те важнейшие наши недостатки, которые этому строительству препятствуют или по крайней мере его замедляют.

К сожалению, у нас еще нет наших советских Гоголей и Салтыковых, которые могли бы с такой же силой бичевать наши недостатки.

Произведения Малашкина, Романова и Гумилевского чересчур слабо критикуют уродливости в области половых отношений у нашей молодежи.

Слабость их критики объясняется тем, что они недостаточно или совсем не подчеркивают противоречия между этими уродливостями и нашим социалистическим идеалом. У них недостаточно выявлено стремление своей критикой устранить эти уродливости, чтобы расчистить

дорогу социализму. Они изображают их либо «объективно» (Романов), либо «панически» (Малашкин).

Вторая причина слабости их критики заключается в том, что они не видят связи уродливости с действительностью. Это — та же ошибка, какую мы видели у гг. ИONOBA, Полянского и Корабельникова. Они видят только часть, а не всю «пирамиду», состоящую из «базиса» (неурядицы в области половых отношений на почве их революционной ломки), «надстройки» (половой распущенности, возникающей на основе половой неурядицы) и «вершины» (уродливости, вырастающие из половой распущенности). Они не видят, в какую сторону развиваются эти явления, для них не ясен их «общий смысл», и воспринимают они их так же метафизически, как гг. Ионов и Корабельников, или так же электически, как г. Полянский.

Третья причина слабости критики Малашкина, Романова и Гумилевского — это неумение отделять явления разного социального порядка: явления распада гибнущих и обреченных на гибель классов от сходных с ними по внешности явлений, возникающих в результате революционной ломки прежних половых отношений и созидания новых.

В силу этих трех причин критика этих писателей не проникнута пролетарским духом и нереволюционна. (В этих же причинах, кстати сказать, кроется художественная слабость их рассказов.)

Но даже и этого недостаточно для того, чтобы причислить их рассказы к контр-революционным.

10. Что важнее?

Мы подошли к основному вопросу, который теперь волнует нашу молодежь в связи с рассказами трех авторов: клевета или не клевета? Контр-революция или нет?

Самый вопрос поставлен метафизически: или — или, а что сверх сего, то от лукавого. Мы уже видели, что всякая критика содержит в себе в условиях классовой борьбы такие элементы, которые могут быть использованы нашими врагами, т. е. элементы контр-революции. Поэтому на вопрос: клевета или не клевета, контр-революция или нет, не может быть иного ответа, как: и да и нет. Но такой ответ никого удовлетворить не может. Это — безжизненно-академический ответ.

Вопрос надо по-иному поставить, вопрос надо ставить диалектически: что важнее для данного конкретного явления — польза или вред от данной критики? Вот на этот вопрос, единственный, который имеет для нас в нашем социалистическом строительстве самое актуальное значение, надо дать и можно дать совершенно определенный, совершенно конкретный ответ. И такой ответ будет иметь самое жизненное, практическое значение.

Мы считаем, что в условиях длительной половой неурядицы и развивающейся на ее почве половой распущенности, особенно у учащейся пролетарской молодежи в силу специфического ее положения, в условиях, когда ядовитые продукты распада старых классов в виде упадочных настроений проникают в среду нашей молодежи, особенно учащейся, при условии, что все явления этого рода представляют серьезные препятствия к нашему дальнейшему продвижению вперед, при условии, что критика этих важных недостатков, крайне необходимая, до сих пор не поставлена на ту высоту, которая придала бы ей достаточную силу, чтобы помочь преодолеть их, и встречает ожесточенный «корпоративный» отпор, — при всех этих условиях в настоящей конкретной обстановке польза от произведений Малашкина, Романова и Гумилевского, несмотря на их несомненную

односторонность и нереволуционность, значительно превышает вред. Эти произведения значительно больше помогают в настоящий момент нашему социалистическому строительству, чем вредят ему.

В чем их польза? В том, что они обратили наше внимание на отрицательные явления крупного социального значения.

Не исключена, конечно, возможность того, что при другой обстановке при иных конкретных условиях (появись эти рассказы, скажем, лет на пять позже) эти же произведения принесли бы больше вреда, чем пользы. В этом случае было бы политической ошибкой признание их неклеветническими и неконтр-революционными.

Сейчас же, в теперешней конкретной обстановке, в обстановке сегодняшнего дня, политическая ошибка заключалась бы в признании их клеветническими и контр-революционными. Такое признание помешало бы решительной борьбе с действительно существующими болезненными явлениями и среди учащейся молодежи и в комсомоле, связало бы руки дальнейшей критике этих явлений, и без того недостаточной и нерешительной, «легализовало» бы их путем устранения критики, помогло бы укрепиться нездоровым теориям, вроде теорий «стакана воды» и «без черемухи», и таким образом сильно помешало бы подготовке пролетарского студенчества и комсомола к предстоящим исторического масштаба задачам мировой революции и строительства социализма.

IV.

Побольше спокойствия и выдержанности.

Переполох, шум, споры, суетня, вызванные рассказами Малашкина, Романова и Гумилевского, отмечены печатью не пропорционально резкой и нервной реакции

на одностороннюю критику молодежи, содержащуюся в этих произведениях, — реакции, не соответствующей социальной значимости и художественной ценности их.

Возбуждение среди молодежи, диспуты, конференции, резолюции, громовые статьи в газетах и журналах, призывы «дать бой» такого рода литературе, клятвы и уверения, что пролетарское студенчество и комсомол здоровы, обвинения авторов рассказов в том, что они огулом переносят описанные ими отрицательные явления на всю студенческую молодежь (обвинения, чрезвычайно преувеличивающие социальный удельный вес рассказов), — все это создает такое впечатление, точно от этих рассказов пролетарскому студенчеству и комсомолу грозят не весть какие ужасные беды.

Если одну часть всего этого перешлоха можно отнести за счет обостренного интереса к проблеме пола, другую — за счет корпоративного отпора всякой критике, наконец, третью — за счет неверия в собственные силы, то все же непонятным кажется, почему потребовалось объявлять отечество в опасности, вводить военное положение («дать бой») и стрелять из пушек по воробьям.

Разве может односторонняя критика трех напумевших писателей хоть на минуту поколебать в нас уверенность в том, что пролетарское студенчество и комсомол справятся со своими болезнями и выдвинут новый кадр молодых, энергичных работников для всех областей нашего строительства и для мировой революции, — работников, которые с величайшим воодушевлением возьмутся за свое дело.

Мы переживаем эпоху войн и революций, которые не раз будут звать наши молодые силы под свои знамена. Как раз сейчас международное положение все более усложняется и запутывается, — верный признак приближения нового критического периода в мировой

революции, который приведет к дальнейшему ее раз-
вертыванию и углублению.

Нервность в политике в такие эпохи и периоды
никуда не годится, не к лицу она нашей большевист-
ской партии, не с руки она пролетарскому студенчеству,
не под-стать комсомолу.

Больше спокойствия, — вот требование, которое мы
должны предъявить нашей молодежи.

Не пугаться правды, научиться смотреть правде
в глаза, научиться спокойно принимать критику и по-
деловому исправлять недостатки и лечить болезни.
Трезво учитывать действительность, без самообмана,
без иллюзий, брать «низкие истины», каковы они есть,
беспощадно изгонять «возвышающие обманы». Спокой-
ствие, основанное на твердой уверенности в близкой
победе, спокойствие, не изменяющее в случае резкой
односторонней критики, спокойствие, не изменяющее в
случае частичных поражений.

Сотни раз было сказано, что нашу молодежь надо
воспитывать в духе большевизма, в духе ленинизма.
Но что это значит, если подойти к делу со стороны
боевой революционной подготовки ее, со стороны ее
закалки для предстоящих десятилетий пролетарской
революции?

Это значит готовить ее не только к боям, но и
к поражениям, приучать к мысли, что в великой миро-
вой революционной войне, которая растянется не на
одно десятилетие и которая неминуемо приведет к нашей
полной победе, частичные и временные, иногда, может
быть, тяжелые поражения неизбежны.

Пусть малoverы от каждого частичного поражения
впадают в панику, уныние, неверие и в «левую» исте-
рику. Мы должны вырастить такую молодежь, кото-
рая не только не падала бы духом при поражениях,

но встречала бы их твердо и спокойно и черпала бы из самих поражений новые силы и новую уверенность в победе.

Некоторые корни современных упадочных настроений «среди пролетарской молодежи, кажется, никем не отрицаемых, исходят из тех частичных поражений, которые нам в общем ходе нашего строительства и в ходе мировой революции пришлось пережить за последнее пятилетие. И поражение германской революции в 1923 г., и подавление восстания в Марокко и в Сирии, и срыв английской всеобщей забастовки и забастовки углекопов, и, наконец, измена Чан-Кай-Ши — все эти частичные поражения в общем разворачивании мировой революции не раз вызывали у некоторой части нашей молодежи разочарование и упадок духа. Только боевой революционной закалкой можно предохранить нашу молодежь от уныния и упадка при неизбежных будущих поражениях.

Настоящий революционер, настоящий ленинец, настоящий большевик умеют видеть в поражениях элементы победы. Полу столетняя борьба русского пролетариата была почти непрерывной цепью поражений. Но эти поражения не заставили пролетариат и его передовой отряд, нашу партию, складывать оружие. Не раз приходилось после таких поражений отступать, но после каждого поражения и отступления мы, подсчитав наши силы, всегда находили, перед началом нового наступления, что мы сильнее, чем были перед предыдущим наступлением. Поэтому с каждым поражением уверенность в победе у нас росла и крепла. После наиболее тяжелого поражения в 1905—1906 гг., при всеобщем развале и распаде революционных организаций одна только партия большевиков, воодушевляемая Лениным, продолжала сохранять уверенность

в близкой победе. И уже в 1912 г., всего через 6 лет, русский пролетариат, вынесший на себе всю тяжесть первой русской революции и потерпевший наибольший урон, воскресает к новой борьбе и начинает вновь пополнять ряды своей пролетарской, большевистской партии. Мировая война на два с половиной года отодвинула решительные выступления пролетариата, но вместе с тем подготовила условия, которые дали ему возможность одержать величайшую историческую победу из всех бывших до сих пор.

Грандиозный опыт трех русских революций учит выдержке и спокойствию в политике и готовности не сдавать оружие при поражениях.

История работает теперь на нас. А это обязывает нас усиленно работать на историю.

Готовиться к работе на историю, к огромной работе на десятилетия — такова первейшая основная задача нашей пролетарской молодежи.

Все остальные задачи и проблемы надо рассматривать только в свете этой главной задачи.

ОБ АСКЕТИЗМЕ, ВОЗДЕРЖАНИИ И ПОЛОВОЙ РАСПУЩЕННОСТИ, ИЛИ В ЧЕМ СЕКРЕТ МЕЩАНСТВА ¹⁾.

Неоднократно ко мне обращались вузовцы с предложением поставить доклад на тему «Половой вопрос, половые взаимоотношения, брак и семья». Это—темы, которыми очень часто интересуются.

Тут я должен сказать, что у нас, более пожилых революционеров, есть некоторое предубеждение против постановки этого вопроса. Мы имеем в виду прожитый нами период, когда в свое время, перед первой революцией, мы как-то так работали, что эта сторона жизни иногда совершенно отодвигалась на задний план. Было бы смешно и дико, если бы кто-нибудь из нас в 1903, 1904, 1905 гг. поставил проблему пола. А вот в 1907—1908 гг., когда революция пошла на убыль, после поражения пролетариата, когда упадочные настроения стали проникать в среду пролетариата, когда начались упадочные настроения среди мелкой буржуазии, тогда и в литературе и на поверхность жизни выплыли всякого рода половые вопросы. Тут мы видели, как иногда самые разнообразные оттенки общественных течений подхватывали эти настроения. Религиозно-философская литература пыталась доказать, что в половой психике

¹⁾ Из доклада, читанного в Политехническом музее 14 апреля 1926 г.

преломляется чуть ли не весь пафос революционного настроения. Я хочу вам прочесть маленький отрывок из разговора Ленина с Кларой Цеткин по этому поводу. Клара Цеткин передает свои воспоминания, относящиеся приблизительно к 1919—1920 г.

«Мне говорили, что на вечерах чтения и дискуссий с работницами разбираются преимущественно вопросы пола и брака. Это будто бы предмет главного внимания политического преподавания и просветительной работы. Я ушам своим не верил, когда услышал это. Первое государство пролетарской диктатуры борется с контр-революционерами всего мира. Положение в самой Германии требует величайшей сплоченности всех пролетарских революционных сил для отпора все более напиранию контр-революции. А активные коммунистки в это время разбирают вопросы пола и вопрос о формах брака в настоящем, прошлом и будущем. Они считают своим важнейшим долгом просвещать работницу в этой области. Говорят, что наибольшим распространением пользуется брошюра одной венской коммунистки о половом вопросе. Какая ерунда эта книжка! То, что в ней есть правильного, рабочие уже давно читали у Бебеля. Только не в форме скучной дубовой схемы, как в брошюре, а в форме захватывающей агитации, полной нападок на буржуазное общество. Упоминание в брошюре гипотез Фрейда придает ей как будто «научный» вид, но все это — кустарная пачкотня. Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола, излагаемым в статьях, отчетах, брошюрах и т. п., короче, в той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как индийский факир — созерцанием своего пупа.

«Мне кажется, что это изобилие теорий пола, — которые большею частью являются гипотезами, притом часто произвольными, — вытекает из личных потребностей. Именно: из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне так же противно, как и любовное копание в вопросах пола. Как бы бунтарски и революционно это занятие ни стремилось проявить себя, оно все же, в конце концов, вполне буржуазное. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев. В партии, среди классово-сознательного, борющегося пролетариата для него нет места».

«Можете ли вы мне дать серьезное заверение, — спрашивает Ленин Клару Цеткин, — что во время чтения и дискуссий вопросы пола и брака рассматриваются с точки зрения выдержанного, жизненного, исторического материализма? Ведь это предполагает многостороннее глубокое знание, отчетливейшее марксистское овладение огромнейшим материалом. Где у вас для этого сейчас силы? Если бы они были налицо, то не могло бы случиться, что брошюра, вроде упомянутой, использовалась бы в качестве учебного материала на вечерах чтения и дискуссий. Эту брошюру рекомендуют и распространяют вместо того, чтобы ее критиковать. К чему же приводит, в конце концов, это неудовлетворительное, немарксистское обсуждение вопроса? К тому, что вопросы пола и брака не воспринимаются как части главного социального вопроса. Наоборот, большой общественный вопрос начинает сам казаться частью, придатком проблемы пола. Самое главное отступает на задний план как второстепенное.

Это не только вредит ясности в этом вопросе, это вообще затемняет мышление, затемняет классовое сознание рабочих.

«Кроме того, еще одно излишнее замечание. Еще мудрец Соломон говорил, что всему свое время. Скажите пожалуйста, время ли сейчас по целым месяцам занимать рабочих тем, как любят и любимы, как ухаживают и принимают ухаживания. И, конечно, — в прошлом, настоящем, будущем и у различных народов. И это затем гордо именуют историческим материализмом. Сейчас все мысли рабочих должны быть направлены на пролетарскую революцию. Она создаст основу также и для действительного обновления условий брака и отношений между полами. Но сейчас, право, на первый план выступают иные проблемы, чем формы брака у австралийских негров и внутрисемейные браки в древнем мире. В порядок дня германского пролетария история ставит попрежнему вопрос о советах, о Версальском мире и его влиянии на жизнь женских масс, о безработице, падающей заработной плате, налогах и многом другом. Короче, я остаюсь при своем мнении, что этот способ политического и социального просвещения рабочих неверен, совершенно неверен».

Затем Владимир Ильич отметил, что если он относится несколько отрицательно к половым вопросам и высказывается о них насмешливо, то его называют «филистером».

«Знаю, знаю, — сказал он, — меня тоже в связи с этим достаточно подозревают в филистерстве. Но я к этому отношусь спокойно. Желторотые птенцы, едва вылупившиеся из яйца буржуазных воззрений, всегда ужасно умны. Нам приходится с этим мириться, не исправляясь. Юношеское движение тоже болеет совре-

менной постановкой вопросов пола и чрезмерным увлечением ими».

Ленин сделал ироническое ударение на слове «современной», в то же время как будто отмахиваясь от него.

«Как мне сообщили, вопросы пола также излюбленный предмет изучения в наших юношеских организациях. Говорят, что едва хватает докладчиков по этому вопросу. Это безобразие особенно вредно для юношеского движения, особенно опасно... Оно очень легко может способствовать чрезмерному возбуждению и подогреванию половой жизни у отдельных лиц и повести к расточению здоровья и силы юности. Вы должны бороться и против этого явления. У женского и юношеского движения ведь немало точек соприкосновения. Наши товарищи коммунистки должны всюду вести планомерную, совместную с молодежью работу. Это вызывает и переносит их из мира индивидуального материнства в мир материнства социального. Необходимо содействовать всякому пробуждению социальной жизни и деятельности женщин, чтобы они могли преодолеть узость своей мещанской индивидуалистической, домашней и семейной психологии. Но это между прочим.

«У нас тоже значительная часть молодежи усердно занимается «ревизией буржуазного понимания и морали» в вопросах пола, и, должен добавить, значительная часть нашей лучшей, действительно многообещающей молодежи. Дело обстоит так, как вы только что указывали. В атмосфере последствий войны и начавшейся революции старые идеологические ценности рушатся, теряя свою сдерживающую силу. Новые ценности выкристаллизовываются медленно, с борьбой. Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционируются; революционизи-

руются и чувства и мысли. Между правом личности и правом коллектива, а значит, и обязанностями личности, проводятся новые разграничения. Это — медленный и часто очень болезненный процесс исчезновения и зарождения. Все это касается и области половых отношений, брака, семьи. Распад, гниение, грязь буржуазного брака с его трудной расторжимостью, свободой для мужа и рабством для жены, гнусная лживость половой морали и отношений наполняют лучших людей чувством глубокого отвращения.

«Гнет законов буржуазного государства о браке и семье отягчал зло и обострял конфликты. Это — гнет «священной частной собственности». Она освящает продажность, низость, грязь. Условный обман «порядочного» буржуазного общества довершает остальное. Люди восстают против господствующей мерзости и извращения. И в эту эпоху, когда рушатся могущественные государства, когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, — в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу. Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции. Понятно, поставленное этим на очередь, чрезвычайно запутанное сплетение вопросов глубоко занимает как женщин, так и молодежь. И те и другие особенно сильно страдают от нынешней неурядицы в области половых отношений. Молодежь восстает против этого со свойственной ее возрасту бурностью. Это понятно. Ничего не могло бы быть более ложного, чем начать проповедывать молодежи монашеский аскетизм и святость грязной буржуазной

морали. Однако вряд ли хорошо то, что в эти годы вопросы пола, усиленно выдвигаемые естественными причинами, становятся центральными в психике молодежи. Последствия бывают прямо роковыми.

Мы не собираемся проповедывать монашеский аскетизм, но вместе с тем в нас возбуждает величайшую тревогу известная половая распущенность, которая есть даже среди части коммунистов и в особенности среди молодежи. Когда мы говорим о молодежи, мы вовсе не подходим к ней так, что мы, мол, вам советуем жить монашеской жизнью. По этому поводу нам иногда говорили: «Конечно, вы подходите иначе к этому вопросу: когда достигнете 40—50 лет, тогда вы начинаете проповедывать половое воздержание, а вот попробуйте в наши годы!»

Я на это неоднократно отвечал товарищам: «Мы пробовали, мы сидели по нескольку лет в тюрьмах, лет по 8-9 и больше. Нам волей-неволей приходилось воздерживаться. Только незнание, непонимание самых основных истин гигиены приводит молодежь к представлению о том, будто воздержание вредно. На этом я хочу остановиться несколько подробнее».

Владимир Ильич как-то в разговоре с Кларой Цеткин указывал на теорию, так называемую «стакана воды».

«Изменившееся отношение молодежи к вопросам половой жизни, конечно, «принципиально» и ссылается на теорию. Многие называют свою позицию «революционной» и «коммунистической». Они искренно думают, что это так. Мне, старику, это не импонирует. Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая «новая половая жизнь» молодежи — а часто взрослых —

довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости. Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории «стакана воды» наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась. Она стала злым роком многих юношей и девушек. Приверженцы ее утверждают, что теория эта — марксистская. Спасибо за такой марксизм, который все явления и изменения в идеологической надстройке общества выводит непосредственно, прямолинейно и без остатка исключительно только из экономического базиса. Дело обстоит совсем не так уж просто. Некий Фридрих Энгельс уже давно установил эту истину, касающуюся исторического материализма.

«Я считаю знаменитую теорию «стакана воды» совершенно не марксистской и, сверх того, противообщественной. В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низко. Энгельс в «Происхождении семьи» указал на то, как важно, чтобы половая любовь развилась и уточнилась. Отношения между полами не являются просто выражением игры между общественной экономикой и физической потребностью, мысленно выделенной физиологическим анализом. Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих отношений самих по себе, выделенных из общей связи их со всей идеологией. Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь

и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питье воды — дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу.

«Как коммунист, я не питаю ни малейшей симпатии к теории «стакана воды», хотя бы на ней и красовалась этикетка «освобожденная любовь». Вдобавок она и не нова и не коммунистична. Вы, вероятно, помните, что эта теория проповедывалась в изящной литературе, примерно в середине прошлого века, как «эмансипация сердца». В буржуазной практике она обратилась в эмансипацию тела. Проповедь в то время была талантливее, чем сейчас; как обстоит дело с практикой, не могу судить.

«Не то, чтобы я своей критикой хотел проповедывать аскетизм. Мне это и в голову не приходит. Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни. Однако, по моему мнению, часто наблюдаемый сейчас избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а наоборот, уменьшает их. Во времена революции это скверно, совсем скверно!

«Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт, гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода, разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование — и все это по возможности совместно. Все это дает молодежи больше, чем вечные доклады и дискуссии по вопросам пола и так называемого использования жизни. В здоровом теле — здоровый дух. Ни монах, ни дон-жуан, но и не германский филистер, как нечто среднее. Вы ведь знаете молодого товарища ХУЗ. Прекрасный, высокоодаренный юноша. Боюсь,

что, несмотря на все, из него ничего путного не выйдет. Он мечется и бросается из одной любовной истории в другую. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь также за надежность и стойкость в борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за всякой юбкой и дают себя опутать каждой молодой бабенке. Нет, нет, это не вяжется с революцией!»

Ленин вскочил, ударив рукой по столу, и сделал несколько шагов по комнате.

«Революция требует сосредоточения, напряжения сил. От масс, от личности. Она не терпит оргиастических состояний, вроде тех, которые обычны для декадентских героев и героинь Д'Аннунцио. Несдержанность в половой жизни — буржуазна, она — признак разложения. Пролетариат — восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанности, ни опьянения алкоголем. Он не смеет и не хочет забыть о гнусности, грязи и варварстве капитализма. Он черпает сильнейшие побуждения к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале. Ему нужны ясность, ясность и еще раз — ясность. Поэтому, повторяю, не должно быть никакой слабости, никакого расточения и уничтожения сил. Самообладание, самодисциплина — не рабство, они необходимы и в любви».

Вот только с этой точки зрения мы и подходим к этому вопросу. Очень часто молодежь забывает про то, что здесь это вовсе не индивидуальный акт, что мы не можем подходить к вопросу об отношении к женщине, как к личному делу. Это есть явление социальное — потому что зарождается третье существо — которое, при отсутствии нормальных условий для его воспи-

тания, ляжет всей тяжестью на мать, станет увеличивать социальное зло. Пройти мимо этого нельзя. При легкомысленном отношении к этому вопросу — что мы имеем? Имеем тягчайшее положение женщины, на которую прежде всего ложится материнское бремя. Говорят, напр.: ты можешь не иметь ребенка, ты можешь сделать аборт. Когда девушка 16-17 лет, первородящая, делает аборт, она наверняка себя калечит, а так как после этого аборта нужно делать новый аборт, а там следующий, то к 23-24 годам она, уже искалечив себя 3-4 раза где-нибудь в родильном доме, становится невращенной и больным человеком. Она делается, видите ли, «неинтересной», и потому ее нужно переменить. Это — социально вредно, это — социально опасно.

Мы говорим о том, что эти стремления возникают в такой опасный молодой период, когда идет усиленный рост половых желез, когда идет обогащение нервных тканей, когда идет рост и увеличение всего человеческого тела. Молодежи нет дела до законов природы, до того, на что предназначены элементы внутренней половой секреции, что это — элементы, крайне важные для всей нашей нервной системы, и так как удовлетворение половых потребностей является в раннем возрасте наиболее приятной и легкой тратой нервной энергии, так как это есть линия наименьшего сопротивления, то по этому пути и идет растрата чрезвычайно ценной нервной энергии, — а для мозговой работы, для огромной борьбы, которая предстоит молодому поколению, которое должно, по нашему мнению, построить коммунизм, что остается? Иногда в 25 лет можно встретить истасканную молодежь, которая нуждается в домах отдыха, в санаториях и т. д., потому что она прошла такую жизнь, которая привела ее к истощению сил.

Повторяю, к этому вопросу мы подходим исключительно с точки зрения социальных последствий, социальной гигиены, вовсе не с точки зрения морали по отношению к мужчине или женщине: мол, вы слишком увлекаетесь, это нехорошо, неприлично и некрасиво. Ничего подобного. Именно в интересах охраны здоровья молодежи, в интересах того, чтобы вырастить более здоровое поколение во всех отношениях, мы говорим о половой социальной гигиене. В интересах матери, в интересах ребенка, в интересах пролетарского класса, потому что в других классах это дело решается гораздо проще. Мы должны сопоставить эти вопросы вместе.

Мы могли бы указать ряд теорий, идущих из чуждых пролетариату классов. Ленин указывает на теорию «стакана воды».

Недавно в одном из южных городов кружок молодежи собирался, читал доклады о марксизме и искусстве; там принимал участие даже один профессор, который распространял среди молодежи такое понятие, что марксизм не прав, когда он учит, что сознание человека определяется бытием, а прав Оскар Уайльд, что сознание определяется эротикой. Эротика, видите ли, определяет сознание.

Или, напр., теория о том, что «женщина есть поле для обсеменения, для оплодотворения, и мужчина является только обсеменителем», — разве это учение пролетариата? То же самое и теория, что «все вещи изнашиваются, в том числе и женщины». Откуда она взялась? Это есть теория буржуазного общества, а иногда она прививается и нашей молодежи, причем некоторые даже считают «шиком» исповедывать подобные теории. А возьмем, напр., «любовь трудовых пчел», которую проповедают даже отдельные комму-

нисты. Ведь это вовсе не пролетарская теория для нашего периода, где воспитание каждого ребенка есть величайшая трудность. Эта теория тоже взята из буржуазного общества, где она была придумана для золотой буржуазной молодежи. Ей позволительно не знать естествознания и думать, что любовь трудовых пчел есть любовь двух трудовых индивидуумов. А ведь среди пчел как раз те, которые гонятся за матками, являются трутнями. Конечно, для трутня-пчелы такая теория — перелетание с цветка на цветок — чрезвычайно привлекательна, но не для пролетариата, который должен взять на себя задачу воспитания нового поколения. Больше того, мы знаем, что отдельные товарищи, напр. Преображенский, называют филистерскими, мещанскими семейные отношения Маркса, — отношения, проникнутые величайшей нежностью, величайшей преданностью. Когда я думаю об этом, мне вспоминается также отношение Чернышевского к его жене, которое он так хорошо описал в романе «Пролог к прологу». То же относится и к Владимиру Ильичу, и если уж избирать примеры, то я думаю, что лучше учиться у Маркса, у Чернышевского и у Ленина, чем учиться хотя бы у т. Коллонтай.

★

Мы наблюдаем ряд очень болезненных явлений в пролетарском быту именно потому, что ростки нового, коммунистического, иногда заглушаются пережитками и влиянием чуждого, мещанского, буржуазного быта, мещанской буржуазной морали. Возьмем вопрос о мещанстве. Оговорюсь: очень часто мы слышим, особенно среди молодежи, разговоры о мещанстве по отношению к таким явлениям, которые ничего общего с мещанством не имеют.

Мещанством объясняется борьба с невоздержанностью половых отношений. Когда при комсомолке начинают вестись похабные разговоры, а она не желает их слушать и говорить: «Мне стыдно», тогда говорят ей: «Ты не освободилась еще от мещанских предрассудков. Настоящая коммунистка не должна стыдиться разговоров на какие угодно темы».

Нужно вести борьбу с ложным пониманием мещанства и мещанской культуры. Ленин говорил, что мы не можем построить своей пролетарской культуры, не переняв всего ценного, что дала буржуазная культура. И мы не должны стыдиться того, что мы берем мещанское из этой буржуазной культуры, потому что пролетариат тоже принимал участие в этой культуре, он вложил в нее кое-что и свое.

Значит ли это действительно, что в быту пролетариата, даже среди передовой его части — наших коммунистов и комсомольцев, — не проявляются иногда черты чисто мещанские? Конечно, элементы мещанства мы иногда обнаруживаем не только в отсталой пролетарской среде, но и в своей собственной среде. Разве не мещански-интеллигентскими являются эти самые теории половых отношений к женщине, о которых мы говорили выше, — теория «стакана воды», теория о том, что «всякая вещь изнашивается, в том числе и женщина, поэтому ее следует менять почаще». Разве это пролетарское, рабочее отношение к женщине? Разве не мещанство, когда иногда предлагают такого рода рецепты, как не давать работы при наличии безработицы женщинам, чтобы их содержали обязательно мужья? Разве это не возврат к такой форме семьи, где женщина целиком и экономически в особенности зависит от мужчины, где она целиком превращается в рабыню до-

машнего хозяйства, должна отказаться от общественной деятельности?

Разве не мещанство — рассуждения некоторых молодых наших товарищей, что, прежде чем он женится «по-настоящему», он может сотни раз сойтись с женщинами, которые ему нравятся? Чем это во многих случаях отличается от отношения к женщине «золотой молодежи», какого-нибудь маменькиного сынка, который, прежде чем по-настоящему жениться, перебрал сотни женщин на своем пути, начиная с прислуги в доме и кончая десятками проституток? Что общего здесь с отношением сознательного пролетария к женщине, как к товарищу по работе, товарищу по профессиональному союзу, товарищу по партии, любимому другу, готовому вместе делить важное, нужное (иногда смертельно опасное) дело, — товарищу, который вместе готов преодолеть величайшие трудности для того, чтобы коммунистически воспитать ребенка, будущего строителя коммунизма? Разве не мещанство — такая забота о личном благополучии, которая ведет к забвению общественных интересов? Мещанин — это ведь мелкий буржуа, который интересы своего мелкого индивидуального хозяйства, ремесленного, крестьянского, ставит выше интересов общественных, интересов своего класса. Разве мало в нашей среде таких людей? Разве не мещанство — иногда в пролетарской среде, даже в комсомольской и коммунистической, — отрывки национализма всех оттенков, а особенно антисемитизма?

Иногда кое-кому кажется, что бурный протест молодежи против внешних форм упорядочения быта, против заботы о чистоте, о чистой одежде, заботы об упорядочении времени, против регулирования половой жизни является протестом глубоко революционным,

тогда как это есть такой «нигилизм», который ничего общего не имеет с задачами пролетарской культуры, с задачами строительства нового быта, является иногда возведением нашей беды, наших недостатков в добродетель, да приэтом еще в революционную добродетель.

Всем таким и подобным, — а их можно продолжить без конца, — проявлениям чуждых пролетариату стремлений и тенденций надо объявить решительную борьбу.

О ПОВЕСТИ С. МАЛАШКИНА «ЛУНА С ПРАВОЙ СТОРОНЫ».

Я совершенно не собираюсь писать о творчестве С. Малашкина вообще, потому что тот беллетристический материал, который дал писатель, для этого явно недостаточен. У него есть опасные уклоны видеть в жизни только страшное, только отрицательное. О них надо говорить, но на основании их давать литературный портрет еще рано. Меня интересует данная повесть, поскольку в ней поднята большая, серьезная и злободневная проблема нашего времени, — проблема, на которой художник-беллетрист остановится еще не раз.

Повесть вызвала большое внимание и интерес как среди критиков, так и среди читающей публики. Она вышла отдельным изданием с довольно странным предисловием Г. Якубовского, который находит, что произведение имеет большое социальное содержание и отличается большими художественными достоинствами. Он пишет: «Заслуга автора в том, что он дал глубокий анализ внутреннего состояния захваченной разложением комсомолки и сумел заинтересовать читателя оригинальной художественной формой, хорошо передающей сложное содержание».

Мы думаем, что повесть в художественном отношении очень примитивна и не удовлетворяет элементарным требованиям художественного творчества. Говорить об оригинальной художественной форме абсолютно невозможно. Мы искали и не нашли никаких оснований, которые позволили бы нам, хотя бы приблизительно, высказать мысль, подходящую к суждениям Г. Якубовского. Он говорит о «глубоком анализе внутреннего состояния». Такого анализа в повести не видно. Констатирование отдельных разрозненных психологических состояний есть, но самого анализа их нет. Нет даже простого последовательного описания душевных движений. Г. Якубовский утверждает: автор «хорошо передает сложное содержание». Но в этой повести нет сложного содержания. Содержание, как оно дано, довольно примитивно. Взята сложная проблема, это верно, но эта сложная проблема дана совсем не в сложном содержании, — не будем говорить об отдельных частных положениях. Ценность их определяется общей оценкой произведения. Они в большинстве случаев также ложны. Мы поражаемся, как Г. Якубовский мог дать к данной повести совершенно неверное рекламного характера предисловие.

Когда критики и историки литературы оценивают литературное произведение, их суждение идет не от случайного впечатления от произведения, а в основе оценки лежат какие-то научные соображения, какая-то теоретическая предпосылка. Разность оценок обуславливается разностью теоретических предпосылок. Разная оценка В. Белинским «Горе от ума» зависела от философских взглядов критика, от его различного отношения к действительности. В период примирения с

действительностью он не увидел социальной значимости у Грибоедова. В период разрыва с действительностью, наоборот, превознес «Горе от ума». Поэтому прежде всего несколько теоретических соображений.

Что и как отражает художник? Теоретическое выяснение этого момента должно способствовать разрешению вопроса, является ли данное произведение художественным, или нет, и в какой степени. Сам автор на 1-й странице своей повести ¹⁾ так пишет: «Упреки не должны смущать автора, он должен писать только о том, что видит собственными глазами, что чувствует собственным сердцем, а поэтому — да простят мне читатели за такое невнимание к ним! — я окончательно выброшу из головы все будущие возражения недовольных, расскажу в сей повести необыкновенную любовь, вернее — короткую историю одной девушки». Что собственно значит: «автор передает, что видит собственными глазами, что чувствует собственным сердцем». Достаточного ли этого? Нет. Художник должен в своем творчестве руководиться не только тем, что и как он чувствует, но и тем, что и как он сознает. У каждого художника непосредственное чувство, восприятие окружающей его среды в той или иной степени контролируется его сознанием. Будет ли этот контроль выявленным, сознательным, или это будет подсознательный процесс, — в данном случае безразлично. Классовое мировосприятие и мироотношение всегда так или иначе влияют и управляют непосредственным психологическим восприятием. Зрение и сердце могут обмануть, исказить перспективу, случайное взять за основное, и наоборот. Говорить, что художник выражает только

¹⁾ Цитаты из повести всюду по 9-й кн. журн. «Молодая гвардия» за 1926 г.

то, что видит и чувствует, теоретически неправильно. Недостаточно видеть, нужно виденное еще проверить своим классовым сознанием. Мы все знаем, что художественное произведение слагается из отдельных элементов, из элементов, которые являются типичными в общественной жизни или в жизни отдельного человека, отражающего общественную жизнь. Спрашивается: имел ли С. Малашкин социальные, психологические, логические и всякие другие основания к тому, чтобы взятые им элементы, которые, быть может, в отдельности и существуют в жизни, объединить в то целое, которое он нам преподнес. Таких оснований у него не было. Виденное и слышанное он объединил без социальной и психологической проверки, без оценки количественной и качественной стороны взятого материала. Зрение же и сердце его воспринимают в окружающем по преимуществу страшное и притом односторонне, искаженно. Целиком полагаться на них, особенно С. Малашкину, нельзя.

Вскрывает ли повесть социальное явление во всем объеме, или она отражает жизнь одной девушки? Повесть скорее всего является биографией одной девушки, а не раскрытием большой социальной проблемы.

Возьмите начало повести. Изображается деревенский кулак. Дочь его Таня к кулацким настроениям своего отца относится иронически, скептически и недружелюбно; она становится работницей деревенского комсомола, затем уезжает в город, ведет работу среди фабрично-заводской молодежи, потом перебрасывается в университетскую обстановку, где и погибает в омуте половой распущенности современной молодежи. Если вы возьмете повесть и рассчитаете ее по страницам, то увидите, что очень много места, чуть ли не половина повести, отведено описанию кулака и других сторон жизни, которые непосредственного отношения к затро-

нутой проблеме не имеют. Совершенно не важно, что Таня дочь кулака. Разве это имеет серьезное значение для выяснения поднятого вопроса? Абсолютно нет. Если автор хотел подчеркнуть, что такому разлагающему влиянию могут поддаваться в первую очередь люди, вышедшие из кулацкой семьи, из среды кустарей, ремесленников и т. п., то это, конечно, абсурдное понимание, оно не выдерживает марксистской критики. Подобный социальный подход и относящиеся сюда описания к существу повести не имеют никакого отношения.

Как автор изображает самый процесс падения? Довольно странно. Мы сразу узнаем на одной из страниц повести, без всяких предварительных социологических и психологических обоснований, что Таня имела уже шесть мужей. Как она дошла до такой жизни, этот процесс не только не объяснен, но даже совершенно не изображен. Дано несколько биографических моментов, которые ни в какой мере не вскрывают и не дают анализа психологического состояния Аристарховой. На 49-й странице повести, где выясняется картина ее падения, автор ограничивается следующим заявлением девушки: «В это время за мной много ухаживало ребят, а когда я не отвечала на эти ухаживания взаимностью, меня стали публично называть мешанкой. Потом ко мне привязался один очень видный работник комсомола, сделал мне предложение, — вы не думайте, что я его любила, — и я сошлась с ним. Кроме безобразия и нескольких аборт, я ничего хорошего и прекрасного не видела от совместной с ним жизни. Потом он меня бросил, и я спокойно ушла от него; потом сошлась с другим, и тоже без любви, и которого я сама бросила; потом незаметно докатилась до двадцать второго мужа, с которым тоже разошлась, а теперь живу в том самом обществе, которое вы изволили видеть лично... спра-

вляю афинские ночи, пью вино, слышу распутной девкой, курю и даже не папиросы, а «анаша», пользую другие наркотические средства...». Во всем этом решительно нет никакого психологического или социологического анализа. Сплошь простое констатирование. А вообще-то психологического материала не оберешься. На 25-й странице повести Таня, характеризуя комсомол, в том числе и себя, пишет: «Не замечали мы солнца, зелени, цветов и весны не потому, что мы не хотели замечать, а не замечали потому, что мы сами были солнцами, что мы сами были яркой зеленью, что мы сами были самыми прекрасными цветами из всех цветов, какие только бывают на земле, что мы сами были лучезарной весной, какие тоже бывают только на земле...». И вдруг афинские ночи, двадцать два мужа, наркотики!.. Солнце и мрачный омут!.. Какое расстояние! Какое падение! И всему этому нет художественной психологической мотивировки. Не спасают повесть, конечно, и публицистические реплики, разбросанные в ней автором. Автор вообще любит сначала дать какой-нибудь сногшибательный факт, а затем начинает биографически развивать его, совершенно не давая, однако, психологической мотивировки.

Подобных примеров можно было бы привести множество, но вряд ли это нужно. Ясно, что вместо психологической повести дана биография одной девушки, — биография, искаженная, чрезмерно сгущенная и совершенно немотивированная, а следовательно, и нехудожественная.

В повести нет даже строгой тематической установки. Что в ней выявляется: самое падение девушки или твердость психики и воли некоторой части комсомола, которая может глубоко пасть и найти потом в себе внутренние силы, чтобы преодолеть дезорганизацию

своей жизни, или же, наконец, та и другая проблема вместе?

Выявляет ли повесть падение? Да, выявляет, но выявляет чисто описательно. Налицо большой психологический конфликт у молодой девушки, как будто бы морально здоровой, несмотря на ее падение. Большая трагедия дана в туманных словах: «мучилась», «колебалась», «страдала» и т. д. Когда мы говорим о психологическом анализе, о психологической обоснованности, мы требуем, чтобы художник каждый психологический акт, каждое волевое выражение мотивировал, показал бы: какие обстоятельства привели к этому, какую борьбу пережила личность и т. д. В повести ни социального, ни психологического обоснования процесса падения нет.

Вскрывает ли повесть твердость психики и воли некоторых комсомольцев? Нет. В последнем счете девушка хочет заколоть себя, уже кровь капает из ее груди. Довольно своеобразная твердость воли. Это капитуляция перед жизнью. Девушка и притом же комсомолка, не любя, имела 22 мужа и не могла бороться с нелепым пониманием мещанства. Девушка дошла до такого состояния, что перестала чувствовать прелесть жизни, воспринимать ее, она даже равнодушна к мужу, жизнь ее «прошумела и ушла». Вряд ли все это говорит о сильной воле, цельности психики, поднявшей Таню из ужасного омута. То, что, в конце концов, Таня вышла спасенной, конечно, говорит о каких-то внутренних силах, ее спасших, но какие это внутренние силы, в чем они состояли, — неизвестно. Под влиянием каких внешних и внутренних условий произошел перелом, — также не указано. Не указано не только в разрезе психологического анализа, но даже и в разрезе биографического, бытового, описательного порядка. Есте-

ственно, что повесть не удовлетворяет и второй тематической установке.

Судя по материалу, приходится думать, что художник фактически поставил ту и другую проблему. В силу этого ни одна проблема как следует не оправдана. Всякий начинающий художник страдает обычно тем, что в первые свои вещи старается вложить все свои темы, весь материал. Он не умеет распорядиться материалом, не может экономно с ним обращаться, веря, что, чем больше тем он поставит, тем полнее будет его произведение. Несомненно, Малашкин хотел показать и социальные причины падения и внутренние силы, таившиеся в Тани и спасшие ее в конце концов, но эти части темы не даны в надлежащей пропорции, автор не нашел достаточно художественной силы и меры для воплощения своего большого замысла. Неясность объема и пределов темы сбила автора.

Остановимся на отдельных моментах повести.

Каковы были социальные условия, которые создали характер Тани? Ведь если даже признать произведение биографией, то все равно уяснение социальной обстановки, психологических условий, в которых данная биография сложилась, необходимо. Меня особенно странно поразило то, что, по мнению С. Малашкина, падение обусловилось тем, что вузовская ячейка «в огромном своем большинстве была чуждой, выпешней из мелкобуржуазных семей, из семей торгашей, кустарей, мелких ремесленников и т. д.» (48 стр.). Как известно, в этих слоях общества особенно крепки устои длительного брака, хотя бы и принудительного. Там живут по старине, по традиции. Там никогда не «возвысятся» до двадцати трех мужей. Мещанский расчет не позво-

ляет нарушать старые традиции и признать свободную любовь. В падении девушки, по словам Малашкина, как будто виноват, хотя бы и косвенно, и т. Троцкий. Но если т. Троцкий не прав в своей политической позиции, то, право же, нет оснований притягивать т. Троцкого к вопросу о разложении молодежи. Оказывается, половой распущенности поддалась та молодежь, которая во время первой дискуссии пошла за т. Троцким. П. Ионов в фельетоне «Правды» от 4 декабря 1926 г. так и констатировал: «В частности бытовые явления, отраженные в рассказах... С. Малашкина... впадают в общий поток капитулянства и распада. Это прекрасно понимает автор «Луны с правой стороны», С. Малашкин, связывая упадочничество своих героев с общеполитическими тенденциями ликвидаторства и безверия». Перед этим у него идут рассуждения об оппозиции. Нельзя же в самом деле всякое бытовое явление объяснять в конечном счете политическими ошибками оппозиции. Надо искать сущность явления глубже, так как сама оппозиция есть явление производное, вызванное определенной экономической действительностью. Из-за каждого угла выскакивает страшная физиономия т. Троцкого. Если бы спросить даже самых резких противников т. Троцкого, то никто никогда такого разлагающего влияния ему не приписал бы. Троцкий притянут совершенно искусственно.

Николай, брат Тани, громит «детей ответственных работников, детей советских служащих», в сущности громит большую часть нашей интеллигенции. Позвольте мне сказать несколько слов в защиту нашей интеллигенции. Слово интеллигенция стало бранным, как и слово буржуазия. Что может быть хуже на свете интеллигенции? Интеллигент — значит, ты расхлябан, резонер, неделовой. Среди молодежи такое представление

особенно ходко. Это представление не верно. Мы не можем политически стать на позицию интеллигенции, как социальной группы, — это верно, но если мы подойдем к ней с моральной оценкой, то позвольте усомниться в том, чтобы можно было на русскую интеллигенцию, которая имеет свою большую многострадальную историю, возложить вину за те условия, что ведут к половому разгулу молодежи. Мы должны протестовать, когда такие ноты появляются в литературе: в них колоссальная доля неправды. Нужно иметь твердую историческую перспективу и понимать, что к чему. Если говорить о влиянии мелкобуржуазной среды, которая задевает пролетариат, то эта проблема несколько другая, и она не должна быть так примитивно развертываема, как это сделано у С. Малашкина. У него она не выдерживает не только художественной критики, но и исторической, социальной, этической критики.

Таня попала в вузовскую ячейку и погибла. Когда я читал повесть и столкнулся с этим моментом, я вспомнил, что была анкета о половой жизни среди свердловцев. Вы знаете, что свердловцы не дети интеллигенции. Там по преимуществу пролетарский состав; по партийному выбору в университет посылались лучшие. Из этой анкеты я узнал, что половой распущенностью страдает достаточный процент студентов пролетарского и крестьянского происхождения. Нельзя говорить, что это исключительно свойство мелко-буржуазной стихии. В своих спорах, часто не понимая конкретного явления, мы ссылаемся огульно на мелко-буржуазную стихию. А что это такое — конкретно многим неизвестно.

Предположим, что на самом деле все было и есть так, как изображает С. Малашкин. Согласимся с тем, что он дает повесть об одной девушке или о необыкновенной любви. Во-первых, я не знаю, почему эта «лю-

бовь» необыкновенна. У Малашкина «любовь» необыкновенна по своей дикости, но в таком случае как будто бы следовало другие термины взять. Во-вторых, при чем тут любовь. Сам автор говорит, что в сущности Таня никого никогда из своих 22 мужей не любила, она просто отдавалась половой распущенности и делала аборт. Она не любила мужчин с первого сближения с ними. Говорить в таких случаях о любви, да еще необыкновенной, не приходится.

Я не держусь старого представления, что любовь — это только возвышенное идейное сближение двух сердец, клянущихся друг другу: «Я тебя люблю до гроба». Это, конечно, чистейшая идеалистическая чепуха. Но я также не думаю, что любовь людей исключительно подобна той, которая вместе стоняет в марте кошек и котов. В основе любви лежит половое чувство, но любовь проявляется в выявлении и других более высоких моментов. Если многие часто меняют свои привязанности, безответственно сходятся и расходятся, то нет ли тут причин другого порядка? Вот над чем надо было задуматься. Автор этого не сделал, а изобразил нам какую-то собачью любовь.

Правилась Таня одной своей внешностью. Ее внутреннее содержание отброшено в сторону. Неужели в близости молодежи это содержание не играет никакой роли? Не может быть! Неправда! Да и сама красота Тани какая-то мещанская. Таня в роде тех красавиц, что рисуют на коробках с пудрой:

«Она была... необыкновенно красива во всех отношениях: высока, стройна, у нее изящное лицо, правильный нос, правильные черты лица, тонкие черные, похожие на стрелы брови, длинные ресницы, большие голубые

глаза, а на стройной прямой спине курчавились черные пряди волос, перехваченные немного ниже затылка темно-красной шелковой лентой» (стр. 10).

Подходим к самому разбору характера и жизни Тани. Я позволяю себе привести несколько цитат из повести. Вот обстановка, в которой живет Таня. «Комната была... небольшая, но светлая, опрятная. Обстановка: темно-коричневый кожаный диван, два кожаных кресла, два стола, четыре венских стула, этажерка с книгами, зеркальный шкаф... массивная кровать с блестящими подушками, около кровати тумбочка, на тумбочке коробка пудры «Лебедь» и третий том стихов Александра Блока». Обстановочка недурная. Эта обстановка совершенно не соответствует действительности. Откуда она взялась? Может быть, она заработала на 22 мужьях? Нет. С них нечего взять. Почему же художник создал такую обстановку? Если он ввел эту мифическую, художественно неоправданную обстановку у комсомолки, то, очевидно, у него были какие-то соображения. Художник хотел показать обстановку отвратительной среды, мелко-буржуазное влияние. Если даже стать на такую позицию, то все же нет ничего отвратительного, мелко-буржуазного в том, что есть хороший диван, на котором, придя домой, удобно отдохнуть. Нет ничего плохого и в том, что есть чистая кровать, не ложатся на нее с грязными ногами и не садятся в грязном пальто. Мебель не есть развращающая мелко-буржуазная стихия, а предмет удобства для работы и жизни. Данная обстановка не может быть использована как мотив отвратительной среды, в которую попала Таня. Такова среда с внешней стороны.

А какова она по своему внутреннему содержанию? Везде она характеризуется «отвратительной» средой, разлагающей. Причина этого, как указано выше, в составе вузов. Правильно ли дан этот состав автором? Неправильно. Если вы произведете анализ студенчества за предыдущие четыре года, вы узнаете, что студенчество у нас составлялось главным образом из рабфаковцев, дети интеллигенции просачивались в вузы с колоссальным трудом лишь по партийным и профсоюзным командировкам. Это были дети не плохой интеллигенции. Никаких торговцев, конечно, не пускали, особенно в Свердловский университет. Почему в вузовской среде, по С. Малашкину, не оказалось ни одного пролетария? Возьмите любой отчет Наркомпроса, увидите, что это не так. Художник должен считаться с действительным материалом, а не выдумывать его. Конечно, элементы из мелко-буржуазной мещанской среды были, — это верно, но чтобы они все собою заполнили, — это абсолютно неверно. Разве там не было революционного крестьянства? Да сама Таня крестьянка. Разве не было рабочих? Были и рабочие, по преимуществу. Почему все это обойдено молчанием? Художник подгонял состав вуза для оправдания своего замысла, вместо того чтобы исходить от реального положения вещей. Состав студенчества дан неверно, необоснованно. Художник должен свое творчество научно обосновывать, иногда справляясь даже со статистикой, чтобы не давать неверных обобщений. Может быть, надо представить дело так, что Таня попала в группу студентов, которая вышла из какой-либо особой среды? Как будто нет. Художник в сущности берет все студенчество. И по нему проводит сплошным черным мазком, говоря: смотрите, как страшно.

Чтобы расширить эту отвратительную студенческую среду, чтобы показать разлагающую силу нэпа, — как будто этим исчерпывается его значение, — автор заставил Таню смотреть из своего окна в противоположное окно, в котором она увидела, как голый мужчина обнимал голую женщину, а товарищ сосед запустил в их комнату облупленным мандарином. Это тоже характерное явление нашего времени? В жизни человека половая жизнь играет серьезную роль, но чтобы сводить все к вопросу об алькове нет никаких оснований. Ответственный коммунист смотрит, как его жена «в каких-нибудь два часа перепробовала надеть на себя одиннадцать платьев разного фасона и цвета», а Таня в это время рассуждает: «А сколько стоит такая красивая и молодая жена? Я думаю, ни одна спецставка не покроет ее ненужной жизни». В этом эпизоде опять определенная тенденция, и притом художественно слабо оформленная. Ничего другого, хорошего, за годы перед XIV партсъездом Таня так и не увидела? Неправда. Автор искусственно останавливает ее внимание исключительно на отрицательном. Может, Таню сбил нэп? Как будто нет. Таня рисуется как твердая ленинка, которая на ячейке «была единственной защитницей старой ленинской гвардии». Для мрачности картины автор привлекает советское чиновничество. Изображено оно по старому трафарету. Видно, что автор не знает болезней нашего аппарата.

Среда и обстановка жизни Тани дана искаженная, тенденциозно-сгущенная в угоду замыслу автора и его склонности видеть в жизни по преимуществу страшное. Когда автор нанизывает факты, которые в отдельности, может быть, и были, без надлежащего выяснения их социальных корней, их социальной значимости, художественная правда теряется. О художественной

правде, как о первом элементарном требовании эстетического кодекса, говорят еще со времени Белинского, и об этом всякому автору надо прежде всего заботиться.

Какова Таня как тип? Таня все время сожалеет о том, что она ушла от деревенской работы. Подчеркивая это, автор, однако, рисует ее беспашашной и распутной. Последнее очень сильно подчеркнуто в повести. Таня ставит вопрос приблизительно так: «Я хотела показать Петру, что я стала беспашашной, распутной, и что он собственно не должен меня любить». Таня пишет: «В его взгляде я увидела страшное и жуткое для меня. Я почувствовала, как опять во мне заняло болью сердце, и я, боясь, чтобы он не сказал мне того, что я видела в его глазах, старалась побороть себя, старалась быть к нему за его глубокую ко мне любовь грубой и злой... Упираясь ногами в перекладину стола, шумно отодвинулась от стола, повернулась и грубо закинула одну ногу на другую так, что юбка задралась до самых колен, и стали видны кружева панталон, а сама откинулась на спинку стула, скривила губы и закатила глаза».

Нет ли тут старой схемы трактовки, когда девушка бросает милого и связывает свою жизнь со случайным человеком? Так было, но сейчас этого нет. Зачем Тане нужно было во что бы то ни стало показать себя Петру хуже, чем она была на самом деле? Или она хотела узнать, может ли Петр любить ее такой падшей и беспашашной? Или Таня все это делала в безнадежности дать ему радость? Может быть, Таня была так подавлена и разбита, что, несмотря на любовь к ней Петра, добросовестно старалась создать такие условия, при которых эта любовь не осуществилась бы? Если все это так, то налицо старая интеллигентская психология. Тут налицо самоковыряние, пресловутый самоанализ,

рефлексия, которыми страдала русская интеллигенция. Но вряд ли это в наших условиях является правдивым и художественно обоснованным? Подобные сцены автор дает не раз. Чтобы усилить впечатление, он вводит довольно комический, художественно абсолютно неоправданный в наше время факт. Таня обращается к Петру: «Дайте мне покурить». Он так растерялся, что даже не знал, что ему нужно сейчас делать, куда смотреть. Она увидела, «как на его щеках появились большие, не меньше ладони, пунцовые пятна...». Не комична ли эта сцена? Неправдоподобно, чтобы Петр, деревенский парень, который наверно не один раз видел обнаженное женское тело, который был на фронте, вдруг смутился оттого, что увидел ноги до колен и кружево от панталон, смутился оттого, что у него попросили покурить. Неправдоподобно. Если предположить, что он был необыкновенно чист, тогда надо допустить, что он был и необыкновенно наивен, совершенно по-детски наивен. Может, Петр смутился оттого, что грешен был в своих мыслях. Вся эта сцена вставлена, чтобы на фоне якобы кристальной чистоты Петра углубить трагедию падения Тани. Сцена психологически неубедительная и нехудожественная. Все равно непонятно, как Таня без любви докатилась до 23-го мужа, почему она утратила влечение, в силу каких причин дошла до пьянства, как стала распутной.

Можно представить, что человек быстро меняет свои привязанности, но причина этого необязательно в половой распущенности. Это может происходить в силу неустойчивости психики, теоретических выдумок, что половое воздержание вредит здоровью организма; объяснять же все распутством и все это огулом переносить на нашу студенческую молодежь — абсолютно непозволительно. В этом есть элемент социальной клеветы.

Та же свердловская анкета показала, что молодежь за длительную любовь мужчины и женщины. Это против автора повести.

В «Молодой гвардии», 12-я книжка за 1926 г., мы с большим удовольствием прочли в отчете о диспуте в Академии коммунистического воспитания замечания т. С. Н. Смидович. Она заявила: «В его рассказе настолько сгущены краски, что даже я, которая совсем не в восторге от этой стороны быта, пришла в некоторое смущение... Я бы сказала, что это клевета на молодежь, что так описывать интеллигентскую часть нашей молодежи все-таки нельзя... В моей работе по Центральной контрольной комиссии, где мимо нас проходят типы разложившиеся, как «партийцев, так и комсомольцев, я не видела таких типов».

Величайшая беда С. Малашкина в его склонности видеть в жизни уродливое, страшное, преувеличивать все это, не умея разобраться в социальных причинах.

Будучи как солнце, Таня за четыре года вузовской жизни пришла к философии, что «жизнь прошумела и ушла». Ложась животом на кровать, она цинично повторяет: «жизнь прошумела и прошла». Налицо все элементы упадочничества. Должны сознаться, что отдельные Танины черты мы встречали, но такой сгущенной комбинации не наблюдали. Опять неправда.

Кем же могла быть, в конце концов, Аристархова? Скорее всего это была мещанка, случайно подхваченная революционным потоком. Человек революционной фразы, жеста, но чуждый революции по своему существу. Она невежественна теоретически и беспомощна политически. Чем же иначе объяснить, что эта «твердая большевичка» не устояла перед упреками в мещанстве со стороны ищущей ее молодежи? Как иначе объяснить, что она не поняла и не разглядела нашего продвижения

вперед, нашего изумляющего всех строительства? Наша вузовская и комсомольская молодежь совсем не такова.

С. Малашкин не сумел мещанку отличить от крепкого молодого большевика, — не полагайся на свое зрение! — а оклеветал нашу молодежь, перенеся на нее целиком пороки и недостатки Тани, притом же еще сгущенные.

Посмотрим на Петра. Петр — сын земли, пропитан черноземом, он, конечно, сын бедняка Вавилы, как будто он не мог быть середняком и даже сыном кулака? Показан крепким, могучим, твердым. Он — фронтовик. И «перерос комсомол». В угоду замыслу, в целях противопоставления падшей Тане, автор сделал его каменным, чугунным. Нет ни одного живого места в нем. Человек смутился, потому что у него бесшабашная девушка попросила закурить, потому что он увидел ногу до колена. Петр попал на афинскую ночь, где молодые комсомолки были одеты в газовые платья без сорочек, где было много соблазнительно волнующих и рискованных положений, движений, взглядов, слов, намеков и т. п. И в этой обстановке молодой парень сидит, как чугунный, у него ни один мускул не дрогнул. Смотрел на все «духовными очами», как странница в романе Мордовцова «Знаменья времени». Забралась она к раздетому спящему купцу в каюту, он ее гонит, а она причитает: «Ваше степенство, я на все смотрю духовными очами». И Петр также. Он перецеголял даже схимников. И недаром один из рабочих, прочитавши повесть, написал в редакцию «Молодой гвардии»: «Вряд ли в наше время такие ребята бывают». С этим надо согласиться. Таких сейчас нет. Петр был на фронте. Если мы будем проверять фронтовых людей

нашего времени, то о каменных и чугунных людях говорить не придется. Не следует упускать из виду, что Петр обрел в Тани прежде всего женщину, а не друга, не товарища по общественной работе. Его стойкость и коммунистическая чистота сомнительны.

Может быть, суть дела в том, что Таня оторвалась от массы, а Петр не оторвался. Я думаю, что половой вопрос не объясняется тем, связан человек с массами или не связан? Этот вопрос гораздо сложнее и гораздо тоньше. Были люди, которые совершенно уходили от мира, и никто не мог их соблазнить, но есть люди, которые настолько связаны с массами, что их никак не оторвешь от женщины. Нельзя так грубо и примитивно подходить к вопросу. Живого Петра нет. Он дан автором в противовес Татьяне. Художественно это вышло, как в ложно-классической трагедии. Даны две крайности: только положительное и только отрицательное. Живого, настоящего человека не оказалось.

А что, в конце концов, получилось? Таня стала жить с Петром. Как это произошло? Неизвестно. Говорили, говорили, а потом сразу она стала его женой. Психологического обоснования опять нет. Она все время сопротивлялась, старалась казаться как можно хуже. Он был высоко-рассудительный военный человек. Может, он думал про себя: «Чем она хуже, тем мне милее». Неужели он не подумал: «сколько же она со мной жить будет, не бросит ли меня для следующего». Известно одно, молодой деревенский фронтовик, у которого, наверное, был кое-какой опыт в любви, горел несказанно высокой самоотверженной любовью. Неверно, что Петру безразлично, как жила Таня раньше. Особенно странно это для коммуниста. Это надумано психологически, не обосновано социально. Ладно. Они сошлись. Петр ее любит, Таня тоже как будто любит. За что любит,

как любит — неизвестно. А что ее дезорганизовало? Отсутствие полового чувства. Об идейной связи ни звука в повести. А ведь они были правоверные коммунисты. Таня размышляет: вот какое плохое дело: мужа в нем не почувствовала. Очевидно, ею настолько все испытано, что нужно было что-либо особенное, описанное Сологубом, Каменским и другими, чтобы ощущать естественную свою потребность. Петр не выражает никаких недовольств. Во всем этом моменты психологического и социального сдвига не даны. Все сведено к половой сфере. В результате что получается? Таня решается на самоубийство. Она сошлась со своим любимым, как будто вернулась в прежнее состояние, но поскольку она не почувствовала мужа, она решилась на самоубийство. Какое это возрождение, когда половое чувство играет первую роль? Какое это возрождение, когда оно ведет к самоубийству? Это окончательное падение на почве полового истощения или извращения. Не больше.

Чем все кончается? В последний момент кинжал выпал из ее рук. Таня оставила записку, что умерла, но оказалось, что она жива. Что ее спасло, что ее возродило? Автор дает удивительное объяснение, особенно в наше время. Таня устами автора повествует: «В эту неделю, пока я была женой Петра, спала с ним и отдавалась ему, я не чувствовала не только весны, я не чувствовала... мужа». Через день после отъезда Петра она выехала за Москву. И что же? Она «слышала и видела, как дымилась земля, шумно пузырилась, как хорошая опара, пряно пахла, так что кружилась голова...» «Глубоко чувствуя ужасный, потрясающий до самой глубины разрыв человека с природой, я быстро вскочила со срубленного дерева, упала на колени, со всей своей силой запустила пальцы в

рыхлую землю, выворотила большой кусок земли, судорожно поднесла его к глазам, стала рассматривать: он был жирен, ноздреват, был полон лопнувших зерен, из бурой кожуры которых выглядывали нежные бело-синие, бело-розовые зародыши растений, был похож на тот самый кусок земли, который три года тому назад я держала в руках. Этот кусок не поразил меня связью с землей: я не услышала запаха жирного чернозема родной земли, по которой ступают мои ноги. Я бросила землю, в подавленном состоянии вернулась обратно, заперлась в комнате, упала на кровать, передумала снова всю свою жизнь от самого детства и до последнего судного часа, т. е. до того часа, в который я безвозвратно осудила себя, что мне на земле больше делать нечего, и я должна уйти с нее навсегда и превратиться в ничто» (51—52 стр.).

Может быть, автор ставит большую проблему о потере чувства жизни? Но тогда почему исключительно выпячено, что она не почувствовала мужа. Все как-то скомкано, не разграничено, не объяснено и не показано даже. Таня не убила себя. В последние минуты, когда из ее груди «падала кровь размеренно, как секунды, глухо ударялась в подушку, так что ее удары были хорошо слышны в комнате... она метнулась с постели, туго стянула полотенцем грудь и села за письменный стол. Кроме запаха луны, опять почувствовала запах весны, запах первых подснежников, запах жирного чернозема» (53 стр.). Странные и невероятно быстрые превращения. Затем Таня на севере. «На севере, — говорит она, — работала, в сосновом лесу жила, на лыжах каталась, на охоту ходила... и вела девическую жизнь». Затем — «основательно приехала к мужу» и захотела работать (стр. 54). Только теперь захотела работать. Спрашивается, что же Таню возродило? Нужны были север-

ные леса, лыжи, охота, единение с природой, чтобы возродиться? Никаких других мотивов нет. Почему художник не перебрал ее в какие-либо другие условия, — в обстановку заводского пролетариата? Разве здоровая общественная обстановка не могла возродить ее? Нет, только попавши в лес, она почувствовала землю, жизнь. Это не наша философия, не наша трактовка. С этим мы не можем согласиться, особенно в толковании такого большого социального явления, которое взял С. Малашкин. Конечно, мы знаем, что природа успокаивает, отрезвляет, но если нет соответствующих социальных условий, то никакая природа вас не исцелит, потому что и природа влияет только в пределах определенных социальных условий, а сама по себе она имеет значение весьма и весьма относительное.

Повесть закончена довольно странно. Неправдоподобное художественное обобщение в наши дни. Поворотный пункт в жизни Тани не объяснен в своем диалектическом существе. Она ведь фактически вернулась к жизни, прежде чем попала на север, в момент, когда кинжал коснулся ее груди и упали капли крови.

Остановлюсь на отдельных сторонах повести.

Есть порнографические места. Что такое порнография? В уголовном кодексе приблизительно так характеризуется порнография: она возбуждает половую похотливость и оскорбляет стыдливость. Я должен заметить, что стыдливость вещь относительная. Мы несколько не стыдимся, когда видим женщин, идущих в коротких юбках, а Петр вот стыдился. Все же несомненно, что в повести даны сцены, которые вызывают возбуждение и нарушают чувство стыдливости.

Порнографичен ли С. Малашкин? Конечно, нет. Но элементы порнографии налицо, несмотря на то, что автор хочет вызвать отвращение к афинским ночам. Возьмите книгу Горнфельда «Книги и люди», посмотрите статью «Эротическая беллетристика». Вы сразу почувствуете, что те цитаты, которые приводит автор, — детский лепет по сравнению с тем, что встречается в повести С. Малашкина.

Теперь о художественности произведения. Если исходить из формулы Плеханова, что художественность определяется в конечном счете удельным весом содержания, то повесть С. Малашкина — слабое произведение, надуманное, сгущенное, без жизненной правды.

Если говорить исключительно о внешней художественности, то и тут об оригинальной художественности повести говорить не приходится. Г. Якубовский написал, что автор пользуется «испытанными приемами», обращается к читателю, приводит письма, дневники и т. д. Эти приемы якобы применяются по-новому. Правда, Малашкин использовал старые приемы, но, надо сказать, неудачно. Мы знаем художественную литературу в виде писем, записок, дневников. Она — возьмите Гоголя и других — у них художественна, убедительна. Не то у С. Малашкина. Письма его без всякого психологического анализа. Мы с большой тоской дочитывали эту повесть. Длинные скучные простыни, на многих страницах нет ни одного абзаца, иногда мелькнет один, другой. Г. Якубовскому нравится, что автор сначала скрыл возрождение девушки, а потом неожиданно оказалось, что она не погибла, а спаслась. Это примитивный прием. В кино смотришь иной раз картину, — видишь, как человек упал с высокой трубы, и думаешь, погиб, пропал человек. Глядишь, он уже несетя на

автомобиле. Аналогичный прием и в повести. Хотела покончить самоубийством, кровь капает, письмо оставила, а через две страницы она уже на севере, на лыжах, отдыхает... Этот прием повторяется в повести несколько раз. Дешевый прием.

У нас пристрастились к луне. Пильняк написал «Непогашенная луна», Малашкин — «Луна с правой стороны». Образ «луны с правой стороны» автор положил в основу повести. На странице 19-й он пишет: «Это дело разыгралось поздно вечером и на улице, когда я выпорхнула из дома на крыльцо, была большая круглая луна и была она опять с правой стороны». «Я, взглянув на эту луну, вспомнила слова бабушки: «Ежели, внучка, луна светит с правой стороны, то обязательно к счастью». К луне нередко присоединяются антоновские яблоки. «А когда я подняла голову, — вспоминает в другом месте Таня, — в комнату смотрела сочная, как антоновское яблоко, луна и была она с правой стороны, как тогда — в селе» (31 стр.). И так много раз — на стр. 34, 44, 49, 53 и других. Скажите, пожалуйста, зачем это нужно? Якубовский отметил, что это очень художественный образ и очень художественный прием. Ничего самостоятельного в этом приеме нет, это подражание, — подражание в наше время скверное, потому что в объяснение большого социального явления, хотя бы развешиваемого на отдельных биографических моментах девушки, вводится момент суеверия. На протяжении всей повести луна и антоновские яблоки играют какую-то роль. Это прием старой литературы, в котором, если хотите, есть известная доля мистицизма. Но я не думаю обвинять Малашкина в мистицизме. Пильняк взял «Непогашенную луну», она у него только в заголовке. Его прельстило интересное словесное оформление. У Малашкина не только

словесное оформление, тут в основу повествования взято суеверие: луна с правой стороны — значит к счастью.

Есть другой момент такого порядка. Таня разбила рюмку. «Петр вскинул голову, испуганно проговорил: «Вы порезали руку?» — Нет, — ответила она, — я только разбила свою рюмку. Вы слышали, как она жалобно хрустнула и рассыпалась осколками по полу. В этой рюмке была нежная, хорошая душа... — «Что вы этим хотите сказать?» — почти шопотом спросил Петр и уставился в мои глаза. — Что я хочу сказать? — повторила я грустно и почти со слезами на глазах. — Я хочу сказать, что в этой рюмке была душа, и люди пили из этой рюмки всегда хмельную влагу и не замечали ее души» (44 стр.).

Можем ли мы этот образ считать художественным? Конечно, нет. Рюмка... из нее пили, пили и не замечали, что в ней есть своя душа, до тех пор, пока рюмка не упала и не разбилась. Так и Таня. У ней не замечали души. Затасканная, заласканная, зацелованная, она тоже разбилась. Я не поклонник обязательно возвышенных образов в стиле ложно-классического красноречия. Но мне кажется странным образ: человек — рюмка. Образ удивительно нелеп. Сколько я ни припоминаю, такого образа в литературе не нахожу. В этом образе есть своеобразный привкус, как и в «луне с правой стороны», есть в нем что-то мистическое. Письма все написаны простым, ясным деревенским языком, за исключением отдельных немногих мест, — и вдруг какой-то утонченный интеллигентский филигранный образ. Он не оправдан ни психологическими, ни художественными потребностями.

Автор хотел нам показать и обосновать большое социальное явление, но вместо этого дал биографию одной девушки; пытался дать эту биографию в разрезе психологического толкования, но психологического анализа не сумел дать. Основной замысел остался не выявленным. Склонность автора видеть в жизни по преимуществу мрачное, отрицательное привела его к тому, что вместо психологического анализа социального явления получилась определенная доля клеветы на нашу молодежь. Повесть в художественном отношении определенно слабое произведение, надуманное, не мотивированное.

Интерес к повести вызван не ее социальной и психологической правдивостью, не художественностью, а остротой проблемы, жгуче волнующей нашу молодежь.

«СТРАСТИ - МОРДАСТИ».

«С кого они портреты пишут,
где разговоры эти слышат?» ✓
М. Ю. Лермонтов.

I. Мещанин очнулся.

«Жизнь прошумела и ушла... Старалась вспомнить все эти семь лет, что не прошли, а проскакали безумно быстро, держа меня на своей спине. Теперь я не вижу быстрого полета лет, я не нахожусь на огненных крыльях времени, а спокойно лежу в грязном болоте и, как выброшенная волной на берег рыба, трепещу и смердящим запахом заражаю и без того зараженный воздух»...

Жизнь прошумела и ушла... Такой итог долгих размышлений подведен в записках Татьяны Аристарховой, а пролетарский писатель, роясь в общественных отбросах, раздобыл их и преподнес советскому читателю ✓ в своей литературной оправе так, чтоб из этого медальона выглянул и запечатлелся облик «изумительной» и редкостной девушки, необыкновенного и недюжинного человека и, как предупредительно сказано в обращении автора «к некоторым читателям», — пережившего «ужасную» потрясающую драму и совершившего «смелый, сверхчеловеческий прыжок в новую жизнь».

Если бы, вместо этого рекламного анонса, писатель дал и ограничил бы обращение к читателям приведенной вначале цитатой, — стало бы ясно, кого писатель хочет живописать, не вставлял бы вопрос у читателя и у писателя: «зачем было нужно автору брать большие типы, когда у нас и здоровых сколько угодно?» К вещи приложилась бы та мерка, которой ей и свойственно измеряться, и сама вещь уложилась бы в те рамки, пределами которой ей надлежит быть ограниченной..

И в полосу лет социалистической стройки любопытно и не безынтересно и, пожалуй, нужно, чтобы еще крепче нажать на работу, на рабочем ходу оглядеть тех, для которых «жизнь прошумела и ушла»...

Кто эти слепые кроты? Кто они, которые не видят, не ощущают горячего солнца наших дней, а бредут, выбросив, как знамя, тоску и «отвратность», сексуальную взвинченность и душевную опустошенность, — бредут, как тени в смрадных «лунных туманах», — кто они?

Революция втянула в гигантскую воронку бешено разворачивающихся классовых битв и революционных событий громадную массу городской и сельской мелкой буржуазии, мещан и обывателей и со всей силой неукротимой инерции разбежавшегося маховика истории закрутила, яро завертела мелкобуржуазные «перекасти-поле» и, сортируя на ходу попавшее в ее орбиту, отбросила их по разные стороны баррикад.

Волей-неволей многим мещанам и обывателям пришлось очутиться попутчиками в поезде, державшем путь к коммунизму. Пережив бесчисленное множество раз крутую смену сомнений и надежд, разочарований и восхищений, подъема энтузиазма и падений безверия, подогреты мощным пафосом победоносно движущегося класса и питаясь его хлебом и идеями, — все они, наконец, добрались до того самого места, на котором кон-

чился старый наезженный настил и началась прокладка новых, уже социалистических рельс, — и тут, потеряв мощный ритм дальнейшей поступи революции и сбившись с такта, сорвались они на полном ходу и шлепнулись где попало.

Видя, что революция уходит в противоположную от них сторону, они восприняли это как отступление, как отход, как возврат к старому, не поняв, что та извилистая, ухабистая, раскорчевываемая дорога, по которой пошла революция, и есть как раз «столбовая дорога социализма».

И когда пришлось встать им на собственные ноги и сколь в силах выпрямиться и осмотреться кругом, вчерашние «попутчики» не увидели в широком поле с развороченными пластами сочной земли место, где закладывается фундамент новой стройки; не заметили воздвигнутых на новой земле новых, прекрасных зданий, и обоняние их не уловило носимые ветром свежие, духовитые запахи молодых насаженных садов. На лету схватил их наметанный прежней, — утерянной и возвращенной привычкой глаз, — темные подворотни, «домики с трубой»; в развороченных пластах жирных, извивающихся червей и голодно раздутые ноздри стали вытягивать знакомые, сытные, попахивающие гнильцой ароматы задворок. Облюбовав щель, закоулок, темные углы и затхлые подворотни, поспешили они шмыгнуть каждый в облюбованную нору, забиться в ней и, настороженно урча, заняться грязней жирной кости с вкусным мозжечком и сладким хрящиком, хищно добытую или доставшуюся на долю.

Время шло. Отстоялся быт. В жилье обывателя, как символ покоя и сытости, утвердились запахи нафталина, напоминающего о шубах и бекешах на курчавом меху, висящих в дубового или орехового дерева зер-

кальных шкапах, подпирающих, как стены, житейские устои; мускусные запахи раздавленных на стенах клопов, малящие к взбитой мягкой перине и пуховым подушкам, которых вдосталь, чтобы зарыться в них голове в сонной дремоте и чтоб положить под бочок и под мягкие обвислые ягодицы... Мещанство вошло в свои берега. Сытость стала обычным и обыденным явлением. Стала появляться пресыщенность. Появилось свободное после приемов пищи время, стали копошиться в голове мыслишки, туманно проясняться память, и вспомнилось обывателю, что — «де и мы пахали», «де и мы не последняя спица в колесе революции», и годы военного коммунизма получили неожиданно острый и тонкий гурманский аромат. И вспомнилось, правда, чужое, но которое обывателю во что бы то ни стало захотелось присвоить, оставить за собой, как нежные воспоминания о грешках молодости. Грешки, — но это были такие чистые, наивные, романтические грешки, так далекие от теперешней прозаической, но солидной добродетели, запечатленной в заповедях — «живи, пока живется, лови момент».

Нет, это было не то, «совсем не то!» «Мы тогда, работая в комсомоле, не интересовались, не замечали солнца, яркой, ослепительной зелени, весенних цветов... А не замечали мы солнца потому, что мы сами были солнцами... сами были лучезарной весной... А вот теперь»... Обыватель подхватывает: теперь не то, совсем не то... И ужасная догадка мелькает в отяжелелом мозгу, что и он, обыватель-интеллигент, с идеями и запросами, совсем не тот, что в годы близости к революции и, объятый тревогой, обыватель сразу же начинает искать себе оправдания, подбирать сравнения и искать сходства — и, не догадавшись, что видит лишь свое отражение в зеркале,

начинает склаться, обнажая гнилые зубы со свистом, ехидно подтрунивать и подхихикивать:

«Ага, обязательно коммунисты! Видно по повадке, что коммунисты!»

«Хе-хе, а дозвольте спросить, почему мужчина голый в ванне? Хм, не иначе женщина в это дело замешана!» — и воспаленное воображение дополняет картину патологической сексуальной подробностью.

«Хи-хи, а почему у жены Н. тридцать платьев, и все она перед зеркалом вертится, примеряет и показывает мужу?»

«Тэк-с, тэк-с, на курортик жена коммуниста В. укатила, больная, — как весна, так сразу и «больная». — Закатила истерику — муж путевочку достал...»

«Кхм, кхм, а почему у Д. по воскресеньям пироги, а в субботу парочкой с женой в баню ходит?.. Так сказать, в советские семейные бани... И воображение дополняет картину новой изощренной подробностью и т. д. и так без конца.

И кажуцееся увлеченный обыватель принимает за явное и сердито отмахиваясь от всей остальной громадной жизни, сосредоточивается на этом одном, получая от этого огромное «нравственное удовлетворение» и самооправдание.

«Хи-хи, все так живут, а я чем лучше их?»...

Но обыватель уже хочет не только «жить, пока живется», но и оправдать свою мещанскую пошлость идейно. Обыватель начинает собирать разбросанный революционным шквалом свой идейный багаж и ворует у революции то, чем можно прикрыть, задрапировать свое идейное убожество. Обыватель лепит мозаику из кусочков идей о «свободе» личности, «свободе» пола, любви и т. д. и т. п., всячески прикрывая эти идейки внешней левой революционной фразой. И, при-

крываясь этой левой фразой, он старается оплевать революцию, эпоху социалистической стройки, — все то, что не от него, обывателя, исходит. Обыватель пытается отвлечь и других от созидательной работы, замкнуть каждого в пределах своего «я», «пужая» всяческими «страстями-мордастями» тех, кого он на удочку своих идей поймать не может.

Дескать, «кулак» стал запускать свои корни в чернозем. В 8 лет революции мы ничего не сделали, чтобы деревню повернуть на нашу дорогу... К тому же совхозничество «забыло о том, что есть партия, что есть рабочий класс»... Где уж тут социализм строить. И обыватель советует: — раз так, живи, пока живется, в жизни есть другие прелести. Не видишь солнца — не надо солнца, — в зените солнце печет сильно, а так прекрасны лунные ночи, и они еще прекрасней, когда превращаются в «афинские ночи». А если кто сблюет от их «отвратности», природа нас дарами не обидела:

— Эх, и накуритесь же вы анаша. И будет вам казаться луна все время с правой стороны и, вспомнив бабушкины сказки на сей случай, будете рваться, «к счастью, к счастью».

Но мещанство «по природе своей» трусливо и свою идеологию «смердяковщины» не прочь протащить как коммунистическую идеологию, выдать ее за идеологию класса-гегемона, стараясь ее подать массам, как нечто исходящее от коммунистической партии, вложить это в уста коммуниста...

★

Напор мещанства и обывательщины — как показал нынешний литературный год — чувствуется довольно остро в художественной литературе. Культивируя упадочнические настроения, мелкобуржуазная обыватель-

щина хулиганским крылом есенинской поэзии двинулась на рабочую и крестьянскую молодежь, на комсомол, и тронула тлетворным своим крылом те единицы, которые и без этого должны были отпасть, увясть, несколько не пошатнув комсомол, который еще более укрепляется в борьбе с маловерием, упадочничеством и хулиганством.

Пролетарский писатель чутко присматривается к этой борьбе. И не исключена возможность, что в ближайшее время мы будем иметь ряд литературных произведений на эту тему, целую полосу «упадочнической» литературы.

Художественно обнажить корни упадочничества, показать во всем неприглядном убожестве безыдейную пустышку мещанства — задача, вставшая перед писателем. Но в этих темах кроются и свои опасности: — не преодолеть мещанство, а подпасть под его разлагающее влияние, загрязниться в обывательском болоте и, потеряв пролетарскую твердость, беспомощно лепетать бессвязные и жалкие обывательские фразы.

Слушая их, мещанин жмурится от удовольствия и из-под темной подворотни вторит:

— Ага... вот пролетарский писатель... Вывел их, мошенников-коммунистов на чистую воду... Не замажешь. Вот где правда...

«Правда» эта — не наша, и писатель, может быть, сам того не сознавая, выполнил «социальный заказ» чуждого и враждебного нам класса. А обыватель доволен. Он радуется. Кое-как, с грехом пополам удалось протащить свою идеологию под пролетарским «паспортом», выдать ее за «идеологию» класса-строителя, класса-гегемона, его партии, его комсомола.

Тенденции такого рода резко обнаружилились в повести «Луна с правой стороны или необыкновенная любовь», С. Малашкина.

Вместо яростного обличения упадочничества, обнаружения его социальных корней и трезвой правды, получился клеветнический выпад против комсомола, партии, против пролетарского студенчества, против нашей молодежи.

Чужая болезнь выдана за нашу боль, чужие гноящиеся язвы показаны на пролетарском теле, и скопище идейных импотентов, славословящих половой нигилизм и «лунные туманы», — за нашу среду, в которой живет рабочий класс и творит новую жизнь в наши погожие дни.

Долг советского общественного мнения, партийной критики — «снять покровы» с героев этой вещи и показать читательской массе и писателю их в настоящем неприглядном виде.

II. О «редкостной девушке в комсомоле», или идеолог «выпоротого комсомола».

Кто же, кто же эта пресловутая Таня Аристархова, заранее отрекомендованная автором как девушка «необыкновенной любви», совершившая «смелый, сверхчеловеческий прыжок в новую жизнь»?

В повести использовано все: и щекочущие эффекты положений, и ссылки на знакомых, на авторитеты, и письма Тани, ее дневник, и красивая внешность, которой щедро наградил автор героиню, в полном соответствии с рекламным объявлением парфюмерной фирмы Тэжэ, и даже писательский талант, которым-де, оказывается, обладает Татьяна Аристархова — словом, целый арсенал эмоциональных воздействий, лишь бы честно оправдать рекомендательное обращение к читателю.

Но как это ни странно, чем дальше читаешь повесть, тем все больше и больше теряется доверие к этой реко-

мендации; с первых же страниц, где прямо или косвенно показана героиня, начинает казаться, что это «совсем не то», что это вовсе не героиня нашего времени, заподозреваешь какую-то еще трудно объяснимую мистификацию.

Если отбросить прекрасные этикетки и наклейки, которыми, как фиговым листком, прикрыл автор наготу своей героини, то Татьяна Аристархова вырисовывается в следующем виде...

В один из погожих осенних деньков разразились события, перевернувшие вверх тормашками быт кулацкой семьи Аристарховых, и волей тех же событий у гимназистки Тани появился благовидный и мало ожидаемый предлог к тому, чтоб не готовиться к переэкзаменовкам. И так как эти события, оказавшиеся мало понятными, но довольно любопытными, разрешали для Тани радикально проблему образования («не гимназия теперь, а публичный дом, и отец дальше учиться не разрешил»), Таня по некоторой ассоциации происшедшие события окрестила «всероссийской переэкзаменовкой», бесстыдно выдав это определение за формулировку рыжего мужика Вавилы, который не только не имел представления о гимназиях, но даже и славянской азбуки не нюхал. Таня могла бы утратить малейшее представление не только о грамматике, но и об азбуке, если бы от поры до времени не писала длинных писем своему брату о своем деревенском житье-бытье.

«Живя в деревне, — пишет она брату, — я так изучила мужиков, что хорошо по их настроению угадываю, что делается на фронтах: ежели у моего отца не болит поясница, и на лице просачивается улыбка — на фронте большевикам скверно, а ежели у отца болит поясница и на лице хмурь — на фронте большевикам хорошо, бьют белых. Лицо комбедчика Акима говорит обратное,

и тоже верно, — одним словом, что крестьянин в полосе гражданской войны может служить хорошим барометром, благодаря которому и без газет можно вполне хорошо узнавать политическую погоду... Таким образом, мы получаем автобиографическую справку о том, что Таня себя чтением политической литературы и газет, очевидно, не утруждала, так как и «без газет можно вполне хорошо узнавать политическую погоду» по состоянию... поясницы ее отца.

Не знаем, насколько поясница кулака Аристархова верно отражала международное положение того времени, но на осложнения в родной деревне поясница реагировала верно и точно, как барометр, и Таня, довольно хорошо усвоив ее сигналы, передала их так «в следующих строках своего письма»: «Как пришла революция, так все перевернулось кверху дном, но этого мало, что перевернули кверху дном, всю душу вытрясли и сделали ее дырявой как решето. А кто сделал-то, а?.. Ты думаешь, кум, сделали на людей похожие, а? Нисколько. Сволочь какая-то, вроде твоего бывшего работника Акима. А теперь попробуй, подойди ты к этому Акиму, он тебе покажет кузькину мать»...

Прошло полтора-два года, беднота все еще показывала Аристарховым «кузькину мать», и намерений прекратить такое «безобразие» как будто не предвиделось. Кулацкие хлеба таяли и определенно становились тощими. Таня стала взрослой, и на селе, как она сообщает в письме брату, ее уже прозывают «дылдыой».

И дылда со свойственной ее возрасту сентиментальностью стала замечать, что «по ночам всегда луна и всегда, когда только ни выйди, все с правой стороны и тоже большая и желтая, а главное — похожа на спелую сочную антоновку, так бы с жадностью проглотила ее»...

Сентименты-сентиментами, но пора и за ум взяться, подумать, что дальше будет. С отцом дело швах. Ставка на черное имеет как будто мало шансов на успех, и на хлебах отца при полной зависимости от барометрийнейшей поясицы Тане не очень сладко.

И Тане приходится выбирать другой путь... Комсомолу есть чему радоваться. Редкостная девушка Татьяна Аристархова вступила в его ряды. И не только вступила, а даже организовала (?!) комсомол (ибо еще большой вопрос, приняли бы ее, дочь кулака, в уже организованную комсомольскую ячейку, но автор, очевидно, считает, что комсомол от этого ничего не потерял, а только выиграл, так как Таня оказалась «блестящим организатором»). Вся героическая история комсомола буквально меркнет в сравнении с блестящей эпопеей ячейки деревни Воскресенской, которая безусловно имеет право на особое название — «Воскресенского комсомола», в отличие от всего остального комсомола, недаром руководительницей «Воскресенского комсомола» являлась Таня.

Кто-кто, а эта ячейка может похвалиться кое-чем, кроме серой будничной работы, о которой не стоит расписываться, как-то: борьба с бандитами, кулацкими восстаниями и все такое прочее. Нет, в письме Тани к брату ярко запечатлен такой эпизод, который, несомненно, достоин увековечения, — эпизод, подчеркивающий еще раз, что воскресенская ячейка — единственная в своем роде ячейка, и еще более подтверждающий предположения о том, какое «ценное» приобретение в лице Тани заполучил комсомол, и как хорошо, что она по своей инициативе организовала комсомол, а не подобно другим «рядовым» подала заявление в другую ячейку (что, повторяю, вообще довольно редкий, я бы сказал, исключительный случай), и через это оказалась

в комсомоле. Вот что значит энергичная натура. Какие только дела с такой энергией можно творить. Например: «Недавно выкинули такую историю... в деревне ситцу не дают, и наши мужики решили «текстиль» свой организовать»... из льна, отобранного у помещика, бабы за целую зиму направили пряжу и вывесили ее на мороз и... ночью эту пряжу-то ребята взяли и опутали ею все село, да так, что пройти было невозможно, чтобы не запутаться в нитку... Вот смеху-то было, а потом мужики «меня, а со мною весь комсомол призвали на собрание и хорошую нам прописали резолюцию, кроме меня, всех до одного высекли розгами».

Дальнейших сведений о том, имели ли еще место в работе воскресенского отныне выпоротого комсомола такого рода проявления «самодетельности», мы не имеем по той причине, что, как и сообщается далее в этом же письме, с первой же командировкой в вуз, полученной из губкома, Таня вылетела от отца, как «мотылек» (намек на ее балетные и цирковые наклонности) и упорхнула в Москву.

Луна с правой стороны оказалась хорошей приметой, луна не подвела.

Таня встретила город по-институтски восторженно: «Москва тогда, несмотря на позднее лето, на всюду валившуюся пададь, казалось, весной пахла, подснежниками».

На этом месте у читателя начинают пробуждаться новые надежды, и читатель начинает себя успокаивать: что ж такого, что она мещанка, дочь кулака и политический невежда — город выбьет из нее мещанскую дурь и институтское озорство, и, быть может, она, как многие обыватели, ушедшие с головой в революционную ра-

боту и оттого перестающие быть обывателями, станет хорошей коммунисткой и нашим человеком. Ведь еще Ленин писал, что очень многие «социал-демократы дней свободы», впервые став социал-демократами в дни увлечения, праздника, в дни ярких лозунгов, в дни побед пролетариата, круживших головы даже чисто буржуазной интеллигенции, стали учиться, серьезно учиться марксизму, учиться выдержанной пролетарской работе, — они всегда останутся социал-демократами и марксистами» 1).

Но за четыре года, проведенные в Москве, в Свердловии, Таня марксизму не научилась. Она не увидела по-новому нашей большой жизни, а наоборот. Вот что она пишет в своих записках: «Я вижу только перед собой серое, ничего не говорящее пространство, на котором стоят, движутся ничего не говорящие моему зрению предметы, вещи, люди. Почему это? Отчего?»

А вот почему: органически не восприняв теорию и идеи пролетариата, ничего не переняв от пролетарской партии «кроме нескольких заученных слов, заученных «ярких» лозунгов, пары фраз...» 2), Татьяна Аристархова, этот случайный пассажир в комсомоле, не могла ощутить биение пульса красной столицы. Мощное строительство пролетариата оказалось вне поля ее зрения. Невооруженная идейно, не смогла она разобраться в сложной стратегии классовых битв. Имея за собой лишь маленький и своеобразно преломленный опыт борьбы ее родной деревни с отцом-кулаком, она попыталась эту же мерку приложить к новым, совсем другого масштаба явлениям, и потерпела крах. Не поняв суть новой экономической политики, она была заворожена, зачарована,

1) Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. 1, 329 стр.

2) Там же.

выбита из колеи рекламным шиком нэпмановских витрин, ослепительное богатство которых опрокинуло все ее представления о взаимоотношениях классов, их экономической силе, которые она вынесла из деревни. Зная лишь цену экономической силе ее отца в деревне, богатства городских нэпманов показались ей неопенимыми, ибо цену мощи рабочего класса она не знала и навряд ли ставила намного выше мощи деревни.

Неподкованная теоретически, не имея практического опыта и не усвоив опыта партии, комсомола, ибо она была, есть и осталась чуждым рабочему классу человеком, она запуталась в сложной городской обстановке и, будучи не в силах опереться на разум, она целиком, безвольно отдалась своему чувственному восприятию жизни.

И восприняла она жизнь по-мещански, ибо чувства-то у нее оказались прежними дореволюционными «чувствами» мещанисткой гимназисточки из уездного захолустья, начитавшейся и разбереженной «Белыми Пелеринками» Лидии Чарской и «Ключами счастья» Вербицкой.

Убогое воображение Тани наградило революцию всем аксессуаром вычитанной институтской романтики. «Ах, революция, это — благоуханная весна повсюду, струятся запахи антоновских яблок и первых подснежников», и пролетарий, этот «очаровательный душка» — гордо шествует по ковру из свежих фиалок, в венке из флерд'оранжа под венец социализма, а она — «героиня», как это ни мало вероятно, сохраняет до последнего момента свою девическую чистоту и целомудренность.

На ходулях этакого «романтизма» Таня приплелась в город, и жизнь стремительно сбила ее, как кеглю.

Настоящей весны, творимой рабочим классом, расцветающей из наших дней, строителями которой

являемся все мы, — той весны, о которой сказано у пролетарского поэта Безыменского:

...Знаю,
Иная весна
Есть,
И этой весне без меня
Не расцвествь.
И надобно ей не огня,
А тока...
Это не гость, не весна бестелая,
Эту весну я сам делаю...

Этой весны наша «героиня» не увидела, она не ощутила запаха жизни, не почувствовала, «как пахнет жизнь вкусно», и потому, что она это не почувствовала, к жизни она рук приложить не сумела и очутилась в числе тех, о которых в том же стихотворении сказано:

А кому-то грустно,
У кого-то сердце течет
растаявшей ледышкой с окон...

Институтское представление о революции рассеялось «как сказка, как сон золотой».

Тогда Таня поняла, что для нее «жизнь прошумела и ушла», и очутилась она опять у прежнего разбитого мещанского корыта.

Но таково уж сволочное обывательское нутро. Оно никак не хочет смотреть правде в глаза, не хочет признать своей пустоты. Эту пустоту хочется непременно скрыть, завуалировать идейным туманом, сладостным и успокаивающим, и Таня творит новую легенду.

Как оправдание тому, что «жизнь прошумела и ушла», пытается она, как это ни чудовищно по своей гнусности и цинизму (хотя этим именно и отличается

мещанство), использовать смерть Ильича, увидеть в ней «жертву», которая оправдывает ее теперешнее отрицательное отношение к революции, оправдывает всю гнусность ее личного быта.

Как же отнеслась Таня и вместе с нею мещанство к смерти Ильича? В памятные ленинские дни Таня, бесцельно блуждая между колоннами народа, пришедшими проститься со своим вождем, якобы услышала от человека, больше похожего на крестьянина, чем на рабочего, следующие поразившие ее слова:

«Нам открыл глаза, а сам свои закрыл».

Эти слова блеснули перед Таней, «как гигантская молния», и она почувствовала, что у человека, сказавшего эти слова, «были открыты глаза, и жизнь человеческая была ему видна, как на ладони. Да, это было так, иначе он бы не сказал таких простых обычных слов, которые, повторяю, потрясли меня тогда, заставили позабыть тревогу, а главное — пустой истерический крик газет».

Это — лишь маленький кусочек из впечатлений Тани от этой циничной фразы. Видите ли, для Тани и для мещанства скорбная, но мужественная симфония суровой печали миллионов трудящихся, глубоко потрясенных смертью вождя, отраженная нашей печатью, незабываемой печатью ленинских дней, которую будущие поколения будут хранить как монументальнейший памятник беспримерной в истории величественной скорби народных масс, для Тани, для мещанства это был только «пустой истерический крик».

На них воздействовали другие слова: «нам открыл глаза, а свои закрыл». Вот это созвучно мещанству. Это им понятно и это им желательно... «Свои закрыл». Эта чудовищная фраза сказана про Ленина, с его колоссальной жизненной зарядкой, с его могучей во-

лей к жизни, заражавшей и заражающей волей к борьбе миллионные массы трудящихся. Это сказано про Ильича, любящего жить и жившего так красочно и полно, как мог жить только Ленин. Обывательщина имеет наглость пытаться выдать вождя пролетариата за евангельского христосика, давшего распять себя на кресте и искупить этим грехи мира. Обывательщина хочет превратить Ленина в миф мистический и жертвенный на потребу себе, — Ленина, бывшего самым яростным врагом обывательщины и мещанства и его евангельского ханжества и непротивленческой морали.

III. «Пастораль социалистического века», или фотография мещанства.

А как же все-таки с Таней, которую автор упорно держит для известных ему только целей в комсомоле и выдает за «ленинку», — «открылись» ли у нее глаза и увидела ли она что-нибудь?

О, да, шаря глазами по всяким злачным местам, она подметила, что луна все время светит с правой стороны, а под светом этой луны жены «коммунистов» принимают в Крыму лунные ванны, а в Москве только и делают, что примеряют перед мужьями платья, и мужья по случаю перегруженности этим занятием получают спецставку ответственных работников.

И еще подглядела она «ребяческим оком» такую картину: «посреди комнаты стояла толстая голая женщина, похожая на сырое белое облако, а рядом с ней голый мужчина, высокий дылда в два раза выше ее, тонкий, как жердь, страшно косяклявый... целовал ее... в вялые и безобразно отвисшие груди, она смотрела в зеркало и чопорно восхищалась собой».

Такая картина, на которую безусловно у Тани «открылись» глаза, навела ее на размышления и к случаю могла вспомнить она следующие строки из стихотворения Кириллова:

...Был месяц июнь, девятнадцатый год...
Самцы петушились... Кудахтали самки.
Так будет и впредь. Через тысячу лет...

Но куда бывшему пролетарскому поэту, а теперь ренегату Кириллову до Татьяны Аристарховой — кишка тонка. На сей счет Таня любит более четкие формулировки, и столь много говорящую ее уму и сердцу картину она так и назвала — «пастораль социалистического века».

А раз так, а я «чем лучше их», — и Таня быстро делает «оргвыводы». «Кю мне привязался один очень видный работник комсомола, сделал мне предложение, — вы не думайте, что я его любила, — и я сошлась с ним... Потом сошлась с другим и тоже без любви... Потом незаметно (!!!) докатилась до двадцать второго мужа, с которым тоже разошлась, а теперь — справляю афинские ночи, пью вино, живу распутной девкой, курю и даже не папиросы, а «анаша»...

При таком образе жизни, при столь высокой «производительности труда» — «в ночь целовали шесть дылд», — весьма ясно, что для Тани превратились ночи в дни, и дни стали ночами. Ее зрение отвыкло от дневного света, и все зримое стало для нее незримым.

Но человек, говорят, животное с большим даром приспособляемости. И хотя у Тани кое-когда прорывались атавистические нотки — «чернозем... комсомол... весна...», она к ночной жизни вполне приспособилась. Нашлась и соответствующая ночная обстановка:

«массивная кровать с блестящими шишками... тумбочка, на тумбочке коробка пудры «Лебедь» и все такое прочее. Оказалась и соответствующая ночная среда — это те, которые, как хамелеоны, меняют свою окраску и которых потому днем, как клопов, неприметно, но ночью они распространяют вонючие, мускусные запахи и живут своей паразитической жизнью.

Со всей напряженностью показаны они в тринадцатой ночи, наименее «отвратной», чем ей предшествующие.

Вот они. Женщины — в темнокрасных газовых платьях на голом теле. Мужчины — разодетые, как денди. Участвуют «красные санинцы»: Ольга с Андриюшкой, Шурка, Володька, Федька с Зинкой, Алешка с Рахилью и Таня с Исайкой Чужачком. Публику представляет в единственном числе Петр, глазающий на все это как в театре.

Первая сцена. Шурка шарахается в сторону, неожиданно садится на колени Петру, громко впирается в его губы и тут же отскакивает... (реплика). «Где уж вам комсомолок любить. Ха-ха».

Вторая сцена. Таня «подошла к дивану; села на колени к Андриюшке, но он так, мерзавец, стал вести себя, что... не просидела трех минут, убежала».

Третья сцена. Федька «крепко обнимал правой рукой... талию и ладонью этой же руки поддерживал чаши... груди, отчего Зинка сладостно млела».

Четвертая сцена. Алешка «тянется к Рахили, Рахиль сладостно мрет в его объятиях».

Пятая сцена. «Ты не особенно жми.

— Почему ж мне не жать?

— Весь дух из нее может выйти».

И, наконец,

Шестая сцена. «Андрюшка, — взвизгнула Шурка, — куда тебя чорт занес! — Я ничего, я только хотел фуку положить, а то уж больно просвечивается».

«Дылда даже газ прорвал, да еще на таком месте».

Следующий по ходу действия джаз-банд наяривает Исайка Чужачек, «дрыгая в такт ногой». «Мы часто наблюдаем, как люди не могут удовлетворить своих влечений, своих чувств, даже в том случае, когда со стороны женщины находят не менее яркий ответ... Весь корень зла в идеалистических... предрассудках... Любовь красива... до тех пор, пока есть необходимость друг в друге. Женщины, вы первые должны быть сторонниками и проводниками новой свободной любви, так как вам нечего терять, кроме своих щечей».

В заключение Исайка Чужачек пускается в пляс, все хором исполняют:

А кто ясли наполняет —
Комсомолки, друзья,
Комсомолки!

Такова среда, в которой «варится» Татьяна Аристархова.

В этих омерзительных типах мы узнаем давно знакомые лица незабвенных арцыбашевских, солугубовских, каменских и иже с ними «героев и героинь», человечков и сверхчеловечков. С новоявленных Лед, Саниных и Алкиных их прежняя спесь сбита довольно основательно. Всех их крепко потрепала революция, но «уроки Октября» для них не прошли даром. Они кое-чему научились, приспособились к новым условиям, незаметно окрасились в защитный цвет, за которым не так легко разглядеть их отвратительное лицо. Революционными фразами пытаются они прикрыть свое блудливое нутро. Ночами, прячась в темных углах и прикрываясь от

света, как щитом, ультра-левыми фразами, они, испытанные герои буржуазии и мещанства, поелику возможно проводят в жизнь программу изощренного блуда и полового нигилизма.

IV. Твердокаменный Петр, из которого сыплется мелкобуржуазный песок.

В повести, в этой палате безнадежно-больных, даже из больничного окна не видно массы живых бодрых людей. Будем думать, что это не означает, что болен весь мир, а наоборот, смертельно больные изолированы, и совсем необязательно их показывать на фоне живой расцветающей жизни. Однако автор, желая спасти Татьяну Аристархову, вернуть ее к жизни, выводит в повести и положительного героя, спасителя Тани. Таким героем является Петр.

Но и в Петре приходится разочароваться. Петр, который выдается автором за твердокаменного большевика, за человека, обладающего живительной силой класса, строящего новую жизнь, — на поверку оказывается и сам в достаточной мере начинен мелкобуржуазной трухой и интеллигентскими идейками, очень далекими от идеологии рабочего класса.

Петр всего-навсего оказался тем типом, который вовсе не типичен, а крайне единичен для большевистской партии и лишь представляет собой того «идейного» коммуниста, какого рисует в своем воображении мелкая буржуазия, потому и наделяющая созданный ею тип присущими ей самой чертами.

Сквозь революционную фразеологию Петра так и прорывается его мелкобуржуазная сущность. Его отношение к Тани, его поведение не есть поведение коммуниста, борющегося с мещанством и обывательщиной и

желающего возвратить к общественной жизни тех, которые ему субъективно кажутся только увязшими в мещанском болоте, но не потерявшими свое здоровое нутро и могут еще стать полезными членами общества.

С первой же встречи с Таней, в первой же беседе он показал себя всесторонне, исчерпывающе:

«Вы не женились еще?» — спросила его Таня.

«Нет, только еще невесту подыскиваю», — ответил ей Петр.

Это — не обмолвка. Вот именно — «невесту подыскиваю». Это типично для Петра, ибо политически он показал себя настоящим мещанином и гнилым интеллигентом. Образ Петра, как революционера, достаточно ярко вырисовывается из политической беседы его с Таней. Таня от Петра узнает, что отец ее за время нэпа оперился и больше не жалуется на боль в пояснице, что, конечно, еще больше подтвердило ее мнение: «что в восемь лет революции мы ничего не сделали, чтобы деревню повернуть»... к социализму.

В ответ на это клеветническое утверждение Тани Петр, «любуюсь» ею, успокоительно сказал: «Что такое восемь лет в масштабе нашей революции? Ничего. Одна пылинка».

Действительно, «что такое жизнь по сравнению с вечностью?» — вот старая интеллигентская формула, которая определяет мировоззрение Петра. Марксизмом и ленинизмом здесь даже не пахнет.

Восемь лет Октябрьской революции; восемь лет борьбы и побед, в результате которых в одной шестой части мира не только свергнута власть буржуазии и установлена диктатура пролетариата, но и успешно начата социалистическая стройка; восемь лет, в результате которых завоеван громаднейший плацдарм для

международной революции, — для Петра эти восемь лет: «ничего, одна пылинка».

Что после этого с Петра взять? Грош цена всей его революционной фразеологии. На деле он, как и мещанин, не понимает, не осознает всей значимости революции и ее сегодняшних дней.

Таню он любит как красивую самку, которой хочет во что бы то ни стало завладеть. Чтобы не испортить дела, он, как истукан, просиживает у Тани в обстановке «тринадцатой ночи», терпеливо переносит творимое похабство, не сказав даже осуждающего слова.

И когда Таня, под влиянием своей любви к нему, хочет поведать Петру все свое прошлое, как она «дошла до жизни такой», «коммунист» Петр «благородно» заявляет: «Какое мне дело, как вы жили до этого часа?»

Действительно, подумайте только, как «возвышенно и революционно»! Коммунист Петр лишен всяких предрассудков. Ему даже нет дела до прошлого Тани. Однако, по своей простоте, мы думаем, что каждому, особенно члену партии, «есть дело» до прошлого человека, с которым он хочет общественно и лично связать себя.

Но «коммунисту» Петру не только безразлично прошлое Тани, но, вынужденно выслушав ее исповедь, отвратный период ее жизни, Петр зачитывает не в минус, а в плюс.

«Что я вам могу сказать? — отвечает ей Петр. — Я тебя еще больше люблю».

«Коммунист» Петр ответил взятой напрокат у героев Достоевского, объясняющихся в любви inferнальницам, фразой, столь любезной сердцу мещанства: «за страданье еще больше надо любить».

И недаром Таня пишет, что она прожила с Петром «неделю в качестве жены». Не к общественной,

а вот к какой жизни Петр вернул Таню. Другого и ожидать от него нельзя было.

Из этого «твердокаменного» коммуниста сыплется мелкобуржуазный песок. Это — «коммунист» не из большевистской партии, а созданный обывательщиной для собственного употребления.

V. Клеветой на живых не воскресить мертвых.

Мещанка, страдающая половой истерией, наконец, обрела себе крепкого, по-деревенски здорового мужа. На этом автор мог бы поставить точку, если бы не обещание заставить героиню «совершить смелый сверхчеловеческий прыжок в новую жизнь». Но и с этим номером получился сплошной конфуз.

Афинские ночи дали себя знать, и нормальная половая жизнь не могла удовлетворить Татьяну Аристархову. Она решает кончить самоубийством. От «редкостной изумительной девушки» остается лишь вещественное доказательство, узаконенное традицией самоубийц — записка: «в смерти моей прошу никого не винить»... И обещанный «прыжок» совершает сам автор в последней заключительной главе, воскресив из мертвых Татьяну Аристархову. Записка, оказывается, служила только для отвода глаз читателя, пока Таня не сходила к врачу, который вместо самоубийства... порекомендовал половое воздержание. И Таня, «укатив на север», «в сосновом лесу жила, на лыжах каталась, вела девическую жизнь», а потом уж... «основательно приехала к мужу».

Увы! Никакого «сверхчеловеческого прыжка в новую жизнь» из этого, конечно, не получилось. Автор Таню к общественной жизни не воскресил, ибо мертвого не воскресить, а лишь вернул ее к супружескому ложу...

Предвидя, и небезосновательно, «будущие возражения», автор в первых же строках повести поспешил заверить читателей в том, что все им описанное он «видел собственными глазами и чувствовал собственным сердцем».

Так ли это? Какими же это «собственными глазами» смотрел т. Малашкин?

Ведь даже очень далекий нам «попутчик», писатель Пильняк, на сей счет давно прозрел и довольно твердо усвоил, что смотреть на мир можно только или «глазами пролетария», или... глазами враждебного пролетариату класса.

В том-то и дело, что чувства и зрение изменили пролетарскому писателю, он видел не «глазами пролетария», а глазами страдающего близорукостью и дальтонизмом мещанства. И зловещую, грязную желтизну общественных отрепьев, догнивающих в мусорном ящике истории, писатель принял за угрожающие пятна на красном знамени революции и сам, сильно струхнув при этом виде, — у страха глаза велики, — разразился повестью, панически закричал:

Придут страсти-мордасти,
приведут с собой напасти;
приведут с собой напасти,
изорвут сердце на части.
Ой, беда! Ой, беда!
Куда спрячемся, куда?

Спору нет, «страсти-мордасти» разлагающегося обывательского быта могут заразить и заражают некоторые малоустойчивые элементы нашей молодежи и отдельные единицы в комсомоле. Было бы казенным оптимизмом замазывать и замалчивать такого рода от-

рицательные явления. Ничего, кроме вреда, это не принесло бы. Но не менее вредно, не менее опасно переоценивать явления упадочничества, раздувать их, ударяться в панику и в панике не суметь разобраться в причинах упадочничества, и разложение гибнущих под натиском растущего социализма чуждых революции классов воспринять, как явление, присущее партийно-советской обществу. К сожалению, это и случилось с т. Малашкиным. Типичные явления распада мещанства и обывательщины Малашкин перенес в обстановку пролетарского студенчества и комсомола, совершенно сам не заметив того, что герои, описанные им в повести, являются типичнейшими представителями мещанства и новой буржуазии и не имеют ничего общего с пролетарским студенчеством и комсомолом.

Обстановка маразма и разложения некоторых вырождающихся типов описана автором как быт, правда, не всего комсомола целиком, но, во всяком случае, значительной его части, с которой нужно считаться, — пролетарского студенчества. И в свете выведенных Малашкиным типов совершенно понятно, что и все студенчество в целом представилось Малашкину не таким, как оно есть на самом деле. Выдав своим «героям» партийные и комсомольские билеты и студенческие книжки, естественно, всю студенческую массу Малашкин представил такой же. По Малашкину, выходит, что пролетарское студенчество и даже его партийная и комсомольская части «в огромном своем большинстве» молодежь, «вышедшая из мелкобуржуазных семей и из семей торгашей, кустарей, мелких ремесленников и т. д.». Вообще «подозрительная молодежь, нахлынувшая с окраин». И единственной ленинкой в массе

студенческой молодежи оказалась не кто иной, как Татьяна Аристархова.

Действительно, восемь лет осуществляли классовый принцип приема в вузы, наполняли рабфаки лучшими из комсомольской, рабочей и крестьянской молодежи, давали командировки в вузы (бывали случаи, когда все-таки пролезали такие, как Исайка Чужачек и Татьяна Аристархова), чтобы на девятом году поверить на слово т. Малашкину, что пролетарское студенчество — это все лишь «подозрительная молодежь, нахлынувшая с окраин».

Да, в вузах учатся и студенты с «окраин» — грузины, туркмены, чуваша, татары, армяне, корелы и так далее и даже в одном из вузов самоед учится. Но для этой «подозрительной молодежи» Октябрьская революция именно гостеприимно и раскрыла двери в университеты и школы. Приобщение к культуре остальных, закабаленных раньше царским правительством нацменьшинств, является одной из основных задач нашей национальной политики. Но от этого наше студенчество не перестает быть пролетарским. А писатель Малашкин, кроме Татьяны Аристарховой, ничего «ленинского» в этой массе студенчества не заметил.

Да, большая масса студенчества во время дискуссии 1923 г. пошла за Троцким. Но тем больше заслуга партийцев-ленинцев, вернувших студенчество на ленинский путь. Но это были, конечно, не «Татьяны Аристарховы». И выдавать органически чуждого пролетарской революции человека за ленинку — это и значит клеветать на партийцев-ленинцев.

Основным стержнем повести является половой вопрос, один из больших вопросов быта нашей молодежи.

С половым вопросом не все обстоит благополучно. Но полного благополучия — надо сказать прямо и открыто, не создавая себе никаких иллюзий, — сейчас и не может быть, и никаким декретом или литературным канонам благополучие это ввести нельзя, по той простой причине, что мы живем в эпоху коренной ломки быта. Прежние бытовые устои рушатся, новый быт только формируется, и мы «справляем новоселье в недостроенном доме». Поэтому в области половой жизни, наиболее сложной и менее всего поддающейся общественному регулированию, неизбежны отклонения от половых норм, отдельные вывихи и извращения, случаи беспорядочной половой жизни и шаткость половой морали. Эти явления имеют место и в быту пролетстуденчества, и, может быть, в большей мере, чем в быту рабоче-крестьянской молодежи, потому что студенчество на время учебы порывает с ранее установившимся бытом, принуждено четыре-пять лет проживать в специфических условиях, как на бивуаке, в обстановке, лишенной длительной бытовой устойчивости (по причине того, что быт студента может быть устойчивым и становится им лишь тогда, когда студент перестает быть студентом, покидает вуз — становится «красным спецом» и начинает нести общественно-производственные функции).

Но половые идеалы пролетарского студенчества с вожделениями «Исаак Чужачков» и иные с ним ничего общего не имеют.

В 1922 г. была проведена среди студенчества анонимная половая анкета.

В Свердловском коммунистическом университете ¹⁾ было собрано 1 615 анкет, которые показали, что «идеалом подавляющего большинства коммунистического студенчества является длительное половое общение, за которое высказались 85,7% мужчин и 73,9% женщин».

Но это — идеалы не только партийного студенчества. В другом московском университете ²⁾ с преобладающим беспартийным составом из 1 200 мужчин-студентов за длительные любовные отношения (сюда входит и брак) высказалось 72,2%, из 302 женщин — 81,6%.

В правдивости полученных цифр — при условии анонимного заполнения анкет — трудно сомневаться, и охотникам «прокатиться» насчет студенчества рекомендуем над ними призадуматься, и, может быть, тогда для их эротических прогулок будет выбран подальше закоулок...

Пролетарский писатель С. Малашкин, может быть, с самыми благими намерениями хотел показать отрицательные стороны студенческой жизни, а показал то, чего в комсомоле нет, что в его природе не существует. Субъективно Малашкина подвели «собственные глаза», а объективно он явился слепым орудием мещанства, которому выгодно свое собственное разложение выдать за болезни господствующего класса — оклеветать партию и комсомол и протащить свои рецепты оздоровления.

И в этом смысле в «Луне с правой стороны» немало общего с «Навьими чарами» Федора Сологуба — этим

¹⁾ Записки Коммунистического университета им. Свердлова, т. I, январь 1923 г.

²⁾ И. Гельман. «Половая жизнь современной молодежи».

литературным пасквилем на социал-демократию 900-х годов.

Формальное построение вещи обличает ее мещанское нутро, и самое интересное в повести, конечно, то, что художественное оформление повести восстает против навязываемой ложной тенденции.

Повесть мало динамична и построена на письмах, отрывках из дневника, разговорах и монологах — действие не показывается, а, главным образом, рассказывается. И сколь это ни покажется парадоксальным, вся манера изложения удивительно напоминает обывательское пересуживание и сплетни и велеречивые рассуждения мелкобуржуазных любителей самопокаяния и самобичевания. Язык повести характерен для «окультуренного» мещанина, сентиментальный и витиеватый, при котором слово играет нередко самодовлеющую роль («влюбление» в слово), и за словом не чувствуется вещи, которую оно должно определять; отсюда беспрестанное жонглирование отдельными словами и фразами:

«Луна с правой стороны... чернозем... запах антоновских яблок... остропряные» и т. д.

Язык героев не оригинален, серый; по разговору трудно отличить, если отбросить акценты Исайки Чужачка, Петра и т. д.

На всех героях повести лежит налет общей для них мещанской среды.

Стиль повести обусловлен ее содержанием и как бы отбрасывает навязанную повести ложную тенденцию, — в этом ее единственное достоинство вещи, и это говорит за то, что художественное чутье автора восставало против тенденциозной установки.

Художественная правда оказалась сильнее нарочитой, неверной идеи, и в ряде мест преодолевает тен-

«БЕЗ ЧЕРЕМУХИ».

Давно распались старые бытовые скрепы. Коллективное творчество миллионов народных масс складывает облик нового быта.

И в развернувшемся грандиозном процессе строительства, наряду с яркими, еще никогда невиданными ростками, без сомнения, неизбежны — в этом своя историческая закономерность — уродливые и безобразные явления — гримасы старого уходящего мира.

Их не нужно пугаться — с ними нужно бороться...

В последних номерах «Молодой гвардии» были напечатаны два рассказа, появление которых прошло почти незамеченным в нашей литературе. Это — «Без черемухи» Пантелеймона Романова («Молодая гвардия», книга 6, за июнь 1926 г.) и «Луна с правой стороны, или необыкновенная любовь» Сергея Малашкина (книга 9, за сентябрь 1926 г.). Нельзя сказать, чтобы эти рассказы выделялись своими особо высокими художественными достоинствами среди остального литературного материала «Молодой гвардии»; в частности, рассказу С. Малашкина в отношении художественной формы и стиля можно было бы пожелать еще очень и очень многого.

Однако, ставя «проклятые» вопросы комсомольского быта во всей их остроте и напряженности, оба эти

рассказа безусловно могут претендовать на особое внимание со стороны читателя.

Начнем с рассказа П. Романова.

Студентка московского университета пишет письмо своей подруге. О чем она рассказывает в своем письме? О лекциях и докладах, о политических новостях и театре?

Нет! Она пишет об одном: о грубости и нетерпимой распущенности, характерных для определенных слоев современного студенчества, и пишет об этом с такой страстью и силой, что ее письмо вырастает до степени значительного человеческого документа.

«У нас, — с горечью рассказывает студентка, — принято относиться с каким-то молодецким пренебрежением ко всему красивому, ко всякой опрятности и аккуратности как в одежде, так и в помещении, в котором живешь.

«В общежитии у нас везде грязь, сор, беспорядок, смятые постели... Не потому, чтобы у нас было какое-то серьезное дело, не оставляющее нам ни минуты свободного времени, а потому, что все, связанное с заботой о красоте, мы обязаны презирать. Не знаю, почему обязаны.

«Это тем более странно, что ведь наша власть, — нищая, пролетарская власть, — затрачивает массу энергии и денег, чтобы сделать именно все красивым...

«Самое скверное ругательство у нас имеет все права гражданства. И когда наши девушки, — не все, а некоторые, — возмущаются этим, то это еще хуже, потому что нарочно их начинают «приучать к родному языку».

«И вот, это пренебрежение ко всему красивому, чистому и здоровому приводит к тому, что в наших интимных отношениях такое же молодецество, грубость, бесцеремонность, боязнь проявления всякой челове-

ской нежности, чуткости и бережного отношения к своей подружке — женщине или девушке.

«Любви у нас нет. У нас есть только половые отношения, потому что любовь презрительно относится у нас к области «психологии», а право на существование у нас имеет только одна физиология.

«Девушки легко сходятся с нашими товарищами-мужчинами на неделю, на месяц или случайно — на одну ночь. И на всех, кто в любви ищет чего-то большего, чем физиология, смотрят с насмешкой, как на убогих и умственно поврежденных субъектов».

Такова обстановка студенческой жизни в изображении П. Романова.

Господство голой физиологии. Матерщина. Грубость. Цинизм. Возведение запаха гоголевского Петрушки в высший принцип пролетарской культуры.

Далее автор письма рассказывает историю своей первой «любви».

«Он» — красивый студент, на положении жоака среди своих сверстников.

Весна. Пахнет травой и цветущими яблонями...

«...Подшла девушка с черемухой, я взяла у нее ветку, и долго дожидалась сдачи. А он стоял и, чуть прищурившись, смотрел на меня.

— Без черемухи не можешь?

— Нет, могу. Но с черемухой лучше, чем без черемухи.

— А я всегда без черемухи, и ничего, недурно выходит, — сказал он, как-то неприятно засмеявшись...

— А почему вам так неприятна черемуха? — спросила я.

— Ведь все равно это кончается одним и тем же, — и с черемухой и без черемухи... Что же канитель-то эту разводите?..»

После долгих колебаний героиня рассказа заходит к «нему» в общежитие. Его товарищей не было, но они каждую минуту могли прийти. Он торопился... «Его воровски-поспешный попят и жадная торопливость, и потеря обычного вызывающего спокойствия и самообладания... Как будто он думал только об одном, чтобы успеть до прихода товарищей. Он ни разу не сделал движения приласкать меня, поцеловать, сделать какой-то человеческий жест. Ему нужно было только одно. И только для этого я нужна была ему».

«Мне нужна была человеческая нежность и человеческая ласка, — грустно жалуется девушка. — Мне нужно было перестать его чувствовать чужим и почувствовать своим, родным, близким. Тогда бы и все сразу стало родным, близким и возможным»...

«Ну, что разговаривать, только время терять...»

«Я почувствовала какую-то обиду от этих слов и сделала шаг от него. Но он решительно и раздраженно схватил меня за руку, сказав: «Что, в самом деле, какого чорта, антимонию разводите...»

«И я почувствовала, что он быстро схватил меня на руки и положил на крайнюю растрепанную постель...»

«Я забила, стала отрывать его руки, порываться встать, но было уже поздно...»

И после:

«Надо поправить ванькино логово, а то он сразу смекнет, в чем дело».

И это все. Конечно, не нужно быть специалистом по уничтожению мещанства для того, чтобы в ряде рассуждений героини рассказа схватить мелкобуржуазную мещанскую суть. Однако, нужно быть поистине узколобым, тупым мещанином для того, чтобы не разглядеть рафинированного мещанства, косности и пошлости описанных нравов, чтобы не заклеить «деля-

ческих» навыков героя и не угадать под его студенческой курткой грубого и самодовольного самца.

В свое время Щедрин приходил в ужас при одной мысли о том, что существует возможность строить романы на одних половых побуждениях. Что бы сказал великий сатирик, если бы дожил до того времени, когда не только в романах, но и в действительности пытаются построить жизнь на голлом физиологическом чувстве?...

Само собой разумеется, было бы по меньшей мере странно усмотреть «деляческую» психологию и мещанство в той грубости, которая в общем и целом до сих пор характерна для быта широких рабочих масс.

Однако существует качественная разница между грубостью рабочего быта, вырастающей непосредственно на почве общей некультурности и отсталости крестьянской страны, и грубостью, культивируемой в известных мелкобуржуазных слоях нашей учащейся молодежи.

Грубость бескультурья и культура грубости. Они имеют разное социальное содержание, и если первую необходимо лечить хорошими прививками пролетарской культуры, — конечно, не по центросоюзовским таблицам умножения, то вторая обозначает мещанское искажение, искривление уже принятого культурного заряда.

Это становится еще более ясным, если вспомнить, что с аналогичными же явлениями — грубость, упрощенство — нам приходилось, приходится и еще придется сталкиваться и в области чисто теоретической.

«Любви у нас нет, у нас есть только половые отношения». Все же остальное только психология. Психологию же нужно за борт.

Но ведь это уже давно сказал Энгельс, начисто отрицавший реальность психического процесса, и еще совсем недавно повторил Струминский...

Тем самым рука об руку с теоретическим изгнанием психики во имя физиологического рефлекса, идет практическое отрицание всей области психического и эмоционального — практический энчменизм быта. Рецидивам теоретического вульгаризаторства и упрощенства в социальной практике соответствует торжество плоского, вульгарного материализма, — того самого, за который когда-то так едко бичевал буржуазию один из величайших материалистов — Энгельс.

Если до сих пор в общем и целом нам было нетрудно справляться с различного рода теоретическими искривлениями марксизма ¹⁾, в том числе и с волной теоретического ликвидаторства, идущей по линии, чуждой рабочему классу «деляческой» психологии, то несравненно хуже обстоит дело в новой для нас области — в области бытовых явлений. Правда, время от времени

¹⁾ Однако даже и в чисто теоретической области эта борьба ведется сплошь и рядом плохо и лениво. В доказательство сошлемся на следующий пример. В 1924 г. выходит в свет сборник «Психология и марксизм» под редакцией проф. Корнилова. В этом сборнике наряду с интересными марксистскими статьями помещена статья некоего Выготского, открыто заявляющего, что его взгляды совпадают с «гениальным анализом сознания, который сделан Джемсом». (См. указанный сборник, стр. 197.)

Читателю, знакомому с сочинениями Плеханова, Ленина, Деборина, вряд ли нужно особо разъяснять, что собою представляет Джемс. Приведем только две выдержки из той статьи Джемса, с «гениальным анализом» которой солидаризировался «марксист» Выготский: «Мне кажется, — пишет Джемс, — настало время всем открыто отречься от него» (сознания. — *П. И.*), ибо «мысли, пребывающие в конкретном, сделаны из той же материи, что и вещи». («Новые идеи философии», сб. 4, Джемс. «Существует ли сознание?», стр. 103 и 127.)

появлялись в нашей периодической печати статьи, критически перетряхивавшие наш быт. Статьи вызывали многоголосый и разноголосый отклик и кончались почти всегда бурной идеологической свалкой. Однако практически дело почти не сдвинулось с места. Нужно прямо сказать — у нас до сих пор еще не находится достаточно решимости для того, чтобы, не пугаясь жупелов мещанства и ханжества, повести энергичную борьбу против мелкобуржуазного искажения пролетарской идеологии в нашем повседневном быту.

Давно пора со всей категоричностью отбросить сказку о том, будто анархия в области половых связей является завоеванием пролетарской революции, и что высший принцип коммунистической этики заключается в уничтожении всяких половых запретов и заграждений.

Половой анархизм на деле есть продукт распада социальных тканей буржуазного общества; другими словами, это есть не наша, это есть чужая идеология, культивируемая личностями, выпавшими из классовых

Сборник вышел. Критики его похвалили. Читатели прочли. Но никто, однако, не обратил внимания на махистские упражнения Выготского. Спустя 2 года, во втором сборнике («Проблемы современной психологии», изд. 1926 г.), Выготский помещает новую статью, в которой, еще раз сославшись на «блестящий анализ» Джемса, следующим образом резюмирует свои взгляды на сознание: «Вся разница между сознанием и миром... только в контексте явлений. В контексте раздражителей — это мир, в контексте моих рефлексов — это сознание». (См. указанный сборн., стр. 42.) Не правда ли, читатель, перед нами — довольно занятная картинка!

Выготский, протаскивающий откровенные махизм и поповщину, очутился в «контексте» марксистов-психологов, в том числе и в «контексте» авторитетного проф. Корнилова. Наша же, марксистская критика оказывается настолько слепой и беззубой, что до сих пор еще не заметила этого противоестественного сотрудничества. И это происходит в такой области, в которой мы, после Плеханова и Ленина, движемся более или менее твердо и уверенно!

рядов, — идеология, пышным цветом распускающаяся там, где гниль, где пахнет мертвечиной.

Ведь еще итальянский футуризм, в лице французской писательницы Валентины де-Сен, — внучки Ламартина, — провозгласил апофеоз торжествующей похоти.

«Уничтожим злополучные романтические отрешья, обезлепесточенные маргаритки, дуэты при луне, ложнолицемерный стыд... Надо сделать из похоти произведение искусства. Похоть — это сила». (Цитирую по кн. Фрич — «Зап.-европ. литер. XX века».)

А у нас, в царской России, разве не процветали «лиги свободной любви» и не справлялись афинские ночи?

Разве голые Леды не вертели жирным задом, а самцы Санины, гордые своей «сверхчеловечностью», не практиковали на каждом переулке собачьих свадеб?..

Ведь это все было. Было после крушения первой революции.

Мы до сих пор еще помним, как убежденные сединами, почтенные мастера русской литературы, пуская слюни, в прозе и стихах воспевали восторги полового исступления под бурные аплодисменты «пакостных франтов», практически и теоретически попиравших всякие моральные предрассудки во имя бесстыдного торжества своих извращенных инстинктов.

Растегни свои застёжки и завязки развяжи.
Тело, жаждущее боли, нестыдливо обнажи.

И в эту эпоху, вряд ли кто-либо осмелился бы назвать разврат и распутство завоеванием революции, поставив их под защиту коммунистической этики.

Мы до сих пор еще как-то смущаемся употреблять слово разврат. Возможно, потому, что это слово насквозь

пропахло гнусным лицемерием старого общества, — елейная мораль и самая дикая разнузданность удивительно «диалектически» уживались в буржуазном быте. Однако, давным-давно пора обозначить то, что происходит в известных слоях нашей учащейся молодежи, этим словом — разврат.

Мы не пасторы. Для нас не существует нерушимых моральных догм. Партия не терпит вора в своих рядах отнюдь не потому, что собственность священна, а потому, что воровство разлагает и деморализует класс.

Точно так же и половая распущенность в наших глазах достойна осуждения не сама по себе, с точки зрения своей самодовлеющей лжи, — для нас и здесь высшим критерием является ее отрицательная социальная значимость. Отвлекая общественную энергию от решения общественных задач в сторону личного физиологического благополучия, перенося основной интерес с социальной группы на личность, ведя за собой раннюю старость, горькое похмелье, усталость и пессимизм, — половая распущенность тем самым, с точки зрения интересов класса, как целого, является абсолютно нетерпимой.

Однако успех борьбы с гримасами комсомольского быта будет весьма проблематичен, если только мы не поведем параллельно с этим борьбу за оздоровление быта основных кадров нашей партии и притом по всей линии бытового фронта.

Маркс когда-то писал о тех десятилетиях, которые понадобятся рабочему классу для того, чтобы очиститься от грязи старого общества и изменить самого себя. Именно эта задача массовой чистки сейчас и стоит перед нами — строителями нового быта. А почистить есть что — капиталистической мерзости и грязи мы с собой прихватили с избытком.

Возьмем хотя бы то же отношение к женщине. Разве только среди комсомольцев считается похвальным удалством грязно и цинично рассказывать о женщинах? Разве так мало среди старых членов партии любителей клубнички? А ведь «дети» учатся у «отцов»...

А грубость, неряшество, матерщина? А культ анекдота? ✓

В редакциях и клубах, в автобусах, в столовых, в театрах и пивных, на службе и на митингах — везде и всюду у нас безраздельно царит анекдот. И анекдот похабный, «с перцем». И еще совсем недавно одна из наших больших центральных газет поместила статью крупнейшего партийного журналиста с похабным анекдотом в эпиграфе...

А наша литература, — этот могучий проводник идеологического заражения? Разве и здесь мы не сталкиваемся с той же грубостью и разнузданностью?

Дамские панталоны заняли неестественно большое место в нашей литературе ¹⁾.

Редкий современный писатель в редком рассказе не считает необходимым откровенно и подробно трактовать весьма скользкие темы и положения, абсолютно не вытекающие из существа его художественного замысла. Ступенчатый натурализм даже такого мастера, как Бабель, местами производит отвратительное впечатление. Что же говорить о других, второстепенных и третьестепенных писателях, у которых натуралистические тона местами сбиваются на чистую порнографию? А такие явно порнографические произведения, как пресловутый роман Каллиникова — «Мощи», принимаемый иными про-

¹⁾ См., например, роман пролет. писателя и, повидимому, коммуниста Демидова «Вихрь».

стачками за сверхреволюционную вещь? Кстати говоря, «Мощи» вышли ныне вторым изданием. Караящая рука цензора, где ты?..

Наши поэты ругаются в стихах по матушке и, не обращая внимания на окрики т. Сосновского, попрежнему прибегают к терминам и сравнениям, обычно составляющим до сих пор «железный инвентарь» заборной литературы. Так, например, в августовском номере «Молодой гвардии» мы прочли следующие строки:

«Мерзавец! Как будто республика б...?»

На час в кабинет —

И довольно».

И вот, после этого иди и борись с похабщиной и грубостью комсомольского быта!

Не будем бояться слов — чистота и целомудренность.

Октябрьская революция была сделана совсем не для того, чтобы увековечить кусочки публичного дома в общественных нравах.

Опустошающие человека цинизм и разврат несовместимы с психологией строительства.

Мы отнюдь не предаем проклятию физиологию. Мы не считаем ее позорной и стыдной и не чувствуем необходимости в том, чтобы, краснея, прикрывать ее черемуховым цветом.

Нам не нужно кисейных занавесок, гераней и канареек; бисерных чехольчиков и маниловских поцелуев, во время которых, по свидетельству Гоголя, можно выкурить маленькую соломенную сигарку; томного воркованья и сентиментальных вздохов вокруг коллективной ночной вазы — этого глубочайшего символа мещанского уюта и благополучия.

Одним словом — всего того, что является неотъемлемым атрибутом трогательного голубиного счастья нежно воркующей парочки.

Однако, помня, что коммунизм, помимо всего прочего, означает установление человеческих отношений между людьми, мы считаем необходимым сделать наши бытовые отношения — и в первую очередь отношения между мужчиной и женщиной — простыми и чистыми, человеческими и потому красивыми...

И мы не сомневаемся в том, что в нашем быту уже складывается на новой основе новая устойчивая семья, которая еще ждет своего художника-бытописателя.

Чтобы понять определенное социальное явление, чрезвычайно полезно проследить, куда оно растет и развивается. Тогда сплошь да рядом может оказаться, что иной, на первый взгляд довольно невинный, факт в своем развитии является источником целого ряда явлений, чрезвычайно опасных и болезненных.

Именно с этой точки зрения нас и интересует рассказ Сергея Малапкина — «Луна с правой стороны, или необыкновенная любовь».

Малапкин описывает те же бытовые отношения, что и Романов, но только на следующей, так сказать, высшей ступени их развития, обнажающей их подлинный социальный смысл.

Комсомолка Таня, дочь кулака-кабатчика, — «редкостная девушка», самородок. Поступила в Свердловский университет и ушла с головой в партию. В 1923 г., как раз к началу первой дискуссии с троцкизмом, была отозвана из рабочего района и направлена для работы в одну из вузовских ячеек.

«Ко мне привязался, — рассказывает Таня, — один очень видный работник комсомола, сделал мне предло-

жоние, — вы не думайте, что я его любила, — и я сошлась с ним. Кроме безобразия и нескольких абортот, я ничего хорошего и прекрасного не видала от совместной с ним жизни. Потом он меня бросил, и я спокойно ушла от него. Потом сошлась с другим, и тоже без любви, которого сама бросила; потом незаметно докатилась до двадцать второго мужа, с которым тоже разошлась. А теперь... справляю афинские ночи, пью вино, слышу распутной девкой, курю и даже не папиросы, а «анаша»...

На афинских вечерах у Тани собираются комсомольцы и комсомолки во главе с апостолом свободной любви Исайкой Чужачком, пьянствуют, похабничают и занимаются самым гнусным и мерзким развратом. Для того, чтобы дать читателю хотя бы слабое представление о парящих здесь нравах, приведем следующую самую скромную сценку:

«— Танька, — взвизгнул Исайка и чуть было не сверзился со стола, — ты что же это ему показываешь прелести-то свои, а?

— Какие? — ответила я и, отступив от Петра, взглянула на Исайку.

— Какие, — передразнил Исайка, и показал пальцем на не позволительное место. — Светится все...

— А-а-а, — протянула я и, стараясь показать сквозь газовое платье, под которым не было даже и сорочки, свое светящееся тело, повернулась еще два раза кругом...»

Петр, один из героев рассказа, в следующих словах характеризует Танину компанию:

«Я увидел этих старичков из комсомола, всю их разнузданность, услышал исходящее от них, как от разложившихся трупов, смердящее зловоние. Ведь это — трупы. Трупы».

А в результате?

«Зацеловали, захватили, замусолили»...

«Жизнь прощумела и ушла».

Таково жуткое и вязкое болото, засосавшее молодых и сильных, способных на большое и нужное дело. И из этого болота, в минуту горького похмелья, нащупывается лишь один-единственный выход — самоубийство ¹⁾).

«Я сгорела вся, — пищет Таня покончившая самоубийством девушка Шурка, — и гореть так, как горела до этого, не могу, — ничего во мне для огня не осталось... Не по мерке мне эта жуткая, всепотрясающая эпоха...»

Мрачный, безысходный пессимизм, полное разложение и распад, культ явно упадочных, реакционных настроений, — вот куда в известных условиях развивается комсомольский «наплевализм» и распущенность. Превращение циничных упростиелей П. Романова в живые трупы Малашкина, — вот что нам иной раз показывает не только литература, но и жизнь.

Вслед за XIV партсъездом, подчеркнутым необходимостью беспощадной борьбы с ликвидаторским безверием и пессимизмом, XV партконференция выдвинула на первый план задачу преодоления «упадочных настроений и пораженческой идеологии в рядах одной части партии», питаемых грандиозными трудностями реконструктивного периода.

В различных общественных областях эти упадочнические настроения выступают в самых разнообразных

¹⁾ Таня, по мысли автора, спасается от самоубийства только потому, что открывает коренную причину своей гибели в... «разрыве человека с землей», и бежит от людей на север, в сосновые леса. Вряд ли нужно указывать, насколько все это... несерьезно!

идеологических масках, сигнализируя разрыв нитей, соединяющих определенные группы с могучим потоком советской общественности.

В частности, бытовые явления, отраженные в рассказах П. Романова и С. Малашкина, вырастая, с одной стороны, в «стоцентное» хулиганство, другим своим концом, — в этом не может быть ни малейшего сомнения, — впадают в общий поток капитулянтства и распада.

Это прекрасно понимает автор «Луны с правой стороны». С. Малашкин, связывая упадочничество своих героев с общеполитическими тенденциями ликвидаторства и безверия.

«...Все кулаки, — говорит Таня, — выправляются и живут не так, как нам хочется, а так, как им нравится, а главное — идут не по указанной нами дорожке, а по своей, и к старинке. Я думаю, что и остальное крестьянство идет тоже... не туда, куда нам желательно, а по своему пути...».

«Мне все-таки жутко от деревни», признается Таня в другом месте.

По мнению автора, рука об руку с этой «жутью», с этим страхом перед черной кулацкой силой, — одновременно и в качестве следствия, и в качестве причины, — и расцветают: пьянство, разврат с надрывом, афинские ночи и «анаша». Таня, умевшая быть хорошей работницей только в рабочем районе, сдрейфила при первом же столкновении с мещанской стихией и выдала свое собственное бессилие за бессилие партии, свое собственное перерождение за перерождение партийных кадров...

В теории — упрощенство и вульгаризаторство, механический материализм, отрицание диалектики, новые вспышки энциклопедизма.

В области половых отношений — царство голой физиологии, распущенность и разврат, практический энциклопедизм быта.

В литературе — есенинщина, мутная волна порнографии, сплошь да рядом выступающей под маской революционного искусства.

В быту вообще — «наплеви́зм», похабщина, культ анекдота, наглое торжество пивной бутылки.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что все это — созвучные явления, питающиеся чужими классовыми соками, знаменующие прорыв чужой и враждебной нам идеологии.

Вот почему, как бы ничтожно ни было распространение этих явлений, наша советская общественность должна организовать и повести с ними по всей линии самую беспощадную борьбу.

И пусть не пеняют те, по ком ударит эта борьба, кому не по мерке «эта жуткая, всепотрясающая эпоха».

О БЕСПЛОДНОМ ПРАВОУЧИТЕЛЬСТВЕ.

I. О скромности тов. Ионова.

В № 281 «Правды» (от 4 декабря) была напечатана статья т. Ионова, не без претензии на некоторую поэтичность озаглавленная: «Без черемухи». Статья эта трактует вопросы быта нашей молодежи. Всякую статью, посвященную этим сложным противоречивым вопросам, все, работающие постоянно с молодежью и ежедневно с этими вопросами сталкивающиеся, готовы горячо приветствовать.

Статья же т. Ионова вызывает особый, дополнительный интерес к себе и потому, что автор ее задается не вполне обычными целями. Значение статей, посвященных вопросам быта, т. Ионов формулирует довольно странным образом:

«Время от времени, — пишет он, — появлялись в нашей периодической печати статьи, критически перетряхивающие наш быт».

Однако статьи эти не удовлетворяют т. Ионова. Он отзывается о них пренебрежительно:

«Статьи вызвали многоголосый и разноголосый отклик и кончались почти всегда бурной идеологической свалкой. Однако практически дело почти не сдвинулось с места».

И вот т. Ионов, с похвальной скромностью, решил восполнить существующий у нас «маленький недостаток» и «практически» решительнейшим образом перетряхнуть, наконец, наш быт, который, как мы увидим ниже, настолько не нравится т. Ионову, что он даже жалеет о том, что он живет в наше грешное время.

Задача критического перетряхивания нашего быта, взятая на себя Ионовым, не может не вызвать двух чувств: повышенного интереса к его статье и восхищения поистине редкой скромностью этого товарища.

Как же справляется со своей задачей т. Ионов?

II. Почему т. Ионов завидует Салтыкову-Щедрину.

Начинает перетряхивать т. Ионов, как говорится, «с плеча». Статья его открывается следующим категорическим утверждением:

«Давно распались старые бытовые скрепы».

Читатель испытывает ощущение, похожее на то, какое бывает от неожиданного удара дубиной по голове.

— Вот-те на! Оказывается, в нашей крестьянской стране уже ничего не осталось от скреп старого быта! Оказывается, наша деревня уже давно (великолепно звучит это «давно!») разрушила у себя все основы старого быта, и над ней не тяготеют уже религиозные, патриархально-консервативные пережитки, эти надежнейшие скрепы тысячелетнего «дедовского» быта. Оказывается, в экономике нашей страны, с ее пятью укладами, не заложены условия для сохранения скреп старого быта, — все это, по авторитетному заявлению т. Иопова, «давно» разрушено, «давно» распалось...

Нет надобности, конечно, всерьез опровергать это странное утверждение т. Ионова. Проследим дальнейший ход его мыслей.

Если старые бытовые скрепы уже давно не существуют, — то что, по мнению т. Ионова, имеем мы сейчас? Какие перспективы намечаются? Какие тенденции побеждают в нашем быту? Какие трудности встают перед нами?

От каждого выступающего в нашей партийной печати по вопросам быта мы в праве требовать ответа на эти вопросы, потому что не ответить на них, — значит, не ответить на основное; значит, исказить положение в сторону казенно-оптимистического, ура-патриотического благополучия, или в сторону безнадежного пессимизма, безвыходной мрачности, отсутствия перспектив.

Именно последнее и получается у т. Ионова. Он принимает тон проповедника, и постепенно им овладевает такой «проповеднический восторг» (наподобие «административного восторга», воспетого еще Салтыковым-Щедриным), что т. Ионов забывает о всякой перспективе.

На смену старым бытовым скрепам пришло, по утверждениям т. Ионова, следующее. (Приводим здесь только некоторые «мрачные цветы» из огромного ионовского букета.)

«В области половых отношений — царство голой физиологии».

«В быту вообще — наплеизм»...

«В литературе — есенинщина, мутная волна порнографии, сплошь да рядом выступающей под маской революционного искусства».

«В редакциях и клубах, в автобусах, в столовых, в театрах и пивных, на службе и на митингах — везде

и всюду у нас безраздельно царит анекдот. И анекдот похабный, «с перцем»...

Если бы эта картина была правильной, а не напоминала бы бред больного... эротоманией, если бы, наряду с теми явлениями, о которых пишет т. Ионов, у нас не было бы явлений противоположных, если бы в процессе борьбы отрицательных и положительных тенденций не побеждали бы тенденции положительные, — нам не осталось бы, конечно, ничего, кроме сожаления о том, что «давно распались старые бытовые скрепы».

В обширнейшей статье т. Ионова не содержится ни одной попытки показать картину нашего быта во всей ее сложной диалектической противоречивости. Во всей статье нет намека на постановку вопроса о том, какие же тенденции побеждают в нашем быту. И поэтому естественны те нотки сожаления о старых бытовых скрепах, которые довольно ясно слышатся в статье Ионова.

«В свое время, — пишет он, — Щедрин приходил в ужас при одной мысли о том, что существует возможность строить романы на одних половых побуждениях. Что сказал бы великий сатирик, если бы дожил до того времени, когда не только в романах, но и в действительности пытаются строить жизнь на голом физиологическом чувстве».

Мы можем пополнить «ученость» т. Ионова: не только Щедрин, но и другой великий сатирик — Гегель — ужасался этой возможности. Мы можем довести до сведения т. Ионова, что на точке зрения Гегеля по этому вопросу целиком стоял Плеханов. В своих воспоминаниях об отношении Плеханова к искусству Аксельрод пишет:

«Плеханов всецело стоял на точке зрения Гегеля, что пора, наконец, перестать считать в художественных произведениях половую романтическую любовь главной темой. Романтическая любовь имеет свое значение, этого

Г. В. не отрицал, конечно, но ее значение — ничто в сравнении с другими явлениями исторической действительности».

Как видим, на отрицательном отношении к раздуванию значения вопросов пола сошелся ряд умных людей: Гегель, Салтыков-Щедрин, Плеханов, Ионов.

Но вот что интересно: «Что сказал бы» Плеханов (при условии, что он остался бы тем Плехановым, которого мы знаем и ценим), если бы Георгий Валентинович дожид до нашего времени и увидел бы, что т. Ионов... завидует Салтыкову-Щедрину на том удивительном основании, что сатирику не довелось дожить до времени пролетарской революции?

Разве во время Щедрина Иудушка Головлев не строил свое отношение к зависимой от него материально женщине на «голом физиологическом чувстве»? Разве те скрепы проклятого старого быта, которые, к сожалению, еще далеко не распались, не способствовали процветанию «голого физиологического чувства», только замаскированного елейной фразеологией Иудушек Головлевых, только наряженного в фальшивую лицемерную дребедень?

Эти нотки сожаления о старых бытовых скрепах, прорывающиеся у т. Ионова и тогда, когда он вспоминает о гнуснейших временах «арцибашевщины» и «солонубовщины», — слишком уж смахивают на... обыкновенные филистерские рассуждения, а разве с ними можно «перетряхнуть» что-нибудь в наше время?

III. Как т. Ионов «перетряхивает» наш быт.

Однако, посмотрим, правильна ли картина быта нашей молодежи, нарисованная т. Ионовым. Правильно ли, что у нас:

«В быту вообще — наплеизм, похабщина, культ анекдота, наглое торжество пивной бутылки», — как утверждает т. Ионов?

Верно ли, что у нас:

«В области половых отношений — царство голой физиологии, распущенность и разврат, практический энчменизм быта»?

Ведь, обвинения эти — очень серьезные обвинения. С та к и м и обвинениями обычно решаются выступать только после большой и вдумчивой работы над фактическими материалами, документами, цифрами.

Читатель, естественно, заинтересован: какие же интереснейшие документы, проливающие новый свет на сложнейшие явления нашей действительности, оказались в распоряжении т. Ионова?

Но... дело-то в том, что во всей статье т. Ионова не содержится ни одной ссылки хоть на какой-нибудь фактический материал. Дело-то все в том, что фактический материал т. Ионову заменили... два беллетристических произведения, напечатанные в «Молодой гвардии»: рассказ П. Романова «Без черемухи» и повесть С. Малашкина «Луна с правой стороны».

Это — единственная база, на которой т. Ионов строит все свои сугубо-пессимистические выводы.

«Каждому — свое». Тов. Бухарин, напр., базу для своих статей и докладов о молодежи видит в огромном количестве проработанных и тщательно изученных исследований, анкет, бесед, цифровых таблиц и пр. Но, ведь, это — Бухарин! У т. Ионова же — некий поэтический «полет мысли». Различие базиса влечет за собой различие надстроек, как это ясно каждому, «необучавшемуся в семинариях». «Надстройка» т. Ионова, построенная на базе беллетристики, не могла не оказаться «беллетристической».

Мы не отрицаем, конечно, права за т. Ионовым, следуя лучшим традициям публицистической критики, делать социологические выводы и обобщения на основании литературно-художественного материала.

Но в этом случае необходимо дать оценку тому художественному произведению, которое служит базой для подобного рода обобщений, нужно подойти к данному произведению с точки зрения его правдивости, соответствия действительности, с точки зрения типичности, характерности тех героев, которые в нем изображены.

Если жизненны герои П. Романова и С. Малашкина, то типичны ли они для всей нашей молодежи, или только для какой-нибудь прослойки ее? Если они характерны для известной прослойки молодежи, то для какой именно?

Тов. Ионов не дает никакой оценки произведениям Романова и Малашкина и их героям. Он берет на веру, как заранее данное, что герои эти характерны для массы нашей молодежи, и начинает «плакать» по поводу «наплеви́зма в быту вообще», «господства голой физиологии» и пр. и т. д.

Объективно у т. Иопова получилось здесь то, что английские лорды мягко называют «подменом», и что мы, по простоте душевной, обозначаем, как «подтасовочку или передержечку». «Подтасовочка» эта сводится к тому, что явления, описываемые в произведениях П. Романова и С. Малашкина и характерные лишь для известной, наиболее подверженной всяческим шатаниям и колебаниям, мелкобуржуазной части нашей молодежи, т. Ионов распространяет на всю учащуюся молодежь, а заодно — и на всю молодежь вообще.

Только мимоходом обнаруживает т. Ионов попытку подойти к дифференциации нашей молодежи, к какому-то подразделению ее на прослойки, пытается выбраться из того мрачного, безысходного тупика, в который он загоняет и себя и читателя. Говоря о грубости, царящей в массе нашей молодежи, т. Ионов, ужаснувшись сам своей безнадежности, вспоминает, что ведь все же существует какая-то «качественная разница» между грубостью рабочего быта и той грубостью, которая культивируется в «известных мелкобуржуазных слоях нашей молодежи». Но это, к сожалению, только намек не на огульный, а на дифференцированный подход к молодежи... И в другом месте своей статьи, наговорив предварительно десятки «ужасных слов» по поводу таких истин, что анархия в половом быту не является «завоеванием коммунистической революции», вспомнив почему-то о внучке Ламартина, призывавшей к похоти, и указав, что цитирует он эту внучку по книге Фриче (все это понадобилось т. Ионову для доказательства той «новой» истины, что разврат свойственен буржуазии, а не пролетариату), — т. Ионов, как утопающий за соломинку, хватается за следующую фразу:

«... пора обозначить то, что происходит в известных слоях нашей учащейся молодежи, этим словом — разврат».

Во всей статье только две этих, ничего по существу не говорящих фразы, в которых содержится хоть какой-то намек на постановку основного вопроса — вопроса о пропорциях. Но фразы эти абсолютно не спасают Ионова, потому что они бессодержательны, так как не отвечают на основной вопрос о том, каков удельный вес этих «известных слоев». В общей массе молодежи, велики ли они или малы, сильно ли влияние этих слоев, обнаруживают ли они

тенденции к росту, укреплению и расширению, или, наоборот, уменьшаются, редеют, теряют свое влияние по мере роста успехов социалистического строительства. Но... этот важнейший вопрос, который мы назвали вопросом о пропорциях, — вообще не интересует т. Ионов. Он предпочитает читать проповеди, все содержание которых сводится к прописным истинам, и давать оценки, от которых веет самой доподлинной паникой.

«Безраздельно» царит анекдот... Полно, т. Ионов, кто вам поверит? Неужели, действительно, безраздельно господствует у нас похабщина? Неужели ни с чем не делит своего владычества похабный анекдот в беседах партийцев, комсомольцев, учащейся молодежи?

С той оценкой, которую дает т. Ионов нашей современной литературе, как и оценкой его нашего быта, конечно, согласятся с великою радостью наши классовые враги (кстати сказать, весьма сочувственно отнесшиеся к статье т. Иопова и даже перепечатавшие ее в своих газетах). Но разве эта оценка правильна? Разве у нас не отдельные порнографические явления в литературе, а целая «мутная волна», грозящая захлестнуть нас? Разве в нашей литературе, действительно, безраздельно царит «есенинщина»? Разве мы не имеем ряда здоровых произведений попутчиков, разве у нас нет ростков и зрелых плодов пролетарской литературы?

Ту же панику, то же грубейшее искажение быта нашей молодежи проявляет т. Ионов при комментировании произведений П. Романова и С. Малашкина.

Мы указали уже на ошибку т. Иопова, состоящую в том, что он подходит к этим произведениям, как к чему-то «заранее данному», достоверность коего вне всяких сомнений и механически распространяет явления, описываемые в произведениях, на всю нашу моло-

дежь. А между тем, «Молодая гвардия», напечатавшая, в частности, чрезвычайно интересную, но во многом спорную повесть С. Малашкина, сумела отнестись к ней строго-критически, что видно из писем, откликов читателей, стенограмм диспута в одном из московских вузов, статей и др. материала, печатавшегося в «Молодой гвардии». Тов. Ионов же не пытается оспорить достоверность материала С. Малашкина, он предпочитает со вкусом декламировать «ужасные слова» о «комсомольском наплевизме» в о б щ е.

Нужно сказать, что едва ли не одним из самых слабых и необоснованных мест в повести С. Малашкина является то, что той средой, в которой разлагается его героиня, С. Малашкин избрал среду студентов нашего лучшего по своему составу вуза — Свердловии. Тов. Ионову не пришло в голову проверить, насколько сильно распространены отрицательные явления здесь. А между тем, факты, к которым «принципиально» не обращается т. Ионов, говорят, что среди свердловцев, в основном, настроения здоровые и что здесь половые идеалы молодежи далеки от «собачьих свадеб» и «мимолетных наслаждений». В этом отношении чрезвычайно показательна анонимная половая анкета, проведенная среди свердловцев в 1922 году. Собрано было 1 615 анкет, которые показали, что «идеалом подавляющего большинства коммунистического студенчества является длительно половое общение, за которое высказалось 85,7% мужчин и 72,9% женщин»¹⁾.

Можно пытаться «отвести» значение этих цифр, аргументируя, во-первых, тем, что они относятся к 1922 году и что сейчас положение могло измениться,

¹⁾ Записки Коммун. ун-та им. Я. М. Свердлова, т. I, январь, 1923 г.

а во-вторых, сослаться на нехарактерность этих цифр для массы наших вузов, так как цифры эти относятся к лучшей части нашей вузовской молодежи.

Первое возражение не выдерживает критики потому, что ведь нужно еще доказать, что вместе с общим укреплением страны, с ростом элементов социализма и с улучшением материального благосостояния широчайших народных масс не улучшаются настроения молодежи и не изживаются отрицательные, «наплевистские» и иные тенденции. Доказать это, на наш взгляд, невозможно (кстати сказать, цифры эти подтверждают, что т. Малашкин сделал ошибку, избрав средой разложения своей героини свердловцев: действие в повести С. Малашкина развертывается как раз в тот период, к которому относится упомянутая анкета). Что же касается второго возражения, то данные аналогичной анкеты, проведенной в другом не коммунистическом московском университете, с огромным преобладанием беспартийного состава, говорят также о здоровых настроениях подавляющего большинства вузовской молодежи: «из 1200 студентов-мужчин за длительные любовные отношения (сюда входит, конечно, брак) высказалось 72,2%; из 302 женщин — 81,6%¹⁾».

Как же быть с утверждением т. Ионова, вроде того, что «в быту вообще — господство голой физиологии» и пр.?²⁾

Не поставив в своей статье основного вопроса — вопроса о том, какие тенденции в быту молодежи, по-

1) И. Гельмам. «Половая жизнь современной молодежи».

2) Примеры, приводимые выше, взяты «наугад», — число их можно было бы умножить, если бы это позволяли рамки статьи. Но мы вовсе не задаемся здесь целью дать подлинную картину быта нашей молодежи, — эта тема требует особой статьи.

ложительные или отрицательные в процессе их борьбы между собой, — побеждает, не имея своей исходной точки, тот бесспорный факт, что по мере роста наших общих успехов тот круг молодежи, в котором процветает идеализация грубости и «наплевизма», все время суживается, а не растет, — т. Ионов не мог не притти к его «жутко-безнадежным» обобщениям, у него не осталось никакого другого выхода, кроме выхода на путь сухого проповедничества и голого морализирования. К статье т. Ионова целиком приложимы следующие слова Плеханова.

В своем очерке «Судьбы русской критики» Плеханов, говоря о статье Писарева «Стоячая вода», написанной по поводу произведений Писемского, и указав, что собственно об этих произведениях в статье ничего нет, а что в ней

«... речь идет о нашей отсталости, безличности, безгласности, инертности, о наших предрассудках, о дикости наших семейных отношений, об угнетении женщины» и т. п., — Плеханов указывает на недейственность, бесплодность «страстной проповеди» Писарева по поводу этих уродливых явлений. Плеханов дает объяснение бесплодности писаревской проповеди: состояние научных знаний в эпоху Писарева, — вот причина этой бесплодности.

«Спора нет: Писарев прекрасно бичует наше отсталое общество, но его горячая проповедь, порицая невежество и клеймя самодурство, не указывает сколько-нибудь действительных средств борьбы с ними»...

«... Пока эти качества» (безгласность и пр.) не поняты как исторические категории, пока они не объяснены как переходящие явления, пока их возникновение, равно как их будущее исчезновение, не приурочены к историческому развитию на-

ших общественных отношений, — до тех пор они должны представляться какой-то непобедимой силой...»

Не относятся ли эти слова Плеханова к т. Ионову! Разве Ионов указал хоть какие-нибудь меры борьбы с отрицательными явлениями нашего быта? Разве т. Ионов понял их как «исторические категории», разве он установил закономерность, историческую обусловленность болезненных явлений, разве он указал на их динамику («преходящие явления»), разве он объяснил их «возникновение» условиями противоречий, заложенных в нашем переходном периоде, разве он задумался хотя бы на минуту о их «будущем исчезновении», об уже реально намевившейся сейчас победе положительных тенденций над отрицательными? Нет. Он заменил все это «страстной проповедью»... Но... каждому понятно, что «страстная проповедь» т. Ионова отличается от проповеди Писарева хотя бы «несколько» меньшей талантливостью. Каждому понятно и другое: то, что было простительно Писареву, — не простительно Ионову. Кажется, что именно т. Ионов имел в виду Плеханова, когда в тех же «Судьбах русской критики» писал:

«Но ведь мы не думаем винить Писарева; мы говорим только, что странно было бы теперь заниматься такой критикой, какой он должен был заниматься по обстоятельствам своего времени»¹⁾.

Тов. Ионову, это, к сожалению, не кажется странным. Он твердо решил, что самый уместный тон для разговоров с молодежью — это тон проповедника-моралиста. Между тем, увы, «проповедник» этот очень часто путает и противоречит себе в основных, элементарных вопросах.

¹⁾ Бельтов. «За двадцать лет». ПБ, 1909, 3-е изд. «Судьбы русской критики».

Так, например, все болезненные явления нашего быта т. Ионов считает только «гримасами старого уходящего мира». Тов. Ионов не замечает, как он вульгарно «упрощает» вопрос, игнорируя то обстоятельство, что причины болезненных явлений очень часто с необходимостью бывают заложены в противоречиях переходного периода. Трудности реконструктивного периода, замедление темпа международной революции, некоторое усиление частно-капиталистических элементов и пр. и т. п. — неизбежно несут с собою своеобразное преломление в подверженных шатаниям слоях молодежи.

Такую же сумбурную невнятицу встречаем мы и в следующей мысли т. Ионова:

«... Существует качественная разница между грубостью рабочего быта, вырастающей на почве общей некультурности и отсталости крестьянской страны, и грубостью, культивируемой в известных мелкобуржуазных слоях нашей учащейся молодежи... и если первую необходимо лечить хорошими прививками пролетарской культуры..., то вторая обозначает мещанское искажение...»

(В скобках считаем бесполезным отметить штрих, характеризующий общую непоследовательность т. Ионова: ведь у всех еще в памяти полемика в «Большевике» т. Ионова с т. Авербахом по вопросам пролетарской культуры. Не наше дело, конечно, здесь решать вопрос о том, кто из товарищей оказался победителем в этой полемике, но нельзя не отметить все же, что слова «пролетарская культура» в устах т. Ионова, отрицавшего классовую культуру вообще и с пеной у рта защищавшего понятие культуры определенного периода, — звучат, по меньшей мере, странно... Ведь это не может не поставить читателя в тупик: когда же, в самом деле, Ионов говорит то, что он думает?)

Конечно, качественная разница между двумя видами грубости существует, но разве не ясно, что и та и другая одинаково вырастают на почве нашей некультурности и отсталости, с той лишь разницей, что первая вырастает на этой почве непосредственно, а вторая «посредственно», переплетаясь с рядом усложняющих условий. Непонимание корней грубости, культивируемой в среде мелкобуржуазной молодежи, ведет к тому, что т. Ионов не знает, как лечить эту грубость; беспомощно разводит руками перед этой задачей. Потому он и пишет:

«Если первую (грубость) необходимо лечить хорошими прививками пролетарской культуры, то вторая обозначает мещанское искажение...»

Если бы по этому принципу составлялись медицинские рецепты, то они, примерно, выглядели бы так:

«Если этого больного нужно лечить морскими ваннами, то другой больной — брюнет».

Логика «безупречная», но едва ли она решает вопрос о том, как нужно лечить второго больного...

IV. Информация т. Ионова о задачах Октябрьской революции.

Итак, каковы же результаты похода т. Ионова? В чем состоят центральные мысли его статьи? К чему призывает, чему поучает он читателя, каково главное содержание его грозных проповедей?

Так как интерес читателя к этим вопросам вполне закономерен, то возьмем на себя труд выискать из всего, что наговорил т. Ионов, основное «зерно».

Но, увы, петух, нашедший жемчужное зерно, был куда более счастлив, чем читатель, потому что «зерно», которое после долгих поисков мы обрели в статье

т. Ионова, сводится к следующему феноменальному открытию:

«Давно пора со всей категоричностью отбросить сказку о том, будто анархия в области половых связей является завоеванием пролетарской революции».

Очень хорошо. Но... кому это неизвестно? Может быть, студентам, ответившим на ту анкету, о которой мы выше упоминали?

Чтобы быть справедливым к т. Ионову, необходимо отметить и другую его «новую» мысль:

«Октябрьская революция, — пишет т. Ионов, — была сделана совсем не для того, чтобы увековечить кусочки публичного дома в общественных правах».

Очень «любопытная» информация о задачах Октябрьской революции...

И это все? — спросит читатель. — И для высказывания этих «новых» истин т. Ионову понадобилось, уподобившись павлину, распускающему хвост, развернуть всю свою «ученость», состоящую в употреблении имени Ленина, Плеханова, Деборина, проф. Корнилова, внушки Ламартина и даже некоего Выготского, написавшего махистерскую статью? — ужаснется читатель.

И читатель скорбно поникнет головой.

А если этот читатель почитывал Добролюбова, — он, несомненно, вспомнит уничтожающие слова Добролюбова, сказанные им почти три четверти века тому назад:

«Они читают полезные книги для того, чтобы знать, что пишется: пишут благородные статьи затем, чтобы полюбоваться логическим построением своей речи; говорят смелые вещи, чтобы прислушиваться к благозвучию своих фраз и возбуждать ими похвалы слушателей. Но что далее, какая цель всего этого чтения, говорения — они или вовсе не хотят знать, или не слишком об этом беспокоятся...»

Мы целиком за то, чтобы в нашей печати вновь и вновь ставились вопросы о болезненных явлениях в отдельных прослойках молодежи и о мерах борьбы с ними. Уродливых, отрицательных явлений в быту нашей молодежи, к сожалению, еще очень много, и впереди нам предстоит еще трудная и упорная борьба за упорядочение, за оздоровление быта, за установление правильных человеческих отношений между товарищами обоих полов, за изжитие упадочнических, мещанских, чуждых нам тенденций и настроений.

Но мы считаем, что не помощь, а вред этой борьбе приносит тот, кто искажает быт нашей молодежи, кто не имеет других красок для изображения этого быта, кроме черной (или розовой). Мы полагаем, что вред приносят всяческие, отдающие обывательской паникой и понахивающие филистерским сожалением о «добром старом времени», общие рассуждения и абстрактные, оторванные от живой действительности правоучения. Мы не считаем тон проповедника самым уместным для разговоров с нашей молодежью, тем более, когда проповеди эти читаются «вне времени и пространства»: с таким же успехом, — или неуспехом, — статья т. Ионова могла быть напечатанной и пять и семь лет тому назад.

Комсомол проводит огромную работу по изучению настроений и запросов молодежи, он решительно переоборудовывает все методы и формы своей работы в соответствии со все растущими и усложняющимися запросами молодежи. И комсомол имеет право требовать от партийных товарищей, интересующихся вопросами молодежи, помощи в этом сложном деле культурно-политического подъема широчайших масс нашего юношества.

Имеем ли мы достижения на этом пути? На каких участках фронта дело обстоит наиболее плохо? На каких участках продвинулись мы вперед?

Все эти вопросы остаются неразрешимыми для того, кто видит в нашем быту только темное и мрачное, или для того, кто, выйдя на путь схоластического поучения, сам путается и противоречит себе в основных, элементарных вопросах.

Разве Ленин не учил нас отвыкать от интеллигентской привычки метафизического, схоластического мышления, разве не учил он нас внимательно прислушиваться к живой действительности, уметь находить в ее противоречиях «основное звено», разве Ленин не воспитывал в нас отвращение к панике и к сухому, голому морализированию?

Поменьше общих рассуждений и трескучих фраз! Поменьше интеллигентской «литературщины»! Побольше внимания и чуткости к нашей живой действительности, противоречивой, сложной и трудной, но в противоречивости своей прекрасной и радостной!

ВУЗОВСКАЯ МОЛОДЕЖЬ.

Молодой парень из рабочих или крестьянского происхождения учится в вузе, располагает стипендиальными 25 рублями в месяц, живет в общежитии, занимается изучением соответствующих его факультету наук в университетской читальне, получает за гроши в студенческой столовой порядочную бурду, курит махорку, одет бедновато, но тем не менее спокоен, весел, деловит, обстоятелен, в курсе политических событий, нагружен партийной или комсомольской работой, если он партиец или комсомолец, выполняет эту работу с большим или меньшим воодушевлением, в зависимости от темперамента и степени интересности нагрузки, учится хотя и с прохладцей, но не отстает, держится свободно, неторопливо, как хозяин вуза, каким он является и на самом деле.

Вот поверхностная, общая характеристика современного студента. Доказывать правильность этой характеристики незачем. Зайдите на партийное или комсомольское собрание, в любую из вузовских читален, загляните в обычное время в любую из комнат студенческого общежития — вряд ли сложится у вас другое впечатление.

Вряд ли вы найдете на лице молодого парня, просматривающего вечером у себя в общежитии газеты,

следы разгульно, развратно проведенной ночи, не увидите вы и в комнате признаков вчерашней оргии, и если даже вы попросите кого-либо из присутствующих студентов сделать вам одолжение — дохнуть в лицо, то не почувствуете вы и запаха водочного перегара. Если, в крайнем случае, вас привлечет к каким-нибудь дверям доносящийся оттуда шум, то вы сможете, открывши дверь, попасть в самую гущу спора на какую-нибудь чуждацкую тему, вроде — «кто выше: Толстой или Демьян Бедный?» Гарантировать вас, конечно, от матерной брани, коей окажутся пересыпанными речи спорщиков, нельзя; но если вы человек к этому привычный, то как-нибудь обойдетесь.

Но, может быть, такое впечатление составится именно потому, что это — только впечатление, и стоит взглянуть поглубже, всмотреться повнимательнее, чтобы представилась совершенно другая картина.

Может быть, под внешним этим спокойным благополучием откроются язвы и болячки, тщательному разбору и показу которых посвящены шумные литературные произведения последнего времени, в их числе известных уже читателю авторов — С. Малашкина, Пантелеймона Романова, Сергея Григорьева, Л. Гумилевского.

Попробуем действительно заглянуть поглубже.

Эпоха социалистического строительства поставила поднявшееся до юношеского возраста молодое поколение перед задачей овладения профессией, ремеслом, специальностью, во имя активного участия в устройстве лучшей жизни.

Профессия — это уже не только кусок хлеба, возможность успешной борьбы за этот кусок, но это — в первую очередь паспорт на социалистическую полезность.

Многие из представителей дореволюционной интеллигенции, — специалисты-врачи, педагоги, инженеры, работающие сейчас с нами, работают уже организованные идеей социалистического строительства.

Работа специалиста в любой, даже самой узкой области, очень далекой от управления государством, приобретает в наших советских условиях особый великий, идейный смысл. Учащаяся молодежь, пролетарская в значительной своей части, тем более, идя в вуз, избирая себе специальность, не может, не должна рассматривать свою учебу, как способ выбиться к лучшей жизни лично для себя.

В общей массе, в среднем, очень небольшой процент молодежи отдается изучению той или другой науки по непреодолимому влечению; ярко выраженная способность именно к этому делу, а не к тому, специфический интерес, ради удовлетворения которого отодвигаются на второй план вопросы практические, встречаются не сплошь и рядом. В большинстве случаев стимулом к поступлению в вуз бывает для одной части молодежи сознание необходимости «что-нибудь уметь делать», иметь в жизни какое-нибудь полезное дело, часто это сознание, особенно у совсем молодых, бывает очень смутным. Есть потребность к чему-либо приткнуться, не остаться за бортом. Эта часть молодежи — чаще всего выходцы из семей служащих, интеллигентов и молодое поколение детей рабочих (окончившие в нынешнем, в прошлом году школу II ступени).

Для другой части переходящих в вуз из рабфаков, бывших рабочих, крестьянствовавших, более взрослой вузовской молодежи свыше 20 лет во всяком случае, это значит совсем «не приткнуться к чему-либо», это — сложное стремление подняться на более высокую ступень полезной деятельности, овладеть культур-

ной профессией, добиться прежде невозможного, закрытого, уместившего труда. Труд — им известно уже, что это значит, но теперь он становится радостным и увлекательным, вернее, станет, потому что пока что учеба тяжела неизмеримо, и конца ей не видать.

Побуждения и первого и второго рода субъективны, но было бы, конечно, странно представлять себе юношу, отправляющегося на вступительные испытания, или рабфаковца, изъявившего желание поступить в вуз, непременно исполненными мыслью о великом значении, какое приобретает в условиях социалистического строительства, самомалейшее, мельчайшее полезное дело.

И если спросить у молодого студента, зачем он пошел в вуз, он ответит — «хочу учиться», а может быть, просто взглянет на вас с недоумением, и никак не ответит.

Независимо от этих субъективных побуждений, которые в отдельных случаях могут быть даже узколичными, — и бывают такими, несомненно, — в целом, в массе всей системой общественного воспитания, которая характеризует собой вузовскую обстановку, сознание учащегося направляется по определенной линии. О партийной молодежи, о комсомольцах говорить не приходится: общественные навыки у нее уже имеются, привычка работать не только для себя, для самодовольствия или для заработка создана, вкоренилась настолько, что стала даже потребностью. Есть, конечно, отдельные отклонения, они обусловлены специфичностью вузовской обстановки. Так, напр., внутри вуза имеются особые разновидности общественной работы, находящиеся в большом пренебрежении у студенческой массы, несмотря на все старания партийных и комсомольских ячеек. Это пасынки — добровольные

общества. Некоторые ребята из среды беспартийного студенчества, отличающиеся обывательским пониманием общественной нагрузки, идут туда работать, главным образом, из тех соображений, что делать-то там, собственно говоря, нечего, а нагрузка за тобой числится. Взгляд на эту работу сложился каким-то образом такой, что орграспреду ячейки, посылающему туда партийца или комсомольца, надо потратить много красноречия на уговоры посылаемого. Бывают и такие случаи, что, предложи ты парню пойти работать, напр., в ОДН в порядке партийной нагрузки, так он примет это за личное оскорбление.

Бывает понижение общественных интересов, появление известной пассивности у известной части вузовцев на почве общей некультурности. Жизнь вузовца сложна. Надо все успеть. И газеты, и партийная периодика, и общественная работа, и существование материальное, и развлечения, и учеба, наконец, учеба! Навалится такая уйма долгов (и то должен, и это) и растеряется человек, и выяснится вдруг к концу полугодия, что позаниматься-то, собственно говоря, так и не пришлось, — ну, насаждает тогда на учебу «порассейскому» принципу: «на охоту итти — собак кормить». Не организовано время, отсутствуют трудовые навыки, трудовая дисциплина, — и в результате отстает студент то от того, то от другого.

В результате бывают целые периоды отказа от активного участия в общественной жизни вуза, тормозится удовлетворение политических, общественных интересов, затушевывается острота потребности в общественной деятельности.

Но отклонения своим порядком, а наличие у значительной части нашей вузовской молодежи «общественной жилки» — своим.

Что касается молодежи непролетарской, в большинстве своем беспартийной, то уже с первого года пребывания своего в вузе она оказывается подверженной целому потоку влияний; партийная и комсомольская ячейки, руководя вузовской общественностью, в той или иной степени неизбежно захватывают в сферу своего влияния известную часть беспартийной молодежи. Затем — непосредственное общение в учебе, в семинаре, на лекции, в перерыве, в столовке — партийной и комсомольской молодежи с беспартийной.

Это общение, конечно, не выходит за пределы беседы в связи с зачетами, предстоящим докладом; некоторая отчужденность, точнее, некоторое расстояние между партийной и беспартийной молодежью все же сохраняется в вузе еще и теперь, конечно, не в такой мере, как прежде, поскольку нынешний беспартийный студент советизирован и не может идти в сравнение с беспартийным студенчеством 1921/22 г., настроенным подчас реакционно.

Расстояние хотя и сохраняется, но оно уже не так велико, вернее, не так подчеркнуто, это — во-первых, и во-вторых, независимо от того, будет ли держаться партиец или комсомолец ближе к «своим», он все же по линии, так сказать, производственной, в своей учебе, с беспартийной молодежью сталкивается непременно, вступает с отдельными представителями ее в известные отношения, и это имеет свое значение. В целом, в массе, получается сумма индивидуальных воздействий сознания более организованного, мировоззрения более идейного, характеров более сформированных. Тут, конечно, может встать вопрос — не влияет ли беспартийная непролетарская молодежь, ну, хотя бы на комсомольцев, особенно из недавно вступивших в организацию? Нет ли взаимного воздействия? Отрицать

возможность такого обратного влияния не приходится, оно, вероятно, есть. По каким путям может идти это влияние? Партиец-студент сближается с беспартийным, подтягивая его к общественной работе, вовлекая, работая затем с ним бок о бок. Беспартийный студент не может показать более широких горизонтов, его жизнь более личная, более узкая; коммунистическая молодежь, — та, которая прошла уже известные этапы комсомольской выучки (о только что вступивших я не говорю) — объективно стоит впереди, выше беспартийного молодняка, а психологически у каждого, даже совсем рядового комсомольца, где-то в глубине есть сознание своего превосходства над товарищем по учебе, стоящим вне коммунистической организации, вне активной общественной деятельности. Это сознание своего превосходства, казалось бы, немножко попахивает комчанством. И в таковое, действительно, может трансформироваться в отдельных случаях. Но есть в этом чувстве кое-что законное. В самом деле, представьте себе какого-нибудь очкастого, или даже без очков, юношу, преданного наукам, аккуратно посещающего занятия, сдающего зачеты не только в срок, но и до срока, живущего исключительно личными своими интересами. Укажите на такого юношу какому-нибудь комсомольцу, если и не бывшему по молодости лет на фронтах, то во всяком случае изведавшему достижения, трудности, радости и беды самостоятельной активной работы, горевшему общим делом, узнавшему дисциплину организации, приученному, хотя бы в известной степени, свое личное подчинять общественному, общему. У такого парня, будь он даже самый что ни на есть скромный, где-то в глубине души шевельнется чувство снисходительного пренебрежения к преданному наукам юноше. Это — зародыш презрения, которое должен испытывать

общественник, активный строитель нового общественного уклада, к мещанину, к обывателю. В очаговом юноше есть такое обывательское зернышко. На фоне всеобщей активности, освещенной идеей устройства социалистического общества, такая, хотя бы и зародышевая обывательщина, естественно, очень рельефна и вызывает естественную реакцию, часто даже помимо сознания у молодого и, в конце концов, тоже зародышевого общественника, каким является наш преисполненный сознания своей общественной ценности комсомолец. Но, устанавливая законность этого чувства самодовольствия, самоуважения, нельзя не коснуться и уродливой его крайности, о которой уже выше вскользь упомянуто, — комчванства. Проявляется оно, конечно, не в быту, не в личных столкновениях (это было бы совсем недостойно коммуниста), а в учебе. И здесь, в учебе, очень сложное переплетение взаимоотношений комсомольцев и партийцев с беспартийными. С одной стороны, — это база для сближения, для воздействия партийной молодежи на беспартийную, а с другой, — это фактор разобщения, отчужденности, а иногда враждебности. Беспартийная непролетарская молодежь, особенно та, которая платит за «правоучение», учится весьма основательно. Другого дела у нее нет, учеба — это единственный для нее реальный жизненный путь, — ясно, что наседают на книжку эти ребята здорово. Академическая неуспеваемость обычно за ними не значится. И так как учеба в университете носит характер индивидуальный, зачеты сдает каждый сам по себе, и в конечном счете каждый в работе над книгой предоставлен сам себе, то естественно возникновение своеобразной конкуренции. И любопытно, что как раз в семинарах, т. е. в группах, где, казалось бы, коллективная форма работы должна была бы исключать этот момент, сопер-

ничество, конкуренция расцветают особенно ярко. Короче говоря, более грамотная часть студенчества, располагающая и большим количеством времени и зачастую материальной помощью родных, «забывает» более слабых, менее подготовленных, не научившихся еще учиться, которыми чаще всего оказываются бывшие рабфаковцы, комсомольцы, а иногда и партийцы. Но здесь дело не только в объективных условиях быта и жизни этих последних, — здесь дело еще и в халатном отношении к академической работе у партийной и комсомольской молодежи. Помехи, коренившиеся в объективных условиях, были за последнее время устранены рядом мер. За исключением небольшой группы работников, находящихся на партийной работе внутри вуза (секретари, члены бюро ячеек), ни один вузовец-партиец или комсомолец не загружен общественной работой настолько, чтобы это могло тормозить его академическую успеваемость. Больше 8 часов в неделю рядовой член вузовской ячейки работает по нагрузке очень редко. Кроме того, у партийной и комсомольской молодежи, у непартийной пролетарской молодежи есть тоже свои полосу. Если непартийная молодежь более нормально училась и к университетской учебе подходит уже с необходимыми навыками, то у пролетарской молодежи больший жизненный опыт; она грамотнее политически, у нее более крепкая, хотя и менее восприимчивая память, она усваивает науку накрепко, так что потягаться, собственно говоря, можно было бы. Но тут-то вот и выступает это самое чувство самоудовлетворенности: «ребята считают себя солью, если не земли, то во всяком случае университета», занимаются делами «государственной важности» больше, чем академическими, и, пренебрежительно поглядывая на зубрилок, запускают и семинары и лекции непопра-

вимо. Прошлый учебный год был, впрочем, переломным; общественное мнение начало складываться так, что партийная молодежь изменила свое отношение к учебе. Но еще и в этом году чуть ли не основным лозунгом комсомольских ячеек в вузах является лозунг: «бороться с академической неуспеваемостью комсомольцев!»

Но мы несколько отклонились. Речь шла о том воздействии, какое оказывает вся вузовская обстановка и организовано — через ячейки, и индивидуально — при непосредственном общении партийных с беспартийными на беспартийную молодежь, пришедшую в вуз. Можно утверждать без оговорок, что на втором, на третьем году учебы беспартийный студент уже не тот, каким он пришел в вуз.

Кроме очень важной для вуза области общественной работы, работы в академорганах, куда привлекаются наиболее идейные, активные ребята из беспартийных, и куда охотно устремилась бы половина вуза, существует в вузе еще целый ряд возможностей для проявления активности — работа профсекций, стенные газеты, организующие вокруг себя довольно много народу, клуб, научные кружки, студенческие вечера и т. д. Мы не будем перечислять здесь всех форм, в которые выливается или могла бы вылиться вузовская общественность. Такие формы есть, некоторые из них мертвы, требуют впрыскивания живой воды, некоторые нуждаются в омоложении, но, так или иначе, студенческая масса, пребывая в вузе, приобретает общественные навыки, в ней пробуждаются общественные инстинкты, и если не каждый окончивший вуз может, рядом с наименованием своей профессии, поставить слово: «общественник», то все же можно быть уверенным, что на работе по своей специальности он не проявит

себя как «служилый интеллигент». Это можно утверждать со всей решительностью. Нет такого духа в наших вузах, чтобы вырастали «рвачи» и обыватели. Вуз оказывается школой не только академической, но и школой социалистического воспитания. Такова тенденция, этого нельзя забывать, это очень важно, и важно еще, чтобы общественное мнение, высшие наши комсомольские органы, наша печать уделяли внимание учащейся молодежи не только в связи с сенсационными событиями — самоубийствами или появлением очередной беллетристики, рисующей упадок нравов и поголовный разврат нашего молодого поколения. Нужно, чтобы социалистическая тенденция воспитания в стенах вуза более высокой личности, культурного человека, гражданина социалистической республики была рассмотрена во-время, хотя бы и в зародышевом еще состоянии, поощрена, и чтобы для ее дальнейшего роста были созданы наиболее благоприятные условия.

Нашей эпохе нужны качественно отличные от прежних люди.

Нельзя, конечно, сказать, что наше молодое поколение, обучающееся в высших школах, — люди уже вполне качественно отличные от человека дореволюционной эпохи, но это уже во многом новая интеллигенция, это — поколение более идейное. Основная идея нашей эпохи — идея построения социализма — проникает в его мировоззрение в той или другой степени. Общественное самосознание, идейность, несмотря на противоречие, в котором они находятся по отношению к индивидуализму, питаемому борьбой за существование, уживаются с ним, борются с ним, и если в нынешнем поколении не могут еще побороть, то во всяком случае окрашивают собой его психику, входят в нее неотъемлемыми элементами.

Очень много у нас идет разговора об упадочнических настроениях в среде учащейся молодежи. Одним из самых ярких проявлений упадочничества, разложѐнности, является самоубийство.

Наличие самоубийств и тех настроений, которые их питают, так называемых болезненных настроений, как будто стоит в противоречии с тем обликом нашей учащейся молодежи, который мы пытались утвердить выше.

И, действительно, противоречие есть, но нельзя забывать тенденцию положительного развития, надо рассматривать отрицательные явления, не абстрагируя их от жизненной обстановки, от конкретной действительности.

Чрезвычайно характерен тот тон презрения и «безжалостности», в котором обсуждается всякий случай самоубийства в студенческой среде. Некоторых, особенно впечатлительных, такое отношение коробит, вызывает в них возмущение; но надо сказать, что если иногда отрицательное отношение к самоубийству и принимает грубые формы (неуместные остроты, насмешки, чуть ли не издевательства), то это от недостаточной культурности, страшного в этом ничего нет. Наоборот, в основе такого отношения лежит здоровый протест против поступка антиобщественного и противоестественного. Самоубийца никогда не был героем в глазах нашей молодежи.

Такая реакция на самоубийство со стороны молодежи, это — один из моментов мобилизации жизненной энергии всего организма на борьбу с болезнью, это — проявление тенденции положительного развития психики нашей молодежи. Если движение протеста, возмущения болезненным явлением имеет место, если это — факт, то, следовательно, есть у нашей молодежи здо-

ровая жизненная основа. Для умонастроения нашей учащейся молодежи чрезвычайно характерен своеобразный практицизм, вернее сказать, своеобразный рационализм. Жизнь строится в плане реалистическом, и от этого своего плана основная масса учащейся молодежи не отступает. Но самоубийства все же есть, и, — поскольку речь зашла о реалистическом жизненном плане, хотелось бы напомнить тот любопытный факт, что по части самоубийств особенно отличился Вхутемас. Можно не вдаваться в разбор отдельных случаев: по какой причине — с голодовки или от несчастной любви, или спьяна, — ясно и так — несчастная любовь может выпасть на долю и медику, и агроному; материально трудно и физматавцам, и студентам ВТУ. Дело, повидимому, в отсутствии реальных жизненных перспектив. Выпускается из Вхутемаса «свободный художник». Учился, учился, и вдруг оказывается, что к жизни не приспособлен, и потом многое зависит от таланта, а там, где дело решает талант, издержки производства колоссальны. Искусству обучаться и надо и нельзя. Свободным художником быть хорошо в том случае, если есть материальная база помимо заработка от занятий искусством. И эта вот жизненная «непритыканность», неверность существования, эфемерность профессии, — все это, будучи осложнено болезненным самолюбием (жажда известности, успеха, зависть к более одаренным), и определяет в очень большой степени божественные настроения, болезненные явления в среде молодежи, отдавшей работе по искусству.

Если мы попытаемся разобраться в условиях, вызывающих болезненные пессимистические настроения у молодежи, находящейся, казалось бы, в обычной для большинства учащихся обстановке, то мы увидим очень сложное сплетение явлений совершенно специфических,

характерных именно для нашего времени. Пролетарский студент, чаще всего пришедший в вуз с рабфака, должен был пережить большие трудности в процессе своей учебы. Переход от физического труда непосредственно к умственному проходит далеко не безболезненно. Нельзя отрицать колоссального значения систематичности, постепенности в образовании. Нормальный путь в учебе — это далеко не путь рабфака. Очень средних способностей юноша, учившийся постепенно, с детства, не прерывавший на несколько лет учения, учиться в высшей школе легче, свободнее, чем рабфаковец, хотя бы во много раз более способный. Те вещи, которые усваиваются в 12 лет незаметно, в 20 даются труднее. Среднее образование, получаемое ускоренным темпом в течение четырех лет вместо восьми и в более позднем возрасте, — это ненормально, и мы ведь не можем, в конце концов, требовать от наших рабфаковцев, чтобы они были все Ломоносовыми. Большое напряжение энергии, напряжение в области труда, к которому нет навыка, нет элементарной споровки, или уже забыта, утрачена, — не может не отразиться на психике наименее упорных, наиболее слабых. Это — один из моментов, вызывающих неустойчивость настроений, издерганность, неврастению.

Индивидуальный характер труда, самостоятельная работа над книгой, являющаяся неизбежным этапом в процессе овладения техникой учебы, развивают способность к сосредоточению; сосредоточенность, обособленность в труде, предоставленность самому себе, один на один со своей памятью, своими способностями к усвоению, — могут довести в некоторых случаях до отчаяния. И, наконец, материальное положение пролетарского студенчества: оно трудно исключительно. Разница между условиями существования студенчества и

хотя бы служащего, особенно ответственного, воспринимается в некоторых случаях комсомольцами-вузовцами как социальная несправедливость, которую не может устранить революция. На этой почве вырастает скептицизм, неверие в успешность нашей строительной работы, одним словом — настроения, которые, собственно говоря, целиком укладываются в формулу «за что боролись?» Характерно, что чаще всего таким настроениям подвержены ребята, потерявшие чувство связи с классом, от которого они оторвались для учебы. Здесь — процесс перехода из одной социальной группы в другую. Рабочий, поступивший в высшую школу, уже не рабочий, но и не интеллигент, да и не будет таким никогда. Должна получиться какая-то новая комбинация. На всю эпоху перехода к социализму такая группа работников умственного труда, вышедших из рабочего класса и крестьянства, будет все большей и большей составной частью новой интеллигенции. В процессе этого перехода будут отрываться отдельные осколки, отдельные неустойчивые личности, для которых уход с фабрики в вуз означает деклассирование. Товарищами, занимавшимися изучением всех дел самоубийств в вузах, отмечалось, между прочим, что почти все самоубийцы по социальному происхождению из крестьян. Крестьянин, пришедший в город и захваченный фабрикой, хотя и медленно, но все же освобождается от типично крестьянской психологии. Происходит пролетаризация во всех отношениях. Крестьянин, попавший в большой город, в столицу и не попавший в ряды пролетариата, больше всего склонен усваивать черты lumpen-пролетарские. Крестьянская учащаяся молодежь, вернее — известная, наименее устойчивая ее часть, не будучи взята с первого момента поступления в школу в рамки четко-определенной общественной

работы, не будучи подвержена, быть может, особому, более основательному воздействию со стороны коллектива партийного или комсомольского, оставленная без внимания в политической своей неграмотности, очень легко поддается индивидуалистическим настроениям, очень легко превращается, так сказать, в люмпен-интеллигентов. Отдельные, в конце концов, редкие случаи самоубийств, показывают нам уже полный распад личности.

По отношению к этой молодежи остаются, конечно, в силе все перечисленные выше моменты, определяющие болезненные настроения — и материальные условия, и трудности в связи с учебной, и индивидуальный характер труда.

Секретарь комсомольской ячейки одного из вузов как-то в разговоре об упадочных настроениях среди студенчества на вопрос: какое должно быть употреблено лекарство против этих настроений, — ответил: «коллектив — единственное лекарство». Объективные условия изменяются в конечном счете тоже только нашим в них вмешательством, только нашей работой над созданием других объективных условий. Но, к несчастью, пока что мы не в состоянии изменить их настолько, чтобы наше пролетарское студенчество могло, напр., без ущерба для государства получать большую стипендию, но то, что в данную минуту в наших силах, должно быть сделано. Повидимому, коллектив действительно единственное лекарство, и не только в том смысле, что данный товарищ, подверженный упадочным настроениям, должен быть во-время втянут в общественную жизнь, взят под контроль коллектива, но и в материальном отношении.

В общежитиях очень часто организуются своеобразные комнатные коммуны. Товарищеская взаимопомощь

в студенческой среде очень распространена. Говорить же о том профилактическом значении против болезненных явлений, какое имеет вовлечение студента в активное общественное бытие, не приходится. Здесь роль ячеек, роль отдельных товарищей может быть огромной.

Итак, в действительности есть условия для возникновения болезненных явлений в среде учащейся молодежи, для упадочных настроений и даже самоубийств, но в этой же действительности есть и средства и силы для борьбы с ними. И, кроме того, снова и снова важна генеральная линия развития. А она такова, что можно не поднимать паники по поводу нашей вузовской молодежи. Молодежь в основном здоровая, практичная, разумная и хотя изголодавшаяся порядочно за время учебы на стипендиальном пайке, подчас мечтающая о сытном обеде и целых башмаках, купленных на деньги, которые будут получаться в будущем в виде жалованья, но все же настоящее ей далеко не кажется таким уж мрачным.

А теперь можно потолковать и о быте, как таковом. Начать можно, пожалуй, с проблемы пола, принимая во внимание, что на этот пункт больше всего напирают наши современные проповедники и моралисты.

Как же обстоят дела в связи с этой самой проблемой пола? Как и всякая живая жизнь, очень сложно.

Танцевать придется начать все от той же печки, материального положения студенчества. Оно таково, что жениться студенту до окончания вуза — это значит «загубить свою жизнь молодую». Здесь, в этом пункте, любопытнейшим образом пролезает старинное буржуазное установление: до тех пор, пока молодой человек не окажется в состоянии содержать сам семью, женитьба представляется невозможной. И так как время

приобретения такой самостоятельности почти никогда не совпадает с наступлением возраста, когда половая жизнь ставится в порядок дня, то в промежутке юноша «пробавляется» как придется.

Еще пару лет тому назад у нас было колоссальное количество ранних браков. Но за последние годы учащая молодежь (у рабочей молодежи другое положение) стала значительно осторожнее. Или учиться, или жениться. На 25 рублей и самому-то прожить трудно, где уж тут семье! Кроме того, молодежь, приезжающая из провинции (а таких большинство в вузах), не имеет никакого жилища, кроме угла в общежитии, и хотя некоторые и ухитряются жить с женой в разных комнатах и даже разных общежитиях, но обычно жилищные условия тоже являются помехой к заключению брака до окончания вуза.

Есть и среди нынешней молодежи юноши, которые, по выражению одного студента, «проявляют полную индифферентность в отношении женщин», — одиночки, княжьи черви. На них смотрят как на чудачков, подтрунивают; в большинстве же парень 19—20 лет уже жил половой жизнью, и так как условия не позволяют ему даже и думать о женитьбе, то и отношение к женщине у него строится отнюдь не в плане длительной связи на основе глубокого чувства. Больше того, в его психике возникает нечто вроде торможения по отношению к такому глубокому чувству, как только оно начинает назревать. Как же все-таки удовлетворяется потребность в половой жизни? Прежде всего надо признать, что потребность эта далеко не так остра, вопрос этот далеко не так назойлив, как это представляется нашим моралистам. Учеба, умственный труд, большая затрата интеллектуальной энергии при плохом питании — значительно смягчают остроту проблемы пола.

Мы не будем здесь решать вопроса о том, насколько жизненна теория переключения энергии, но несомненно то, что до известной степени такое переключение происходит на наших глазах. Ребятам приходится довольно туго в учебе, им, наконец, просто нехватает времени. Но в той мере, в какой потребность существует, в зависимости от индивидуальности каждого, — вопрос разрешается индивидуально. Впрочем, есть и общее положение для всех (исключения ничтожны) — учащаяся молодежь не ходит к проституткам. Студент и проститутка — эта тема, в свое время излюбленная русской беллетристикой, в современной литературе никакого места не занимает. Впрочем, некоторые наши писатели не могут освободиться из плена литературной традиции и выходят из положения по-своему: студент и проститутка — тема не жизненная, — ну, что ж, они легко превращают в проститутку студентку. Вряд ли можно сказать, что главная и единственная причина такого положения заключается в отсутствии у студента денег. Этот момент, конечно, имеет свое значение, но не меньшее значение имеет и моральный момент. Психология нынешней молодежи во многом уже иная. Очень жалко, что у нас нет материалов, точных цифровых данных, которые могли бы подкрепить это утверждение, но в той мере, в какой уверенность может создаваться на основе жизненных наблюдений, — она у нас есть.

О том же, каковы индивидуальные решения, говорить очень трудно. Чаще всего это — непродолжительные романы, возникающие по взаимному влечению. Объект обычно находится в своей же студенческой среде. Окончившийся роман совсем не обязательно влечет за собой немедленно другой, бывают большие перерывы. Совсем не обязательна в каждом романе половая связь, и далеко не всегда роман кончается после

того, как парень добился половой связи; несмотря на то, что условия как будто толкают молодежь к беспорядочной половой жизни, все это никак нельзя представлять себе в виде охоты за женщиной, которой наша молодежь предается будто бы в стенах вузов и общежитий. Есть, конечно, отдельные парни, выступающие в роли покорителей, свои местные Дон-Жуаны. Это — единичные личности с ярко выраженным эротическим темпераментом, для которых действительно неэротическое общение с женщиной немислимо. Эти ребята вызывают к себе со стороны окружающих такое же шутовское, насмешливое отношение, как и «книжные черви». Но с легким оттенком восхищения, — восхищения того порядка, какое вызывает, напр., хороший гармонист или бойкий остроумный рассказчик: «вот, мол, ловкач». Это восхищение очень показательно: в нем прорывается все же «охотничье» отношение к женщине, элементы которого, несомненно, есть у нашей мужской молодежи. То, что половую жизнь нашего студенчества нельзя представлять себе в виде погони за женщинами, это несколько не исключает наличия в психике современной молодежи отвратительнейших пережитков периода угнетения и закрепощения женщины.

Если в мужской молодежной компании заходит разговор о какой-либо женщине, то почти никогда не обходится дело без специфического обсуждения ее внешних качеств, вернее, дело только этим и ограничивается. Ребята из общежития сознавались: «Если бы девчонки узнали, как о них говорят в мужских комнатах, они бы, наверно, возмутились и рассорились с нами». О двусмысленностях, грубых шутках, сопровождающих эти беседы, говорить уже не приходится. И все это проделывают ребята, которые уже способны на товарищеское отношение к женщине на почве совместной

работы или простого приятельства. Впрочем, это товарищеское отношение распространяется только на данную девушку, но не на всех. Очень характерно для подхода к девушке такое, напр., явление: комсомолец-вузовец предпочитает помимо учебы и работы встречаться с беспартийными. Романы заводят тоже преимущественно с беспартийными девушками. Объясняют это сами ребята тем, что к комсомолке не подойдешь с нежностями, что комсомолка больше норовит на какую-нибудь «серьезную» тему разговор завести, а с беспартийной девушкой можно беззаботно «крутить бантики». Во всем этом — стремление воспринимать женщину не как равную тебе личность, не как равноценного тебе человека, могущего отодвинуть на второй план беседой на «серьезную» тему твои непосредственно-эротические устремления, а только, как партнера для эротической игры, для болтовни, наполненной намеками на сексуальное. Есть и еще такие «мелочи». Напр., искреннее уважение вызывает к себе девушка, «поведение» (это мерзкое слово «поведение девушки» еще не вышло из употребления) которой отличается большой строгостью, и парням ничего не стоит оплевать девчонку, если станет известным, напр., что она с кем-нибудь жила. И беда, если у нее было больше, чем один роман. Каждый парень считает себя в праве подойти к ней грязно и одновременно с презрением. Это, вероятно, самое возмутительное, что осталось у нас от буржуазных моральных установлений. Подходят грязно, говорят же совсем без стеснения, причем раздуваются все ее «грехи» до невероятных размеров, и девушке бывает очень трудно добиться в таких случаях просто человеческого отношения со стороны мужской молодежи. Да, женская «репутация» — это еще совсем актуальная проблема для современной женщины. Наши моралисты, произнося

громовые речи на тему о борьбе с половой распущенностью, возводя крепкий брак в идеал, забывают, что есть опасность одностороннего усвоения этих принципов только по отношению к женщине. Для такого возрождения одного из самых лицемерных пунктов буржуазного морального кодекса почва есть.

Если для студента женитьба до окончания вуза сопряжена с большими трудностями, то для студентки иметь ребенка, будучи даже материально обеспеченной настолько, чтобы взять няньку, — это значит полтора-два года вычеркнуть из учения совсем. Если же няньку взять нельзя, то о продолжении занятий и вовсе нечего думать. Наиболее сильные преодолевают эти трудности, но средняя рядовая девушка чаще всего уступает. Консервативность женской психики не уступает во многих отношениях мужской; очень многие девушки, обучающиеся в вузе, не относятся к своей учебе даже как к средству для приобретения специальности. Одна студентка, комсомолка, выразилась по этому поводу так: «У девушек профессия на всякий случай. Может быть, удастся выйти замуж, тогда и профессия ни к чему».

И, действительно, многие девушки оставляют вуз вскоре по выходе замуж. Есть тут, впрочем, смягчающие обстоятельства. Замужество влечет за собой целый ряд физиологических трудностей для женщины. Кроме того, организация семейной ячейки, налаживание быта, удвоенные хозяйственные заботы. Мужчина-муж сознает себя главой семьи, привычка пользоваться в быту услугами женщины осталась от предков, и он поощряет хозяйственный пыл жены, у которой тоже сохранилась от прабабушек рабская привычка обслуживать мужчину. И вот все условия для охлаждения к учебе, для постепенного забрасывания занятий налицо. Женщина вошла в уготованную для нее веками колею, вошла легко, не

сознавая, что за чечевичную похлебку продана возможность сделаться самодовлеющей личностью, общественным работником, тружеником не только в области пеленок и кухни.

Почти не бывало случаев выхода комсомольцев из комсомола вследствие женитьбы на беспартийной. У очень многих комсомольцев жены — беспартийные, и это отнюдь не мешает их пребыванию в организации. С девушками иначе. Комсомолки, вышедшие замуж за беспартийных, отходят от работы, оставляют комсомол. Это показывает, насколько не крепка еще девушка (в данном случае речь идет о девушке-студентке) в своих взглядах, насколько стихийно поддается она влиянию мужчины, с которым связывают ее личные отношения. В учебе девушка тоже проявляет, главным образом, свою пассивность. На занятиях семинария, например, студент точно таких же знаний, такого же развития, как и студентка, рядом с ним сидящая, выступит и выскажется в прениях без особого сердечного трепета. Девушка же предпочтет смолчать, даже если у нее и есть что сказать. Это — тоже одна из причин, тормозящих возникновение товарищеских отношений между мужской и женской учащейся молодежью. Студент относится пренебрежительно к «бабым мозгам» студентки, и нужно, чтобы женщина в учебе его здорово стеганула, обогнала, показала свое превосходство в знаниях над ним, чтобы он признал ее равной себе по уму, способностям и развитию.

Очень большая разница между пролетарской и непролетарской девушкой-студенткой. Непролетарская женская молодежь, не вовлеченная в общественную жизнь вуза и вообще в общественную жизнь, живет вне учебы очень узкими интересами. Очень много тут явного и скрытого «барышества», часто отдающего до-

вольно сильно женской гимназией. Это обычно очень скромные девицы, очень аккуратные студентки, к учебе подходят по-школьному: перед зачетом трепещут, перед профессором млеют, и рекомендованный минимум книг для экзамена не читают, а учат. Но есть среди этой молодежи девушки, стремящиеся к активному общественному существованию, энергичные, практичные женщины, из которых на работе выйдет толк. Любопытно, что эти частицы стремятся к отделению от общей массы непролетарской женской молодежи и тяготеют к пролетарскому студенчеству. Но все же такие девушки — исключение. В большинстве все, что есть активного, подвижного среди женской молодежи вуза, находится уже в комсомоле, в партии. У пролетарской части женской молодежи есть свои грехи. Беспартийные студентки, напр., почти не читают газет. Комсомолки, если говорить начистоту, газеты читают далеко не регулярно; беспартийные же девчата и подавно. Вот уж о парнях этого нельзя сказать: хоть заглянет, хоть пробежит глазами, но без газеты не обойдется. В каждой комнате студенческого общежития вы найдете «Правду». Еще по части грехов надо сказать, что много у девчат пустяковой болтовни, сплетен, но зато мужские комнаты отличаются по части матерной ругани. Сами же ребята рассказывали: «не выходит без мата. Вот пусть зайдет девушка к нам в комнату, — мы сдерживаемся, но стоит ей выйти за дверь, снова каждая фраза с матом». И бороться с этим, говорят, никак невозможно. И не только брань, вообще лексикон студента весьма уснащен выражениями непечатными. «Мы, — говорят, — сами сознаемся, так, мол, и есть, и очень, — говорят, — сомневаемся, чтобы в женских комнатах тоже на этот счет было совсем благополучно».

Это последнее замечание больше в порядке остроты, потому что при девушке никакой парень матерно все же не заругается, хотя и подозревает ее в тайном сквернословии.

Хотелось бы вернуться еще на несколько минут к вопросу о «биологическом» подходе нашей молодежи к женщине. Нам кажется, что наша молодежь на пути к изживанию этого излишнего биологизма. Повышение качества личности, т. е. рост культурности, развитие общественного самосознания, интеллектуальное развитие в сторону большей идейности, — все это условия и для более культурного разрешения половой проблемы, для возникновения более высоких любовных эмоций. Здесь очень большое значение будет иметь свободное развитие женской личности, раскрепощенной революцией. Женщина даст очень много материала для этой более высокой качественно личности. Но не нужно рисовать идеал половых взаимоотношений молодежи непременно по старым образцам. Да, более высокие любовные эмоции, но без интеллигентского психологизма, без вывертов и излишней утонченности, да не голая физиология, но и не любовь к «прекрасной даме». Сложное, здоровое, глубочайшее чувство, разумное, стимулирующее творческую деятельность обоих, и можно даже с «черемухой», но с какой-то другой, не с черемухой Пантелеймона Романова, от его черемухи слишком затхло, приторно и скучно пахнет.

Очень многие из затронутых в этом очерке вопросов жизни, быта, труда учащейся молодежи заслуживают особого, отдельного внимания, и, быть может, особого очерка, но совершенно непонятно, почему именно половая проблема всплыла вдруг за последнее время над всеми остальными вопросами. Для этого нет никаких оснований в действительности. Вопросы половых взаимо-

отношений нашей учащейся молодежи должны занимать наше внимание на-ряду с другими, и даже меньше других, потому что их действительное жизненное решение производно. Идея самосовершенствования борьбы каждой отдельной личности со своими недостатками, работа над собой, это все, конечно, имеет значение, и нужно мобилизовать и эту возможность, но на-ряду с повседневной работой.

Над повышением культурности молодежи и общей и физической, над ростом общественной активности, идейности, над улучшением материального положения студенчества.

О КЛЕВЕТЕ НА МОЛОДЕЖЬ.

Проблема освещения жизни и быта молодежи всегда привлекала внимание нашей художественной литературы. И неудивительно. Чуть ли не каждое десятилетие в жизнь врывается новый тип молодежи со своим мировоззрением, со своими взглядами, со своими характерными чертами. В этом новом типе молодежи как бы концентрировались все «проклятые вопросы», на которые требовались прямые ответы. Наша литература, имевшая на протяжении ряда десятилетий заостренно общественный характер, главным образом, в виду того, что другой арены для общественных выступлений в царской России не было, естественно, не могла пройти мимо господствующего типа молодежи.

Классики оставили нам в наследство целую портретную галерею с зарисовками последовательно сменявшихся друг друга типов молодежи.

Первые десятилетия XIX века характеризовались надломом старого крепостнического хозяйства. Рост промышленности, проникновение капитализма в сельское хозяйство, приспособление крепостнического поместья к нарождающимся капиталистическим отношениям — все это привело к большим сдвигам во всей жизненной установке и мировоззрении господствовавшего тогда дворянства. Появилось новым духом, за-

пахло весной. Но первые весенние побеги были прибиты заморозками николаевской реакции; крепостническое хозяйство заштопало кой-какие дыры и стабилизировалось на несколько десятилетий. Оно было надломлено, но не сломлено. Эти подпочвенные процессы вызвали к жизни тип лишнего человека, который чувствует затхлость крепостнической атмосферы, но чувствует в то же время и свое бессилие освободиться от крепостнических пут, свою непригодность к жизни. Этот тип надломленного, лишнего человека, отразивший надлом, происшедший в крепостническом хозяйстве, был художественно освещен в произведениях Грибоедова, Пушкина, Лермонтова.

Прошли два десятилетия. Подпочвенные воды капитализма все более и более подтачивали крепостническую оболочку. В жизнь ворвался новый тип молодежи. Он пришел с низов, с огромным запасом новых сил, с резким отрицанием предшествующих традиций («нигилист»). Этот тип разночинца был художественно отражен нашими величайшими классиками. Тургенев в романах «Отцы и дети» и «Накануне», Гончаров в «Обрыве», Чернышевский в «Что делать?», Герцен в романе «Кто виноват», каждый по-своему и каждый со своей точки зрения (Тургенев и Гончаров с точки зрения либерального барина), ярко и убедительно воплотили в образы Базарова, Марианы, Верочки, Рахманова — новый тип молодежи.

Это был период расцвета нашей литературы, и потому созданные тогда типы получили особенную скульптурную законченность и отчеканенность. Дальнейшая эволюция нашей молодежи отражается в литературе уже более тускло. Но так или иначе по произведениям Ггарина, Чирикова, Вересаева мы можем проследить не-

которые этапы развития молодежи народнического толка, а отчасти и первых марксистов...

В великих потрясениях начала XX века, вылившихся в первую революцию, молодежь принимала активное участие, но она почти совершенно не нашла отражения в художественной литературе отчасти из-за того, что тип молодежи еще не устоялся в вихре быстро текущих событий, отчасти из-за идейной растерянности литературных кадров, захлестнутых революцией. Зато молодежь периода реакции — точнее: ее буржуазная прослойка — столь же растерянная и дезориентированная, как и сами литераторы, была «увековечена» Арцыбашевым, Вербицкой и др.

С Октябрьской революцией в жизнь пришла совершенно новая молодежь, в значительной степени с фабрик и заводов. Из нее создаются кадры новой пролетарской интеллигенции. Интеллигентская нерабочая молодежь тоже переплавилась в огне революции. В жизнь пришел комсомолец, за ним пионер. На наших глазах кристаллизуется совершенно новый тип молодежи.

Как же отражается он в современной литературе? На внимание, если измерять его количеством литературной продукции, мы пожаловаться не можем. Особенно в последнее время. Целый ряд писателей в очерках, рассказах и романах попытались отразить новый тип молодежи. Укажем на такие произведения, как «Собачий переулочек» Льва Гумилевского, «Без черемухи», «Суд над пионером» и многие другие рассказы Пантелеймона Романова, «Луна с правой стороны» Сергея Малашкина. Все они формально стараются отразить нашу современную молодежь. Комсомолец, комсомолка, пионер не сходят со страниц этих произведений. Но при более внимательном знакомстве с героями названных

произведений сразу убеждаешься, что авторам совершенно не удалось уловить и сколько-нибудь правильно отразить новый тип молодежи.

Прежде всего бросается в глаза одна особенность: Гумилевский, Романов, Малашкин видят только учащуюся молодежь. Молодежь, работающая у станка, остается вне поля их зрения. Но даже учащаяся молодежь, которой посвящено все внимание авторов, отражается в их произведениях, как в кривом зеркале. Если бы будущий историк захотел восстановить по нашей художественной литературе тип современной молодежи, он бы не получил никакого представления о комсомоле, о характере, взглядах, мировоззрении нашего рабфаковца, вузовца, комсомольца.

Новый тип молодежи, такой как он есть, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, остался совершенно непонятным для писателей, вроде Романова, Гумилевского и Малашкина. Там, где кипит напряженная общественная жизнь, авторы не увидели ничего, кроме сплошного полового вопроса. Проблему художественного отображения современной молодежи они заменили проблемой пола. Да и здесь впали в совершенный карикатуризм, придали общественную значимость отдельным, редко встречающимся, выродкам.

То, что вышло из-под пера Гумилевского и Романова — не портрет новой молодежи и не ее художественное воплощение, а карикатура и клевета на молодежь.

Перед нами стоит задача дать бой такого рода литературе не только по критической, но и по художественной линии. У комсомола есть писатели и поэты, вышедшие из его рядов, прошедшие школу комсомольской работы. Они знают нашего рабфаковца, вузовца, активиста, молодого рабочего не со стороны, не с чу-

жих слов, а как товарищей по борьбе и работе. Они видят наши положительные и отрицательные стороны не сквозь старые, мещанские очки, а зорким, критическим, по-товарищески критическим взглядом. На них ложится сейчас ответственнейшая обязанность противопоставить мещанской пошлятине старых, чуждых нам по духу, писателей или новых писателей, усвоивших старую повадку, верное и художественно-убедительное отражение нового типа молодежи, как он есть в действительности, а не в воображении Романовых и Гумилевских. Наша растущая молодежь хочет видеть свое отражение в художественной литературе. Она не боится критики и освещения болезненных явлений. Но она ждет этой критики от людей, близких ей по духу, по работе, по мирозерцанию.

1/III—27 г. № 49.

СУД ПИОНЕРОВ НАД П. РОМАНОВЫМ.

(По поводу рассказа П. Романова «Суд над пионером»)

Общие соображения относительно пределов критики, развитые мною в статье «Какова же наша молодежь?», применимы, понятно, не только к рассказам Малашкина («Луна с правой стороны»), Романова («Без черемухи») и Гумилевского («Собачий переулочек»), но и к рассказу Романова «Суд над пионером» и вообще ко всякому художественному произведению, в той или иной форме критикующему наши недостатки, наши болезни, наши уродливости и извращения.

Однако рассказ «Суд над пионером» надо рассмотреть особо. Но вовсе не потому, что в нем идет речь о наших детях, а о детях надо говорить как-то не так, как о взрослых, с особой осторожностью, с особым подходом. Нет, не потому. Все такого рода рассуждения, особенно в наше революционное время, разрушающие миллионы старых предрассудков, насквозь пропитанных буржуазным лицемерием, мешают простому, здоровому, сознательному, правдивому, освобожденному от ханжества и иллюзий, общественному подходу к нашим детям.

Особый подход к рассказу «Суд над пионером» диктуется прежде всего тем простым фактом, что здесь мы гораздо меньше, чем относительно учащейся моло-

дежи, осведомлены в быте и нравах наших детей, в частности пионерских отрядов. В литературе на этот счет имеются только отрывочные сведения, притом отмечающие прямо противоположные факты. Тут и поистине чудесное превращение беспризорника в активного работника детского движения, а иногда комсомольского (помнится, в одном из рассказов Пришвина). Тут и, наоборот, сообщения (в «Раб. газете») об одном или двух детских домах, рисующих ужасающие факты из жизни обитателей этих домов (мальчики, угрожая девочкам избиением, ходят к ним по ночам). Вот корреспонденция, описывающая этот случай:

«В Красном (Люберецком) детском городке Моск. губ. воспитывается около 100 ребят. Впрочем, как «воспитывается. Дети 10—11 лет все поголовно курят, лихо ругаются, в классах на досках пишут заборные слова.

Воспитательная работа ведется из рук вон плохо. Отношения между детьми и педагогами — обостренные. Заведующий домом № 4, Толстиков бьет ребят и даже выгнал одного воспитанника на мороз. Мальчик три ночи провел на улице и отморозил обе ноги. Сейчас он лежит в Кузьминской больнице. Ему отняли три пальца. Об этом случае знает заведующий городком, но ничего не предпринимает.

Мальчики заявляют девочкам: «Если вы согласны жить с нами, мы будем вас жалеть и защищать. Если нет — будем бить». Ребята обнимают и целуют девочек, а ночью лезут к ним в спальню через окно.

Мы приглашаем членов Моссовета приехать к нам в гости и навести порядок в Люберцах. Сычев» («Рабочая газета», № 39, 17/II 1927 г.).

Относительно учащейся молодежи имеется хоть свердловская анкета о половой жизни и о половых идеалах свердловцев. Такой анкеты среди пионеров

нет, да и провести ее в теперешних условиях крайне трудно.

Несмотря, однако, на недостаточность материалов по вопросу о половой жизни у пионеров, не подлежит сомнению, что факты половой распущенности, не обязательно выражающиеся в половых сношениях, а чаще всего в нездоровом интересе к половым вопросам, встречаются несравненно реже, чем среди учащейся молодежи, и не только среди учащейся молодежи, но и среди детей, не втянутых в пионерские отряды. Пионерское движение есть движение общественное, пионерские отряды готовят пополнение для комсомола. Уже по одному этому оно отвлекает у пионеров внимание в сторону подготовки к общественной работе. Дети, вырастающие в пионерских отрядах, не чувствуют себя бесправными существами, находящимися почти полностью во власти родителей и школьных воспитателей. Наоборот, с первых же своих шагов в пионерском отряде они начинают приучаться к мысли, что они не лишены права на участие в общественной жизни, и не только внутри своей пионерской общественности, но и в общественной жизни «взрослых» (напр., участие в первомайских демонстрациях, выступления наряду со взрослыми на конференциях читателей журналов, вроде «Всемирного следопыта», участие пионеров в производительной работе, и множество других, более мелких фактов. Почему бы, кстати сказать, не водить пионеров на фабрики и заводы для ознакомления их с техникой и производством?).

Такое воспитание пионеров в духе участия их в общественной работе, а также привлечение их к производительному труду, в огромной степени ослабляет неизбежно возникающий, в силу физиологических причин, у детей в возрасте 13—15 лет интерес к вопро-

сам половой жизни. В этом смысле пионерское движение приобретает особую важность в наш переломный период, с характерной для него неурядицей в области половых отношений и вырастающей на ее основе половой распущенностью. Обостренный интерес к половой проблеме, разговоры, диспуты, статьи в газетах и журналах создают такую обстановку, при которой вопросы, касающиеся половых отношений, буквально носятся в воздухе. Было бы более, чем наивно, утверждать, что эти вопросы не проникают в пионерскую среду. И задача руководителей пионерского движения заключается вовсе не в том, чтобы не допускать такого проникновения. Пусть проникают. Если вообще недопустимо воспитывать пионеров в тепличной обстановке, отгородив их стеной от общественной жизни, то в частности, и в области половых вопросов не менее недопустимо их изолировать в теплице, куда не проникает «улица» с ее развращающим влиянием. Такой теплицы нет и устроить ее невозможно. Все дело заключается в том, чтобы такого рода вопросы проникали в пионерскую среду не как физиологические, а как общественные вопросы. Нет необходимости заострять внимание пионеров на половых вопросах, но поскольку эти вопросы и в силу физиологических и в силу общественных причин у них возникают, необходимо разъяснить им источники современной половой неурядицы, необходимо ставить перед ними вопрос так же, как это ставил Ленин в беседе с Кларой Цеткиной, особенно подчеркивая опасность и губительность раннего начала половой жизни для дела подготовки к участию в общественной жизни.

«Ты родился в эпоху революций и войн, которая растянется на десятилетия. Ты должен готовиться к революционной борьбе и к участию в социалистическом

строительстве, ты должен беречь свои силы на эти задачи. Но не строй себе иллюзий, что можно делать революцию и строить социализм в белых перчатках. И революция, и социалистическое строительство представляют грандиозную ломку всего старого, буржуазного уклада. При этой ломке придется копаться в гнили, в грязи, в навозе, которые остаются как наследие от буржуазного строя. Более того, всякая революция и война плодят грязь, нечистоты, вшей, венерические болезни, а революция в области половых отношений, «созвучная с пролетарской революцией», неизбежна без половой неурядицы и вырастающей на ее почве половой распущенности и полового разврата. Не пугайся этого. Ибо эта революционная ломка ведет к созданию здоровых половых отношений. Но берегись, как сознательный член пролетарского государства, половой неурядицы, половой распущенности. Помни, что твои силы нужны мировой революции и социалистическому строительству».

Вот, что надо сказать пионеру, когда у него возникает интерес к половой проблеме. Это и значит подходить к обсуждению среди пионеров половых вопросов с общественной стороны. Замалчивание этих вопросов, тепличное охранение от них, стародевическое морализирование по их поводу, что еще у нас встречается очень часто, или голая, обнаженная трактовка их, которая «революционно» противопоставляет себя стародевическому морализированию и замалчиванию и которая по существу очень недалеко стоит от «беспризорнического» практического решения «половой проблемы», — оба эти метода подхода к половым вопросам среди пионеров могут принести только вред. В них нет и тени общественной постановки половых вопросов, — един-

ственной, которая может создать среди пионеров здоровое отношение к ним.

Тенденция развития пионерского движения у нас, несомненно, направлена в эту сторону. Но не следует смешивать тенденцию с действительным положением вещей, не следует отождествлять их, не следует представлять желаемое уже осуществленным. Это значило бы закрывать глаза на действительную опасность. Каждый единичный факт в половой области среди детей (например, обостренный интерес в школах II ступени к «Луне с правой стороны») и, в частности, среди пионеров (например, сообщенный газетами факт сожительства вожакого пионерского отряда с пионеркой) должен возбудить у нас особую тревогу. Единичные факты такого рода в пионерской среде по своей общественной значимости равноценны широко распространенной половой неурядице среди учащейся молодежи.

Поэтому всякие разговоры о том, что пионерское движение есть здоровое движение (что несомненно верно), что нельзя распространять отдельные случаи на всех пионеров (что тоже верно), — всякие такого рода разговоры на деле ведут к закрыванию глаз на факты, пренебрегать которыми совершенно недопустимо, хотя бы они были единичными, редкими. Отмахивание от фактов, которые не укладываются в красивую бумажную схему, которые ей противоречат, нежелание считаться с ними, понять их значение, — самое вредное для всякого, кто хочет разобраться в общественном явлении, а тем более для всякого, кто берет на себя руководство общественным движением, особенно таким как пионерское.

Говорят ли у нас с пионерами о половых вопросах так, как это нужно делать в необходимых случаях?

Ставят ли перед ними эти вопросы как важные общественные вопросы? Правильно ли руководство пионерами с этой стороны? Не замечается ли пренебрежение к этой стороне пионерского воспитания или боязнь ставить перед ними вопросы этого рода?

Те материалы, которые имеются в моем распоряжении в связи с рассказом Романова «Суд над пионером», показывают, что в области полового воспитания пионеров дело обстоит, повидимому, далеко не ладно.

Наилучшее доказательство этого находится в протоколе диспута на собрании, специально созванном для обсуждения рассказа Романова, а также в письмах, полученных по поводу того же рассказа редакцией «Молодой гвардии».

Что характерно для всех этих материалов? Крайне незначительное внимание к вопросу о половом воспитании пионеров. Это было бы нормально, если бы ненормальных явлений в этой области вообще не было, или, по крайней мере, если бы выступавшие на диспуте и авторы писем полностью и наотрез отрицали бы существование таких явлений в пионерской среде. Но таковых нашлось всего двое-трое. Все остальные, в той или иной форме, подтверждают наличие такого рода фактов. Одни говорят, что эти явления показаны Романовым в «сгущенных красках»¹⁾ (а в сгущенных красках можно показать только то, что есть). Другие заявляют: «В пионерском быту этот вопрос так остро не стоит» (значит, все-таки стоит, хотя и не так остро).

Третьи заявляют, что «половая проблема у пионеров — большая проблема», но ставится по-иному, чем у Романова». Четвертые переваливают все, что опи-

¹⁾ Все выражения и фразы, помещенные в кавычках, взяты дословно из протоколов диспута и из писем.

сано Романовым, на комсомол: «Это скорее относится к комсомолу, где допустимы, за отсутствием половых норм, различные извращения». Пятые, признавая, что «недостатки и болезни у нашей пионерии есть и довольно большие — об этом спорить никто не станет, — случаются и такие моменты, как «ухаживание» и неумелые глупые формы полового воспитания» (курсив везде мой. — С. Р.), в то же время объявляют рассказ Романова клеветническим. Наконец, есть и такие, которые прямо, без оговорок, признают наличие ненормальностей в половом быту пионеров и приводят соответствующие факты.

Таким образом почти все, в той или иной форме, признают, что в отношении половой проблемы среди пионеров дело обстоит не совсем благополучно. Но только в трех случаях мы встречаем указание на необходимость постановки вопроса о половом воспитании пионеров и, следовательно, о борьбе с ненормальностями в этой области.

Первое указание мы только что привели: «Неумелые, глупые формы полового воспитания».

Второе указание касается бесед врачей о том, как вести половое воспитание. В этом случае мы имеем как раз то, на что указывалось выше: голый физиологический подход к проблеме полового воспитания пионеров, ибо величайшей редкостью у нас являются врачи, которые одновременно могли бы подойти к этому делу с общественной стороны.

Наконец, третье указание — это резолюция, принятая на диспуте по поводу рассказа Романова, на диспуте, на котором, заметьте, присутствовало 150 товарищей, из них 80 курсантов центральных пионерских курсов, педагоги, вожатые города Москвы и т. д., так что собрание весьма авторитетное. В резо-

люции говорится следующее: «Вместо легковесного освещения вопросов половой проблемы среди пионеров пионер-работники просят партийно-общественные круги помочь по-марксистски, по-научному разработать и осветить вопросы полового воспитания пионеров».

Это — единственная правильная постановка вопроса. Помочь надо. Помочь надо, потому что на этом фронте, видимо, не вполне благополучно. Странно только то, что этот вопрос поднят был не в связи с отрицательными фактами, которые были известны и участникам диспута и авторам писем в «Молодую гвардию» (мне, по крайней мере, не известно, чтобы этот вопрос был раньше поднят как общественно-важный вопрос), а в связи с рассказом Романова. Выходит так, как будто рассказ Романова натолкнул участников диспута на крупнейший вопрос, которого они раньше как бы не замечали.

Странно еще то, что весь диспут сосредоточился на третьестепенных вопросах, — клевета или не клевета рассказ Романова, соответствуют ли те или иные детали рассказа действительности, допустимо ли, чтобы беременная кошка присутствовала на собраниях пионеров или доступ на них разрешается только котяткам, должен ли художник давать весь быт в целом или он имеет право взять только кусок быта и т. п.

И поистине уже непонятными, дикими кажутся словечки насчет «сгущенных красок», «заострения вопроса» или заявление о том, что «тема, взятая Романовым, является не жгучей, не большой», при наличии признания или полупризнания со стороны почти всех выступавших на собрании и авторов писем факта неблагополучия в половом быту среди пионеров и факта отсутствия правильного полового воспитания их.

Устроили пионерский суд над Романовым за то, что он преломил через кривое зеркало (возможно, не через

одно, а через два) кусочек быта пионеров, кусочек действительного быта, что вынужденно, полувынужденно и добровольно участники суда признали, вынесли резкое осуждение Романову, попутно «припечатала» журнал «Молодую гвардию», поместившую рассказ Романова, а основной вопрос о половом воспитании пионеров затронули только мимоходом, признав свое бессилие «по-марксистски, по-научному разработать и осветить» его.

Вот как гласит приговор над Романовым и над журналом «Молодая гвардия»: «Журнал «Молодая гвардия» совершил ошибку, поместив рассказ Пантелеймона Романова, так как он не является, во-первых, художественным, а во-вторых, принесет пионер-организации только вред своим неправильным описанием и вредным направлением». (Резолюция принята единогласно.)

Кого же осудили судьи, вынеся такой приговор? Самих себя.

Вы подумайте только: в эпоху революционной ломки пролетариатом прежних половых отношений, порождающей половую неурядицу, на которой вырастает половая распущенность, в эпоху, когда продукты распада гибнущих в революции старых классов заражают своим ядом всю нашу молодую и быстро крепнущую общественность, при наличии отрицательных явлений в половой жизни учащейся молодежи и комсомола и модных «революционных» теорий «стакана воды» и «без черемухи», при наличии неизбежного проникновения такого рода теорий и такого рода практики в детскую и в пионерскую среду, при несомненно установленном неполном благополучии в этой области в пионерском быту, — при таких условиях и предпосылках единогласное признание неблагополучия в деле правильного полового

воспитания пионеров не может быть не чем иным, как признанием нашего бессилия справиться с теми отрицательными явлениями в половом быту пионеров, которые уже там имеются и которые, при неправильной постановке полового воспитания среди пионеров, будут иметь тенденцию к дальнейшему развитию.

И вот, перед лицом этой опасности, судьи, призванные руководить пионерским движением, не находят ничего лучшего, как отрицать отрицательные явления, как прикрывать и замазывать их, как преуменьшать их, как прикрашивать их. А когда находится человек, который на эти отрицательные явления указывает, то начинают кричать: «клевета», «выдумка», «анекдот», «вредное направление», «мы не позволим Романову швырять в нас грязью и нас швырять в грязь», «со стороны боевой, политической Романов показал себя, как наш противник» и пр. и т. п.

Ну, разве нет в этих криках элементов, выражаясь мягко, казенного оптимизма и корпоративного отпора критике со стороны не-коммуниста и, быть может, не вполне выдержанного в советском духе писателя? Ну, разве это не есть попытка пионерским барабаном заглушить слабую критику некоторых отрицательных явлений в пионерском быту?

Не это нужно, не так надо подходить к произведениям, подобным рассказу Романова. И не такие требования надо предъявлять к писателям, подобным Романову, какие предъявляет резолюция, принятая единогласно на диспуте. «В нашу советскую эпоху, — говорится в резолюции (которая, кажется, не была почему-то опубликована в печати), — одно из основных назначений современного искусства... подымать массы,

указывать им путь коммунистического строительства жизни».

Это — Пантелеймон-то Романов будет указывать рабоче-крестьянским массам «путь коммунистического строительства жизни»?! Тогда уж лучше совсем запретить писать Романову и всем попутчикам и вообще беспартийным писателям, а кстати наказать коммунистическим писателям (вроде Малашкина), чтобы они не очень-то шумели об отрицательных явлениях, ибо, изволите ли видеть, это порождает упадочные настроения.

Как можно указывать «путь коммунистического строительства жизни», не указывая одновременно на те отрицательные явления, без устранения которых строительство коммунизма невозможно, как можно разъединять эти две стороны одной и той же единой задачи, — уразуметь это никому не дано.

Нельзя обойти также и вопрос о художественной ценности рассказа Романова, так как этот вопрос, как мы сейчас увидим, теснейшим образом связан с его политической оценкой.

В рассказе Романова немалое количество ошибок, проистекающих из его недостаточного знакомства с пионерским движением, с пионерской организацией. Рассказ как бы написан по наслышке, по сведениям, полученным из вторых рук. Эти ошибки дисквалифицируют рассказ. Нельзя Гамлета выпустить на сцену в самоедском костюме, а Офелию нарядить в сарафан и кокошник. А нечто подобное Романов в своем рассказе вытворяет. Ему нужно впредь прорабатывать свои произведения гораздо основательнее и писать о вещах, которые он действительно изучил и знает, а главное — помнить, что верность духу действительности в противоречии с идеалом в нашей советской обстановке озна-

часть критику наших недостатков с точки зрения социалистического идеала. Романов уже делал заявления, идущие навстречу этому требованию. Посмотрим, как он их выполнит.

Особое возмущение вызывала на диспуте и особенно в письмах следующая «ошибка» Романова, следующий отрывок из его рассказа, следующие слова председателя пионерского суда, судившего пионера Чугунова:

«Один ты с ней мог быть для сношений. Это — твое личное дело. Если она тебе нужна для физических сношений, ты мог честно, по-товарищески, заявить ей об этом, а не развращать подниманием платочков и мешки вместо нее не носить... Любовью пусть занимаются и стихи пишут непманские сынки, а с нас довольно здоровой потребности, для удовлетворения которой мы не пойдем к проституткам, потому что у нас есть товарищи... Лучше хулиганом быть, чем любовь разводить»...

Боюсь, что я навлеку на себя громы и молнии, заявив, что именно в этом отрывке заключена художественная и социологическая правда (одна от другой неотделима), хотя она и выражена в очень грубой, режущей ухо форме.

Романов — не марксист, незаметно также, чтобы он углублялся в социологию. А между тем ему удалось «поймать» и выразить в этом отрывке один из важных законов классовой борьбы в революционные эпохи, когда борющиеся классы приходят к полному сознанию непримиримости их интересов, когда вражда между ними крайне обостряется. Это — закон противоположности враждующих классов в области идеологии, искусства, морали. Все, что исходит в этой области от одного класса, враждебно встречается другим клас-

сом. Нравы, обычаи, правила морали, правила общежития, даже форма одежды одного класса слепо отвергаются другим классом, который в противовес враждебному классу выставляет свои нравы и обычаи, нормы морали, правила общежития и т. д. Плеханов в своих статьях об искусстве неоднократно подчеркивал этот закон противоположности. Вспомните, напр., семейные добродетели, которые французская революционная буржуазия перед великой революцией противопоставляла распущенности и развращенности французской аристократии. Вспомните также тот факт, что после реставрации, последовавшей за английской революцией, английская аристократия демонстративно, в пику скромным, воздержанным в половой области и весьма набожным пуританам, афишировала свою развращенность и речь у Романова в цитированном нами отрывке.

Таких примеров проявления закона противоположности Плеханов приводит немало. Да и у нас недалеко за ними ходить. Взять хотя бы знаменитую проповедь борьбы с «мещанством»: ходить грязно одетым, не чистить зубов, не «ухаживать» за барышнями, обходиться «без черемухи» и т. п.

Именно об этом законе противоположности и идет речь у Романова в цитированном нами отрывке.

У буржуазии нравственным считается ухаживать за барышней, подымать ей платочки, подносить ей цветы, подавать пальто, писать или читать ей стихи и т. д. Половое же общение с нею считается безнравственным, развратом. (Я не говорю здесь о том, что эти нормы буржуазной морали давно стали лицемерно-ханжеской фикцией.) По закону противоположности, особенно сильному в периоды обострения классовой борьбы, ухаживание должно, не может не показаться малосозна-

тельными представителям пролетариата развратом, а оглеженный от всякой «черемухи» физиологический акт — здоровым, нравственным, нормальным.

Разве подобного рода взгляды и теории не распространены среди комсомольцев и не проникают в пионерскую среду? Разве не существует практики, соответствующей этим взглядам и теориям?

Именно в цитированном нами отрывке и заключается художественное оправдание рассказа Романова, в остальной своей части страдающего множеством художественных дефектов и ошибок.

Напрасно только Романов так усиленно сосредоточивает свое внимание на половой проблеме. Обнаружение закона противоположности он мог бы сделать в ряде других областей советской жизни и советского быта. Возня с половой проблемой, право, неприятное дело.

Что касается политического оправдания рассказа, поскольку речь идет о политическом кредо Романова, то тут дело остается неясным. Из рассказа не видно, высмеивает ли Романов пионеров с точки зрения буржуазной морали, которой теория об ухаживании как о разврате должна казаться чудовищным извращением всех «человеческих» понятий, или же он критикует ее с точки зрения пролетарской морали, для которой эта теория, представляющая грубейшее, нелепейшее противопоставление буржуазной морали, является немаловажным препятствием в подготовке новой смены к предстоящим боям мировой революции и к работе по социалистическому строительству.

Этот вопрос остается невыясненным, и только дальнейшие произведения Романова смогут дать более определенный ответ на него.

Одно, во всяком случае, ясно: рассказ Романова подчеркнул необходимость немедленной разработки вопросов полового воспитания пионеров.

Непосредственному руководителю пионерского движения, комсомолу, и партии надо теперь же взяться за это дело. Отсюда, со стороны неправильного полового воспитания пионеров, надвигается опасность, и по этому поводу должен бить тревогу пионерский барабан.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. С. Гусев. Какова же наша молодежь?	5
2. Е. м. Ярославский. Об аскетизме, воздержании и половой распущенности или в чем секрет мещанства	51
3. Валерьян Полянский. О повести С. Малашкина „Луна с правой стороны“.	67
4. Г. Корабельников, „Страсти-мордасти“.	93
5. П. Ионов. Без черемухи	124
6. В. Ермилов. О бесплодном правоучительстве	140
7. Ек. Трощенко. Вузовская молодежь	158
8. О клевете на молодежь „Комсомольская правда“	184
9. С. Гусев. Пионерский суд над П. Романовым	189

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Н. БУХАРИН

З Л Ы Е З А М Е Т К И

Стр. 19.

Ц. 10 к.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

О Б Ы Т Е

Стр. 83.

Ц. 35 к.

В. ЕРМИЛОВ

**ПРОТИВ МЕЩАНСТВА
И УПАДОЧНИЧЕСТВА**

Стр. 76.

Ц. 45 к.

П. РЫЖЕЙ и Л. ТУБЕЛЬСКИЙ

ВОССТАНИЕ МЕЛОЧЕЙ

Стр. 63.

Ц. 40 к.

Н. БОЛГАРОВ и А. ЗАОСТРОВЦЕВ

ПО ЮЖНЫМ МОРЯМ

(Книга для комсомола)

Стр. 83+1 карта.

Ц. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

**МОЛОДЕЖЬ
В ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЕ**

СБОРНИК

Составил И. Владимиров
Стр. 120. Ц. 1 р. 20 к.

Влад. ГЕССЕН

**КОМСОМОЛ И
ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ**

Очерк истории комсомольско-
го и пионерского движения в
СССР

Стр. 162. Ц. 1 р.

И. СТОЖИЛОВ

МОЛОДЕЖЬ

И

КООПЕРАЦИЯ

Стр. 52. Ц. 40 к.

Г. А. КАМЕНЕЦКИЙ

**МОЛОДЕЖЬ НА
ПРОИЗВОДСТВЕ
И ПРОФСОЮЗЫ**

Стр. 68. Ц. 35 к.

В. КИРШОН и УСПЕНСКИЙ

КОНСТАНТИН ТЕРЕХИН (РЖАВЧИНА)

П Ь Е С А

(Выходит из печати)

И. СКОРИНКО

**МОЛОДЕЖЬ
В БОРЬБЕ
ЗА ОКТЯБРЬ**

Стр. 56. Ц. 20 к.

Вл. ВАЙНШТОК
и Дм. ЯКОБЗОН

**КИНО
И МОЛОДЕЖЬ**

Стр. 103. Ц. 60 к.

ПРОДАЖА во ВСЕХ МАГАЗИНАХ, ОТДЕЛЕНИЯХ
и КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1927 год
на ежемесячный журнал

О К Т Я Б Р Ъ

ОРГАН ВСЕСОЮЗНОЙ И МОСКОВСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВАПП

Отв. редактор А. С. Серафимович. Зам. отд. ред. М. В. Лузгин.
Члены ред. коллегии: Н. Г. Полетаев, А. Фадеев, Н. В. Полосихин.

Журнал „Октябрь“ ставит своей задачей удовлетворить запросы молодого пролетарского и крестьянского писателя, активного рабочего читателя, члена профсоюза, красноармейца, партийца, комсомольца.

Отделы журнала. Художественное слово, литература и критика, по советским краям, искусство, трибуна, жизнь ВАППа, библиография, политический, в быту и производстве, переписка с читателями и др.

В 1927 году В ЖУРНАЛЕ „ОКТЯБРЬ“ ПЕЧАТ. БОЛЬШИЕ РОМАНЫ: А. Тарасова-Родионова—„Тяжелые шаги“, Б. Никифорова—„У фонаря“, С. Малашкина и др. Рассказы и повести Ю. Лебединского, А. Фадеева, Арт. Веселого, А. Серафимовича, Ф. Гладкова и др. Стихи: А. Жарова, И. Доронина, И. Уткина, А. Безыменского, Н. Полетаева и др. Статьи: Ф. Раскольников, Я. Шафира, Л. Авербаха, А. Зонина, А. Гроссман-Рощина и др.

ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ГОДОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ

I. Д. Фурманов — Собрание сочинений в 4 томах, т. I — Чапаев, т. II — Мятаж, т. III — Пожар, т. IV — За коммунизм.

II. А. Серафимович — Железный поток.

III. Р. Мандельштам — Художественная литература в оценке русской марксистской критики за 5 р. вместо 10 р. 25 к. в розничной продаже.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на журнал с приложениями — 15 р., на журнал без приложений на год — 10 р., на полгода — 5 р. 50 к., на 3 мес. — 3 р. Для годовых подписчиков допускается рассрочка. Цена отдельного номера 1 р. 10 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1927 год

на двухнедельный журнал марксистской критики

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

Под редакцией: Л. Авербаха, Б. Волина, Юр. Лебединского, М. Ольминского и Ф. Раскольникова

Подписная цена на журнал с приложениями 15 р., на журнал без приложений на год — 10 р., на 6 м. — 5 р. 50 к., на 3 м. — 3 р.

Рассрочка платежа для годовых подписчиков на журнал с приложениями при подписке — 8 р. 50 к., не позднее 1 июня — 6 р. 50 к., на журнал без приложений при подписке — 6 р. не позднее 1 июня — 4 р.

Цена отдельного номера 50 к.

ПРИЛОЖЕНИЯ: Ф. Меринг. — Легенда о Лессинге, ц. 2 р. В. Фриче. — Социология искусства, ц. 2 р. Г. Плеханов. — История русской общественной мысли, в 3 томах, т. I ц. 2 р., т. II ц. 1 р. 50 к., т. III ц. 1 р. 50 к.

Для годовых подписчиков — всего вместо 9 р. — за 5 р.

Подписка принимается главной конторой периодических и подписных изданий Госиздата — Москва, Воздвиженка 10/2, тел. 4-87-19, Ленинград, просп. 25 Октября, 28, тел. 5-48-05, во всех магазинах, отделениях и киосках, а также уполномоченными Госиздата, снабженными соответствующими удостоверениями.

16480

1 руб.—Р.

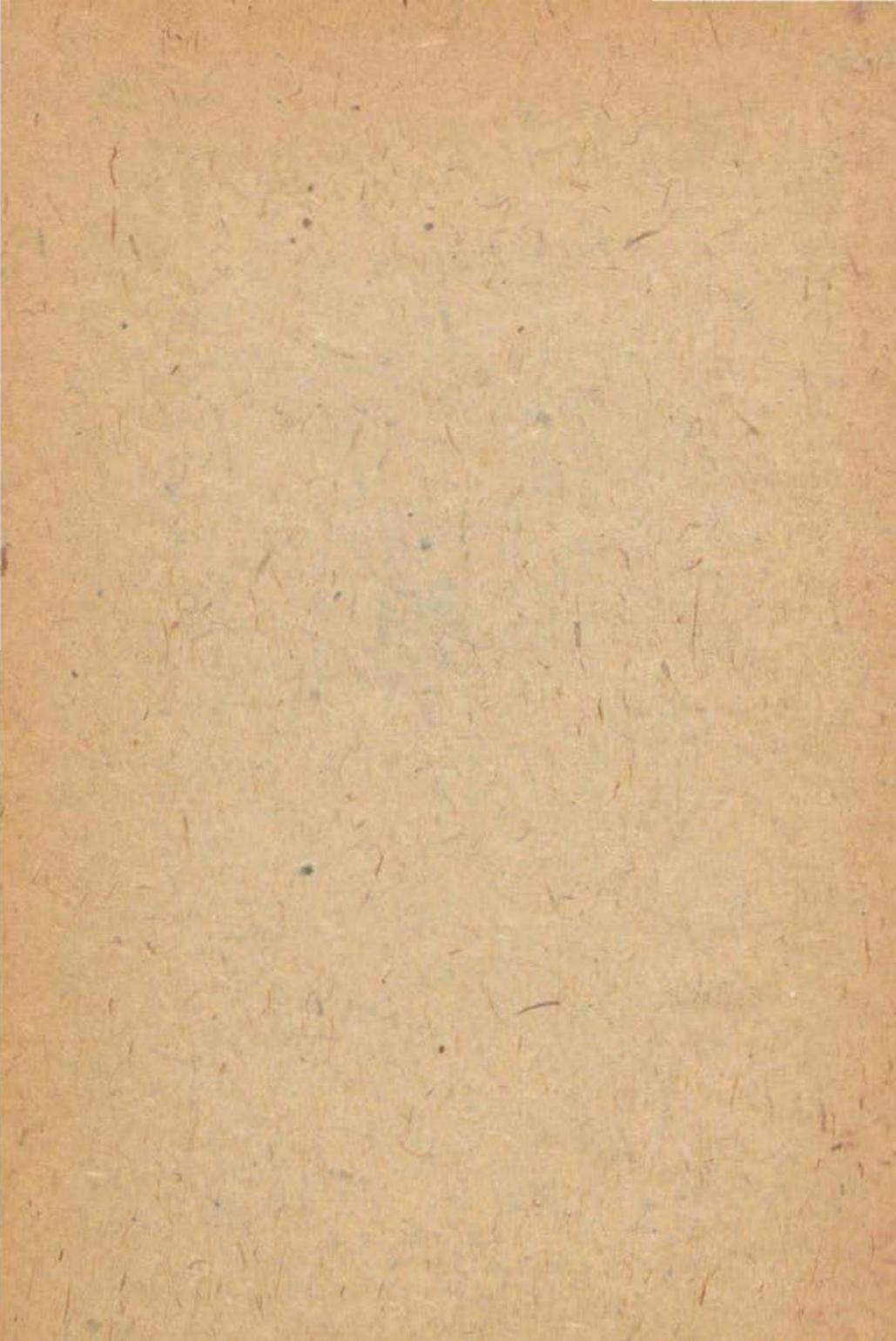
1311

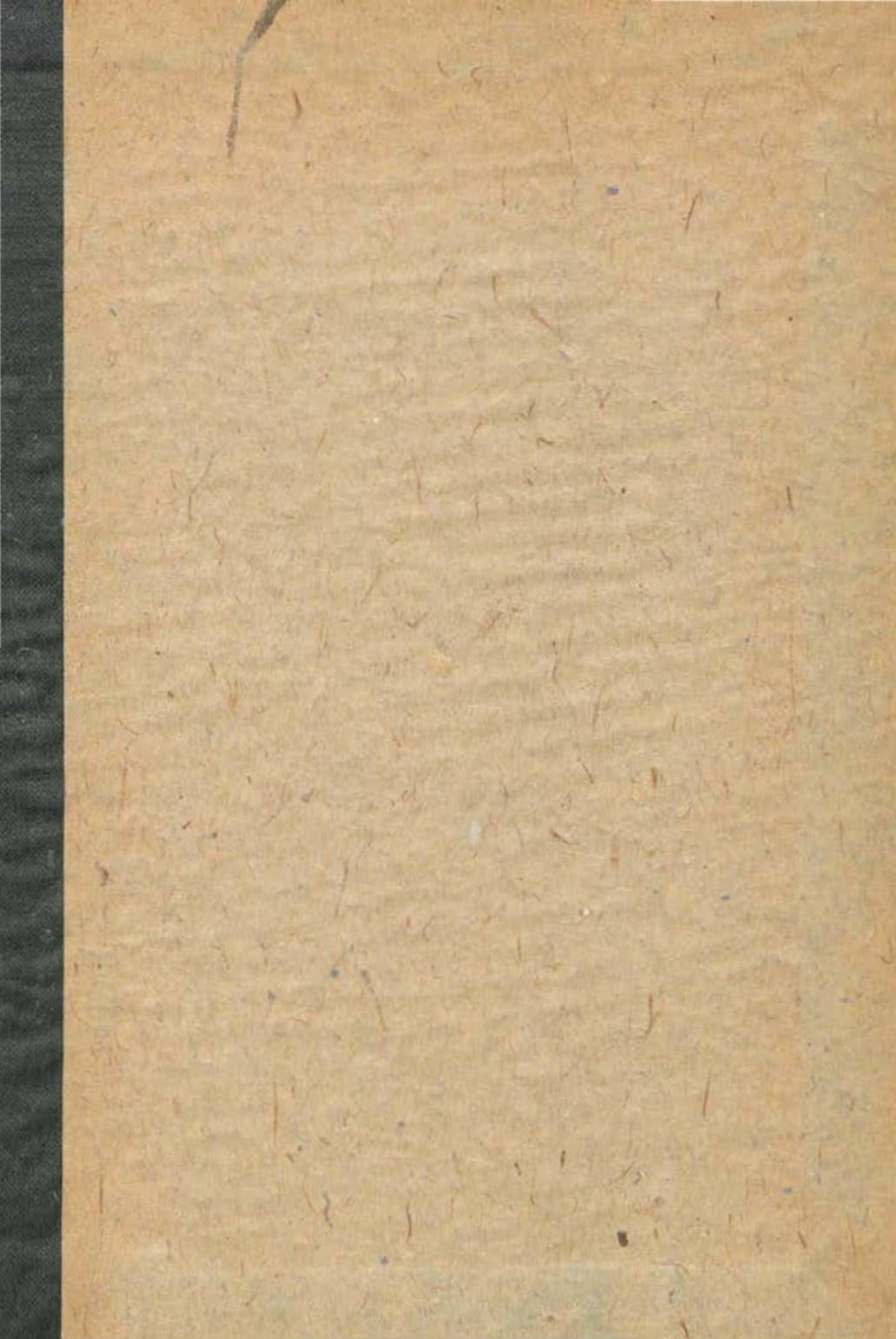
3

1927

39

2010517388